

Страницы истории
педагогической мысли

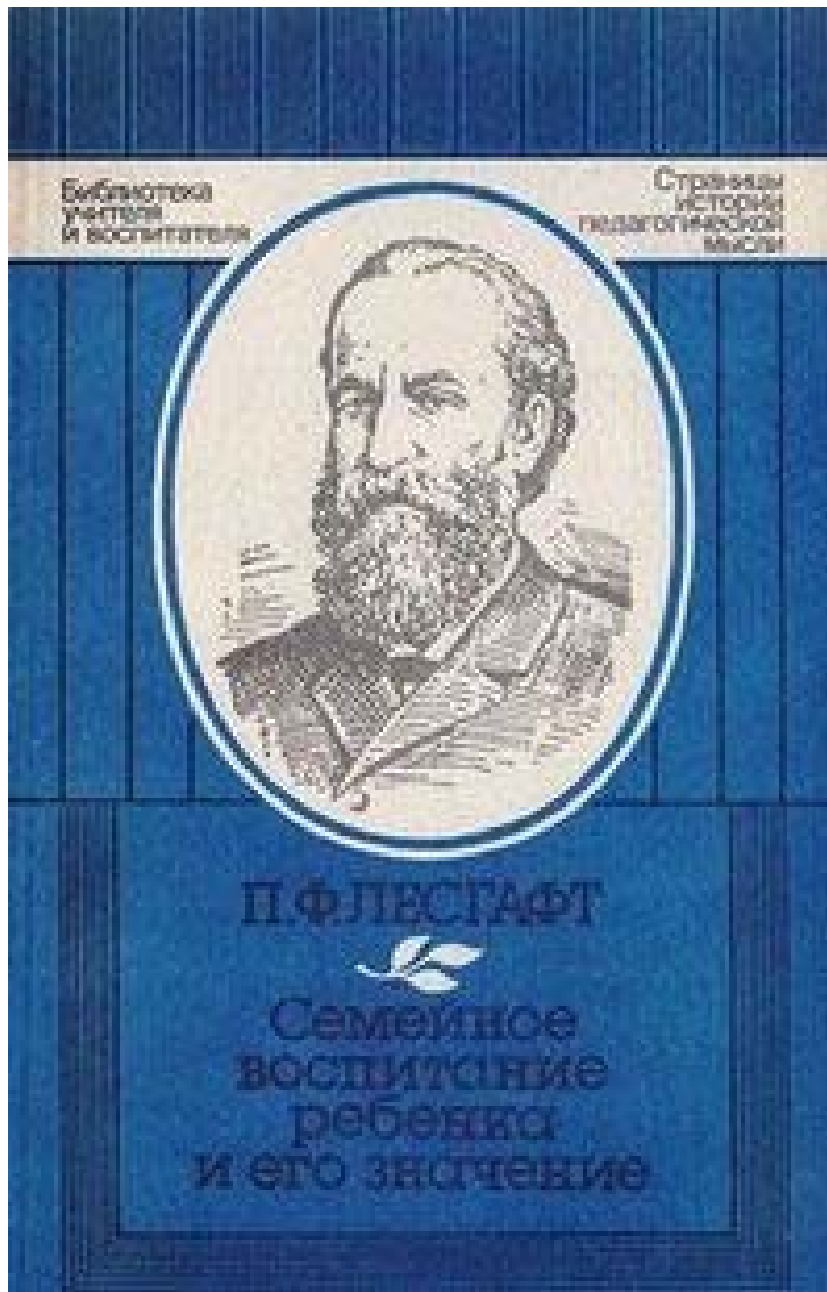

П.Ф. ЛЕСГАФТ

**Семейное
воспитание
ребенка
и его значение**

Москва

«Педагогика»
1991

ББК 74.03
Л 50

Составитель
Е. А. Ляпидевская

Лесгафт П. Ф.

Л 50 Семейное воспитание ребенка и его значение. — М.: Педагогика, 1991. 176 с. — (Б-ка учителя и воспитателя: Страницы истории педагогической мысли).

ISBN '5-7 15Б-0404-X

«Семейное воспитание ребенка и его значение» — работа крупнейшего русского педагога XIX в. П. Ф. Лесгафта. Рассматривая жизнь ребенка в семье и школе, автор анализирует разные типы поведения детей, предлагает оригинальные методы семейного воспитания. Для успешного развития ребенка в семье подчеркивается значение шумной, толковой, правдивой, любящей матери».

Большое внимание в книге обращено на формирование социальной направленности личности, на единство целей и задач семейного и общественного воспитания.

Для учителей, родителей

4312000000—017

Л 005(01)-91 61-91

ББК 74.03

ISBN 5 -7155-0404-X

Издательство «Педагогика», 1991
Лесгафт П. Ф. Избранные педагогические сочинения.
М., 1988

ВВЕДЕНИЕ

Самое существенное требование, какое необходимо предъявить воспитателю и учителю, берущему на себя обязанность руководить ребенком, вступающим в школу,— это чтобы он понимал ребенка, его психические отправления, а равно и его индивидуальные свойства, так как, не зная условий психического развития ребенка, воспитатель может ежеминутно стать в тупик перед проявлением той или другой черты нрава воспитанника, не сумеет найти основной причины данного поступка и упустит из виду тесную связь индивидуальных особенностей ребенка с его дошкольной обстановкой и семейной дисциплиной.

Не менее необходимо для каждого воспитателя отдавать себе ясный отчет во всех требованиях, которые ставят ребенку в стенах школы, и строго следить за тем влиянием, какое оказывает на ребенка школьный порядок. Сплошь и рядом приходится наблюдать, что как родители в семье, так и воспитатели в школе воздействуют на ребенка, совершенно не отдавая себе отчета, почему именно следует применять к нему те или другие воспитательные меры; а ведь подобное *бессознательное* руководство личностью ребенка никогда не проходит без серьезных последствий и отзывается иногда на всей его последующей жизни.

Большинство воспитателей в случае неудачи своих педагогических мероприятий охотно сваливают все на пресловутую «наследственность», на «прирожденную испорченность» детской *натуры* или же в утешение себе и другим ссылаются на какие-то неуловимые влияния, которых будто бы нельзя ни предусмотреть, ни избежать.

Привыкнув в обыденной жизни к очень поспешным заключениям, когда приходится указывать причину того или другого поступка взрослого человека, обыкновенно ограничиваются только обвинениями и порицаниями также и тогда, когда спрашивают: где искать причины дурных привычек или безнравственных поступков ребенка, едва достигшего школьного возраста?

Однако эти обвинения и порицания ровно ничего не уясняют, а только доказывают, что педагог не желает взять на себя труд выяснить те психические мотивы, которые составляют подкладку каждого человеческого поступка. Вследствие недостатка внимания, а главное вследствие незнания, обыкновенно спешат допустить сутеля красноречиво толкуют о «неисправимо испорченных» детях, точно эта испорченность явилась сама по себе и за нее ответствен сам ребенок! Влияние руководства взрослых как-то всегда остается в тени; и верить не хотят, что «испорченность» ребенка школьного или дошкольного возраста есть результат системы воспитания, за которую расплачивается все-таки один воспитанник. В громадном большинстве случаев не прирожденная тупость (нравственная или умственная) ребенка, а педагогические ошибки готовят ребенку горькую будущность, оставляя на его личных проявлениях и привычках неизгладимые следы нравственной порчи и умственного бессилия.

Кому не известно, что все дело воспитания (и в семье, и в школе) зачастую сводится к тому, что ребенка нужно *учить*, причем под словом «учить» нередко подразумевают: *выискать, наказать, пригрозить* и т. д. Да иначе и быть не может, пока будут поступать совершенно слепо, по рутине, не отдавая себе отчета в каждом шаге; если не «познать себя», не приучиться связывать причину со следствием, то рутинные педагогические приемы принудительного характера по-прежнему будут царить в стенах школы, как и в семейном быту.

В настоящем этюде представлены главные типы детей, которые приходится наблюдать при появлении их в школе, и по возможности выяснена связь, существующая между наблюдаемыми типичными проявлениями и условиями, при которых дети развиваются в семье. Результаты приводимых наблюдений еще очень неполны, и если они представлены в виде антропологического этюда, то только для того, чтобы вызвать дальнейшие наблюдения и проверки и, таким образом, общими усилиями выяснить развитие и значение типов, встречаемых в школе и в семье. Но прежде, чем приступить к описанию и выяснению этих типов, необходимо установить значение некоторых употребляемых здесь выражений, чтобы придать им по возможности точный и определенный смысл.

Самый простой акт, вызываемый раздражением какой-либо части чувствительной поверхности тела, есть отраженный (рефлекторный), причем под словом «чувствительность» следует разуметь способность воспринимать раздражения, действующие на какую-нибудь часть живого организма. Акт этот состоит из раздражения чувствительной поверхности (кожа, все ткани и органы тела), передачи этого раздражения по проводнику, идущему от этой поверхности, а именно от той части, на которую непосредственно подействовало раздражение, к месту, где проводник оканчивается (серое вещество задней части спинного мозга, мозжечка, узлов основания головного мозга и узлов симпатической системы). Место это представляет центральный конец проводника. Распространяясь дальше по выходящим отсюда проводникам до ближайших центров (серое вещество передней части спинного мозга, внутренней части верхней поверхности продолговатого мозга и тех же мозговых центров, как и в первом случае), раздражение переходит отсюда на дальнейшие проводники, достигает до мышечного тела и вызывает в нем сокращение, заканчивая таким образом этот простейший психический акт. Такой акт по существу своему нецелесообразен, так как эффект раздражения будет представлять собой ряд движений, не достигающих определенной цели, и только степень движения будет зависеть от степени раздражения. Только в том случае, если действующее на чувствительную поверхность возбуждение или раздражение доходит до центров сознательной деятельности и при повторении становится привычным, появляющееся опытно-рефлективное действие и становится целесообразным. Такие действия наблюдаются у человека в виде так называемых инстинктивных действий. Все только что сказанное вполне подтверждается при совершенно объективном наблюдении над новорожденным ребенком, но теперь не будем останавливаться над доказательствами

этого положения; после, при изучении новорожденного, проследим шаг за шагом за всеми замечаемыми у него явлениями и тогда убедимся в верности сказанного. Необходимо еще заметить, что все проводники и упомянутые выше центры совершенно индифферентны к передаваемому раздражению, и если они обыкновенно проводят раздражение *только* в одну сторону, то это зависит от тех частей, которыми они начинаются и оканчиваются. Первые части, т. е. начала проводников, способны только воспринимать раздражения, а окончания проводников могут только передать это раздражение тем органам, в которых они оканчиваются; такими органами, по-видимому, бывают одни только мышцы. Если весь этот акт объективной передачи раздражения вызывает бесцельные (отраженные) действия, то он остается бессознательным и субъективно не воспринимается; если же движения, вызываемые им, целесообразны, то они составляют повторение бывших в сознании и субъективно воспринятых раздражений. Отдельными моментами... будут раздражение, которое доходит до центра объективного восприятия, затем передача раздражения центрам объективной деятельности и, наконец, проявление его в виде движения, действия.

Но раздражение может при постепенном и последовательном действии передаваться по проводникам дальше, к периферии больших полушарий мозга, к сознательным или субъективным центрам, являясь здесь в виде ощущения или чувствования (удовольствия или страдания), и выразится уже в виде желания или хотения. Для осуществления этого сознательного акта опять же необходимо раньше всего периферическое раздражение (кожа, все ткани и органы тела), затем передача полученного раздражения центрам объективного восприятия (серое вещество спинного мозга, продолговатого мозга, мозжечка и узлов основания головного мозга) и дальнейшая передача раздражения центрам субъективного восприятия, где оно проявляется в виде ощущения или чувствования. Последние составляют, следовательно, последствие или результат передачи раздражения сознательным центрам (корковый слой головного мозга). Влияние разновременных или различных по степени и качеству раздражений вызывает в центре субъективного восприятия сравнение, порождающее мысль, или суждение. Далее, раздражение, передаваясь центрам субъективной деятельности (психомоторным центрам), является здесь в виде желания или хотения, которое обнаруживается движением. Необходимо опять же помнить, что раздражения обыкновенно передаются по всем указанным проводникам только в одном направлении и ни в каком случае не обратно. Проводник, идущий от узла и оканчивающийся в мышце, передавая сюда раздражение, может вызвать только мышечное сокращение. Проводники же, идущие от поверхности больших полушарий мозга к узлам и от последних к мышцам, получают свое раздражение от существующих на этой поверхности органов сознательного действия (психомоторных центров), с деятельностью которых и связаны мышечные ощущения «...»

В сознательных центрах необходимо отличать центр рассудка от центра разума. *Рассудок* есть, по Канту,

способность суждения, т. е. способность сравнивать отношения различных представлений, наглядно или непосредственно воспринятых; результатом этого сравнения являются знание субъективно усвоенных представлений и опытность, которые, следовательно, вырабатываются деятельностью рассудка. Знание и опыт могут вызвать в центре субъективной деятельности (психомоторном) желание или хотение, но деятельность эта будет во всех отношениях подражательная, а не самостоятельная, творческая, так как она ничего не прибавляет к характеру тех образов и представлений, которые служат ей материалом, а, руководясь сравнением, делает из них только выбор, соответствующий той или другой цели. Органом, или седалищем, *рассудка* может быть признана область поверхности больших полушарий мозга, известная под названием *органа наглядного восприятия*. Часть области, лежащая выше Сильвиевой борозды, составляет орган *наглядного восприятия пространственных соотношений*, а часть, лежащая ниже этой борозды, будет органом *наглядного восприятия соотношений по времени*. Разум есть способность выводить заключения из посылок или ясных представлений, данных рассудком, т. е. способность устанавливать основные различия и сходства этих посылок или мыслей, лежащих в основании последних. Это уже будет не знание, а понимание на основании анализа и синтеза получаемых посылок. Деятельность разума проявляется исключительно отвлеченным мышлением. Эта способность, видимо, развивается при медленном и настойчивом, постепенном и последовательном разборе усвоенных знаний и мыслей. Деятельностью разума из частных посылок создаются общие идеи и истины, и, наоборот, последние разлагаются на элементы или представления, служащие им основанием. Таким образом, разумом проверяются идеи и выводятся *истины*, т. е. ясно сознанные идеи, строго соответствующие характеру образов, легших в основание при возникновении их. Только разумом вызывается волевая деятельность, самостоятельная, творческая, указывающая на видоизменения в проявлении усвоенных идей и истин. Органом, или седалищем, *разума* могут быть признаны области поверхности больших полушарий мозга, лежащие спереди, под и позади области, занимаемой органом рассудка. Стенки Сильвиевой борозды, а в особенности извилина Брока, служат, по-видимому, органом, имеющим отношение к речи. Разумом человек отличается от животных, у которых можно наблюдать разве только рассудочные проявления. Деятельность разума развивается только при известных условиях; человек может прожить всю свою жизнь, не развив у себя этой способности.

Подобно тому как раздражение действует на внешнюю чувствительную поверхность, на отдельные части органов движения, вообще на все органы животной жизни, оно действует и на органы растительной жизни (пищеварения, дыхания, выделения и воспроизведения). Здесь встречается только больше препятствий, которые приходится преодолеть, чтобы передать раздражение от органов растительной жизни сознательным центрам, где оно также выражается чувствованием, которое может возрасти до страсти, если эти чувствования не будут задерживаться

отправлениями разума. Страсть есть назойливое или укоренившееся желание. Важность этих ощущений видна из нижеследующего разбора.

Признаки жизнедеятельности ткани состоят в питании, движении и чувствительности. Первое явление, в свою очередь, состоит из постоянной траты и накопления материала и усиливается при раздражении и деятельности ткани или органа. Усиленная деятельность ткани, суммируясь, производит раздражение, которое, дойдя до сознательных центров, проявляется здесь в виде чувствования, а именно в виде *удовольствия* или *страдания*. Чувствование, следовательно, есть такое состояние сознания, которое вытекает из субъективной оценки ощущений. «Основой для образования различных чувствований», — говорит Н. Грот, — должно считать отношение работы какой-нибудь ткани организма к ее энергии. Всякое возбуждение наших тканей с точки зрения тех последствий, какие оно за собой влечет, называется *работой этих тканей*. Всякое состояние их, предшествующее этой работе, принято рассматривать в отношении к последней с точки зрения силы или энергии, какую эти ткани могут обнаруживать во время работы: •в этом смысле состояние тканей равносильно присущей им энергии».

Положительное удовольствие сопровождает всякое соответствие между тратой материала и предшествовавшим ей накоплением его. Оно выражается наслаждением — чувствованием, сопровождающим посильную работу. *Отрицательное удовольствие* сопровождает всякое накопление вещества соответственно предшествовавшей ему трате. Оно выражается отдыхом, восстановлением.

Положительное страдание сопровождает всякий избыток траты вещества сравнительно с предшествовавшим ему накоплением. Оно выражается усталостью, истощением и даже изнурением.

Отрицательное страдание сопровождает всякий избыток накопления вещества сравнительно с его тратой. Оно вызывается лишением привычного раздражителя и выражается потребностью деятельности.

Что касается до внешних выражений чувствований, и в особенности выражения лица, то их общий характер определяется следующим общим положением: «Приучаясь относить сокращение мышц, окружающих органы чувств, к получаемым впечатлениям, обыкновенно производят такие же сокращения под влиянием чувствований, соответствующих этим впечатлениям, причем степень сокращения и число участвующих мышечных групп прямо пропорциональны силе впечатления». Здесь приводится только общее положение, которое можно применять при выяснении каждого отдельного выражения, причем это общее положение более выясняется на частных примерах. Внешние выражения всех душевных волнений, или эмоций, составляют только повторения движений и выражений, производимых первоначально под влиянием действующих непосредственно на тело возбуждений и раздражений, а также под непосредственным влиянием ощущений, сопровождающих отправления всех органов животной и

растительной жизни. Мышечные ощущения и ощущения, связанные с деятельностью органов чувств, могут быть признаны за первичные, или основные, чувствования, а эмоции, или душевные волнения, — за вторичные, производные, или сложные, чувствования. Согласно с этим и внешние выражения последних всегда должны соответствовать реальным чувствованиям первых как их элементам. Поэтому внешние выражения душевных волнений, или эмоций, по качеству и степени должны состоять из движений, сопровождающих те простые, или основные, чувствования, из которых данные эмоции складываются или которым они соответствуют. Относительно влияния внешних впечатлений можно сказать: «Всякое возбуждение или раздражение непременно переходит или непосредственно в мышечное сокращение, или в умственную работу». В последнюю оно переходит, если предыдущей последовательной и постепенной деятельностью были устранены препятствия на пути к сознательным центрам < . . >.

ШКОЛЬНЫЕ ТИПЫ (АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД)

Соответственно постепенному и последовательному ходу развития умственных способностей у ребенка нормального типа можно бы различать при его развитии следующие периоды:

- 1) *Хаотический* период, в котором находится новорожденный ребенок.
- 2) *Рефлекторно-опытный*, продолжающийся главным образом до появления речи, следовательно, приблизительно до начала второго года после появления ребенка на свет.
- 3) *Подражательно-реальный* — до школьного периода.
- 4) *Подражательно-идейный* — школьный период до 20-летнего возраста.
- 5) *Критико-творческий* период, к которому, собственно, должен принадлежать взрослый, зрелый возраст с различными подразделениями.

Эти периоды при выяснении идеального, нормального типа ребенка будут прослежены только до школьного периода. Прежде же всего посмотрим, в каком виде ребенок является в школу и какая связь существует между его прежней семейной жизнью и тем типом, к которому его можно отнести, наблюдая его при появлении в школе.

Самые характерные из замеченных типов следующие:

- 1) Тип лицемерный.
- 2) » честлюбивый.
- 3) » добродушный.
- 4) » забитый — мягкий.
- 5) » забитый — злостный.

б) » угнетенный.

Проследим теперь эти типы в частности.

ЛИЦЕМЕРНЫЙ ТИП

Ребенок лицемерного типа при появлении в школе отличается обыкновенно своей скромной внешностью; в играх он подвижен и весел. Вначале он очень приветлив и внимателен ко всем окружающим, а потом более к тем, от которых что-либо зависит. Он сближается с ними всего более, угождает им и даже внимательно предупреждает различные их желания. При всяком удобном случае он ласкается к своим учителям и воспитателям, целует их

(в особенности девочки) и конфузливо указывает на свою привязанность к ним. Он охотно говорит с ними о добре и не пропускает случая высказывать самые ходячие правила нравственности, заученные им наизусть, смотря при этом прямо в глаза наставнику, к которому обращается. Для этого он в особенности пользуется случаем, когда замечен какой-нибудь проступок товарища. Иногда он является с виду таким простодушным или откровенно добродушным ребенком, что все к нему относятся с участием. В классе он всегда старается быть скромным и только своей высокоподнятой подвижной рукой показывает учителю свою готовность отвечать или решать задачу. Ответы его, не всегда удачные, чаще всего содержат в себе слова учителя, которые он успел запомнить. Такой ребенок вначале обыкновенно учится хорошо и примерно исполняет все, что от него требуется, но это продолжается недолго.

Вскоре оказывается, что этот прелестный ребенок не любим своими товарищами; это часто поражает наставника, который, однако, сначала объясняет себе это явление кознями худых учеников, тем более, что недовольствие и является раньше всего со стороны учеников, не любимых учителем. Мало-помалу этот ребенок все более отдаляется от своего класса, оставаясь, однако же, часто любимцем учителя, который, видя его угнетенным и преследуемым, еще более покровительствует ему. При этом сближении с наставником ребенок передает то как бы случайно в разговоре, а то и прямо все действия товарищей и их проступки.

В отношениях своих к низшим, а в особенности к прислуге, он всегда отличается большой важностью, даже грубостью и хвастовством. Стараясь унижить других, он постоянно чем-нибудь хвастает: богатством, родовитостью, значением родных или знакомых, связями, знакомствами с именитыми, высокопоставленными и авторитетными лицами, выдумывая при этом всевозможные небылицы, и попрекает других низким происхождением и дурными качествами. Хвастовство принадлежит вообще к очень обычным явлениям у ребенка лицемерного типа. Вместе с этим такие дети часто обожают, преклоняются и охотно унижаются перед выдающимися в обществе лицами. Они часто ведут даже целые записи и делают свои заметки о встрече, случайном слове или газетном известии о таких лицах, постоянно

замечая и слепо повторяя все ими у них подмеченное. Во всех подобных действиях не заметно ни умственного, ни душевного участия, а только одно слепое поклонение и хвастливое повторение всего ими внешне воспринятого.

Лицемерный ребенок часто пользуется хорошим расположением наставников, чтобы под различными предлогами отделяться от своих занятий. То ребенок прямо высказывает нерасположение заниматься, действуя при этом своей откровенностью, то у него являются различные страдания, мешающие ему заниматься, причем он даже сам заявляет свое сожаление, что должен пропускать свои занятия, и часто кажется, что он, действительно, озабочен и огорчен этим.

Вообще он часто прибегает к различным болезням, которыми он якобы страдает; ими он желает разжалобить окружающих и тем достигнуть удовлетворения своих желаний «...»

В школе часто случаются пропажи мелких вещей у товарищей, которые так же часто находятся у этого любимца. Он как будто не отличает имущества других от своего, причем свое все же тщательно хранит и в этом отношении отличается некоторой скупостью, а иногда даже жадностью «. . .» Только под опасением наказания он исполняет требования старших, а всего того, за что он, по своему мнению, наказанию не подвергнется, он не исполняет. Он отделяется, где только возможно, самой беззастенчивой ложью, говоря часто неправду, иногда даже без всякой нужды, с совершенно невинным и откровенным видом. Подозреваемый или даже уличенный во лжи, он никогда не сознается, в особенности если не предвидит наказания. Всеми средствами, а иногда и рядом небылиц он старается оправдаться, и если ничто не помогает, он, заливаясь слезами, горько будет жаловаться на несправедливость и пристрастное отношение к нему окружающих. Ложь составляет вообще характерное явление у такого ребенка.

Во всех своих действиях он руководствуется только личной выгодой и совершенно безучастен к требованиям или страданиям других, даже самых близких ему лиц. Только что увидев страдания и мучения, причиненные им другим, он может спокойно заснуть безмятежным сном, как будто он тут ни при чем. Он ни к кому и ни к чему не привязан и даже охотно меняет свои связи и условия жизни, так как при новой обстановке и среди новых людей опять пользуется прежними выгодами и делается на время любимым ребенком. Если новые окружающие его люди окажутся добрыми, мягкими и ненастойчивыми, то он будет выказывать замечательную самоуверенность; оказывается, что он все знает, он будет учить даже взрослых и всегда будет пользоваться ими для своей выгоды; вскоре он так бесцеремонно и уверенно будет всем распоряжаться, что сделается властелином и тираном окружающих, причем всегда будет отличаться своей требовательностью и бессердечием (...)

Между товарищами он всегда нелюбим; часто он еще находит себе приверженцев в мягко-забитых детях, которыми он распоряжается по-своему, обыкновенно оделяя их им же принадлежащим имуществом или же заставляя их делать и отвечать за себя. Эта «жила» или «лисичка» в классе всегда преследуется всеми остальными учениками. Он всегда

отличается своим хвастовством и надменностью в отношении слабых и низших, лестью и трусостью в отношении сильных и старших. Клевета, сплетня, наговор, доносы, ложь делают его как невозможным товарищем, так и вообще невозможным сожителем.

Если такого ребенка исключают из школы за леность или другие подобные качества или если школа на него вообще мало повлияет, то он является в обществе либо с внешним видом кроткого и сострадательного благотворителя, разыгрывающего роль отца и благодетеля, либо в виде мнимого страдальца или ханжи — этих вредных паразитов общества, не пропускающих ни одного выгодного для себя случая, чтобы не воспользоваться им,— либо в виде того нахального и самоуверенного человека, для которого нет ничего святого и который знает только личную свою выгоду и удовлетворение своих животных стремлений и потребностей «. . .»

Случаи, где можно было проследить за условиями, при которых такие дети росли до появления их в школе, дают возможность предположить, что развитию такого типа более всего способствуют: ложь и лицемерие со стороны старших, окружающих ребенка, чисто практическое направление домашней жизни, постоянный мелкий расчет и стремление к легкой наживе, отсутствие всякой заботы о детях, оставленных на собственном их попечении или на произвол судьбы; всякая ложь и лицемерие, требуемые от детей, а также соблюдение различных внешних обрядов, значение которых не объяснено ребенку или даже недоступно его пониманию; отсутствие условий, возбуждающих внимание ребенка и вызывающих его на размышление, или даже старание окружающих устранить такие рассуждения; удовлетворение тех желаний ребенка, исполнения которых он стремится достичь лаской, смиренным видом и выпрашиванием; участие ребенка во всевозможных расчетах и развлечениях взрослых «. . .» вообще, все те случаи, где ничто не возбуждает ребенка к мышлению, где он окружен ложью и лицемерием, в каком бы то ни было виде. Ребенок, то остающийся без всякого призора и внимания, то принимающий участие в расчетах и развлечениях взрослых, научается ценить эти последние и потом старается уже прибегать к всевозможным приемам, чтобы только ими пользоваться.

Проследим теперь связь между этими условиями и явлениями, замечаемыми у ребенка впоследствии, при появлении его в школе.

При объективном наблюдении за новорожденным легко убедиться, что у него существуют только нецелесообразные рефлексивные явления и нет ни единого, так называемого опытно-рефлексивного действия. Из всех этих хаотических рефлекторных движений младенец очень скоро начинает выделять движения, удовлетворяющие его или удаляющие причины, вызвавшие эти рефлекторные явления. Если наблюдать без всяких предвзятых мыслей, то нетрудно убедиться, что новорожденный не умеет сосать, но что он очень быстро приучается к этому, выделяя их

хаотических движений те, которые под влиянием более непосредственного раздражения вследствие соприкосновения с соском и истекающим оттуда молоком скорее удовлетворяют причину раздражения. Младенец первоначально совершенно не в состоянии приспособить свои руки к захватыванию или удерживанию предметов, но при частом соприкосновении с ними он скоро выделяет более целесообразные движения и вскоре в состоянии захватывать и удерживать, например, грудь при сосании. Во всех этих явлениях уже участвует сознательная деятельность; это не что другое, как целесообразные рефлекторные явления, выделенные из хаотических движений на основании сознательного восприятия более резких впечатлений и раздражений и частого повторения соответственных действий, или, иначе говоря, на основании опыта.

Впоследствии при всех быстрых, сильных и неожиданных раздражениях или впечатлениях появляются и повторяются именно эти *опытно-рефлекторные*, или, как их иначе называют, *инстинктивные*, движения. Далее, уже со времени появления речи, младенец под влиянием слуховых и зрительных впечатлений начинает *воспроизводить, имитировать* замечаемые им явления, переходя при этом от самых простых и однородных к более сложным явлениям. Из этих имитационных действий он опять же чаще повторяет и очень быстро усваивает себе те, которые легче и выгоднее для него, т. е. скорее удовлетворяют его чувствованиям. Если при этом он подвергается прибавочным, более сложным раздражениям или впечатлениям, которые удовлетворяют тем или другим его чувствованиям, то потом без этих раздражений он уже не так скоро успокоится, а для его успокоения придется не только повторять эти раздражения, но, как увидим после, даже постоянно усиливать их. Носите без особенной надобности младенца на руках, качайте однообразно, чтобы скорее его усыпить, произносите или пойте с этой целью самые однообразные звуки, приучайте его к этому, и он потом не будет засыпать иначе. Однообразие качания и звуков скорее утомит его (загипнотизирует), и он затем без этого прибавочного раздражения (без этой папироски у взрослого) уж не заснет. Если взять молоко матери, прибавить к нему сахару и напоить младенца, то после он откажется сосать грудь и может быть принужден к этому только голодом.

Период имитационный продолжается у ребенка довольно долго, и в это время устанавливаются главные его привычки и способы действий. Оставленный без внимания, он не получает никакого разрешения тех вопросов, на которые натывается, а они обыкновенно являются у детей в большом количестве, и поэтому не приучается задумываться и рассуждать о них. Первоначально он плачем старается достигнуть удовлетворения своих потребностей, но, когда видит, что это приводит его только к неприятным для него ощущениям и что ему скорее удастся достигнуть такого удовлетворения лаской или выпрашиванием, он на основании этого опыта вскоре начинает постоянно прибегать к таким действиям. Если он, кроме того, видит, как окружающие его в глаза говорят одно, а за глаза другое, причем иногда даже

хвастают ловким достижением своей выгоды, то все это он подмечает, легко усваивает и применяет сам. Обыкновенно предполагают, что ребенка можно и обмануть: ведь он глуп, не разберет, а между тем различие правды и неправды у него слагается именно таким образом, что он приучается проверять слышанное им видимым и осязаемым. Если ему говорят, что «мамы нет дома», а он случайно увидит ее, то он при первом удобном случае, если ему что не понравится, заявит, что его самого нет дома. Чем чаще его обманывают и чем более он встречает в семье несоответствие слова с делом, тем менее выясняются для него признаки правды и тем легче он начинает говорить только то, что ему выгоднее. Необходимо твердо помнить, что ребенок первоначально только и знает впечатления, получаемые органами его чувств, он только им и повинует и действует исключительно на основании этих чисто реальных впечатлений; он непременно делает только то, что ему приятно, и избегает всего, что ему в каком-либо отношении неприятно. От ребенка имеют обыкновение все скрывать, но, если он видит, что окружающие пользуются чем-нибудь, а ему не дают, то и он при первом же удобном случае непременно присвоит интересную для него вещь, раз она плохо лежит, а затем во всяком подобном случае не преминет повторить то же самое. Будучи пойман в своих проступках и за это наказан, он опять же на опыте видит, что необходимо быть осторожнее и что выгоднее пользоваться всяким случаем так, чтобы этого не видели и не знали; он старается быть умником и пользуется удобными случаями уже осторожнее, более скрытно. Наказание не может выяснить ему объективных признаков правды, оно только покажет ему, что не попадаться — *добро*, а попадаться — *зло*, и, имея возможность сделать кому-нибудь зло, он именно так и поступит, как с ним поступали при наказании..)

Если всматриваться и спокойно наблюдать за всеми действиями лицемерного ребенка, то легко убедиться, что действия его большей частью опытно-рефлекторные. Он решительно ни над чем не останавливается и не задумывается, а действует большей частью непосредственно, порывисто, случайно. При всякой возможности он старается прямо присвоить себе более блестящие вещи резких цветов, вообще все, что производит более сильное и приятное впечатление на его зрение и вкус; если же этого сделать нельзя, то он возьмет их тайком. Пойманный, он отдаст назад взятую вещь, будет выказывать сильное горе и плакать; скажет, что брать без спроса и вообще чужое нехорошо, и пообещает никогда более так не поступать; его горе и раскаяние будут высказываться тем сильнее, чем более он знает на основании опыта, что этим минует наказания; но потом тут же, рядом, он поступит опять совершенно так же. Если же он не опасается никаких наказаний, то, даже пойманный на месте, ни за что не признается в своей вине и будет, противореча себе на каждом шагу, настойчиво доказывать, что он тут ни при чем. При простом подозрении он обидится и разыграет самую трогательную сцену, стараясь доказать, что его оскорбили ни на чем не основанным и несправедливым подозрением. Все это он делает без всякого дурного замысла, без сознания или, лучше сказать, без понимания своего поступка, а

между тем постоянно вводит окружающих в заблуждение. Сосредоточивать свое внимание, мысленно разбирать какой-либо предмет или явление он положительно не в состоянии и опять же легко вводит в заблуждение своего учителя тем, что, запоминая слова и главные части предшествовавшего объяснения или чтения, он их повторяет даже в той форме и в таком же обороте, как их слышал. Он скоро усваивает себе внешние приемы и на основании их решает данные ему задачи, но, стоит только видоизменить вопрос, потребовать выяснения связи и значения производимых им действий, и он не в состоянии будет сделать это. Поэтому такой ребенок то радуется своего учителя хорошим исполнением или решением поставленного вопроса, то приводит его в ужас глубиной своего незнания. Легко усваивая вообще внешние проявления, он может достигнуть некоторого успеха в ремеслах и искусствах, но и здесь он в состоянии только повторять и подражать, да и то без всякой настойчивости. Представить кого-либо, вообще все виденное им он может очень точно, иногда до мелочей. При разговоре он неохотно останавливается над каким-нибудь одним явлением, в это время глаза его перебегают с одного предмета на другой, как бы отыскивая новые впечатления; при этом он не упустит ничего, что обещает ему какую-нибудь выгоду. Поэтому у таких детей, в особенности же у более взрослых, глаза постоянно подвижны, постоянно бегают и очень редко смотрят в лицо собеседника — явление, очень характерное для этого типа.

Всякие внешние проявления, которыми так богаты дети лицемерного типа, как, например, их стремление часто показываться в обществе, наряжаться, украшаться, хвастать, всего более подтверждают мнение, что они не рассуждают и не задумываются над своими действиями

, а что, напротив того, схватывают и неизменно повторяют в своих действиях все более резко на них влияющее. На них вполне подтверждается то общее положение, что чем менее внутренних достоинств, тем более склонности к внешнему блеску и вообще внешним проявлениям; они охотно наряжаются, чтобы более обратить на себя внимание внешним своим видом; они хвастают, кичатся своими связями, чтобы мнимыми своими качествами и достоинствами других возвысить свое значение ..)

О нравственных качествах молодого человека лицемерного типа и говорить нечего. Идеалов у него нет, к пониманию идеи правды и любви он не подготовлен, у него нет веры, нет ничего святого. Сдерживать его может только физическая сила, перед чем он преклоняется и даже унижается, и боль, чего он более всего опасается. Как эгоист, знающий только свою выгоду, такой человек не гостеприимен; он может только угостить на счет другого, да и то только тогда, когда уже вполне удовлетворит самого себя. Привязанности — ни к кому; при удалении его из родной семьи нельзя заметить даже признака грусти, в особенности если существует надежда на жизнь при более выгодных условиях. Ему чужды чувства уважения и исполнения долга, как и вообще всякое глубокое и искреннее чувство. Это, впрочем,

составляет прямое последствие уже раньше разобранных его качеств, его отношения к правде, к добру и злу(. . .)

Теперь спрашивается: можно ли винить такого ребенка? Можно ли винить мать или тех лиц, в семье которых он вырос? Понятно, что нельзя: ребенок может вырасти при данных условиях, прожить весь свой век и умереть, не отдавши себе никакого отчета в своих действиях. Мало того, такие лица всегда очень уверены в своих действиях и очень довольны собой. Так проходит вся жизнь, исключительно животная и всегда вредная для человеческого общества. Мать или лица, в среде которых ребенок вырос, во всяком случае действовали так ненамеренно, не вполне сознательно. Их точно так же нельзя винить, как какую-нибудь крысу, которая может или вскормить, или же съесть своих собственных крысят. По крайней мере, более тщательные наблюдения обыкновенно показывают, что, кроме безучастного внешнего отношения матери к своим детям, здесь нет ничего другого. Если бы такие лица не были так трусливы, то они, задушив другого, спали бы спокойным сном.

Горе, если взрослый установившегося лицемерного типа займется школьным делом или воспитанием детей, В святое дело вводится ложь, показная внешность, безграничная самоуверенность и нахальство. Приходилось нередко наблюдать подобных представителей школы. Кругом была ложь, хлопотали только о внешнем эффекте и о том, чтобы спрятать концы там, где дело и слово расходятся. Но так как лицемерный тип плохо умеет даже хоронить концы, то, понятно, они везде выступают, и стоит только объективно и тщательно всмотреться, чтобы найти их. У таких людей все явления и действия рефлекторные, имитационные и опытно-рефлекторные; их собственные мысли у них отыскать трудно, а понятий и следов нет. Здесь можно не касаться сознательного лицемерия, синонимом которого иногда является дипломатия или иезуитизм; это не имеет отношения к школьным типам и семейному воспитанию.

Наказание и преследование ребенка-лицемера сделают его забитым и совершенно апатичным. Исключать его из учебного заведения — значит лишать его именно того, что для него нужно, так как только школа и доброе товарищество могут дать условия для его исправления. Педагог, лишаящий такого ребенка образования, отказывается от исполнения трудовой задачи, требующей от него только большего анализа, сдержанности и настойчивости. В таких-то случаях и необходимо его влияние, иначе он только покажет незнание и непонимание своих обязанностей и своего дела.

Из всего сказанного следует, что характеристическими признаками ребенка лицемерного типа будут: ложь во всех ее видоизменениях, непривычка рассуждать, способность улавливать внешнюю сторону предметов и явлений, хвастовство, хитрость, отсутствие каких-либо глубоких чувствований и понятия о правде, исключительное соблюдение личной выгоды. Действия его преимущественно опытно-рефлекторные (инстинктивные) и имитационные, направленные исключительно к удовлетворению минутного требования и к достижению всего того, что на основании опыта оказывается выгодным в отношении удовлетворения животных его потребностей.

ЧЕСТОЛЮБИВЫЙ ТИП

Дети этого типа всегда отличаются внешним своим видом, выражением чувства собственного достоинства, что можно заметить при первом их появлении в школе. Обыкновенно чистый и опрятный ребенок смотрит прямо, уверенно, спокойно присматриваясь к окружающему и не выскакивая вперед. Он внимательно следит за всеми действиями учителя и наставника, стараясь не пропустить ни единого их объяснения или замечания. Он спокойно предоставляет лицемеру лезть вперед и охотнее выражает свое желание ответить тогда, когда другие не могли или же не выказали намерения отвечать. Сначала он очень осторожен, сдержан и, прежде чем ответить, старается побольше и поточнее расспросить, причем охотно выражает свои сомнения в верности сказанного другими. Ребенок постоянно сосредоточен над разъяснениями учителя, почти исключительно занят учением, хотя при случае не прочь показать, что знает свое дело и что все это ему дается легко; поэтому он редко занимается при других в классе, у него по возможности все рассчитано и приготовлено заранее. Он может настойчиво заниматься и готовиться наедине, чтобы потом блистать при всех. Если он чего-нибудь не умеет делать или не знает, то наотрез откажется от исполнения обращенных к нему требований и сделает или решит только то, к чему успел приготовиться, так как сильнее всего он желает отличиться и не быть простым смертным. К товарищам он сначала обращается с вопросами, причем старается выказать свои знания, затем относится к ним поощрительно, охотно решая для них более трудные вопросы и задачи, если его просят об этом. Всякая неудача приносит такому ребенку много горя, которое он не скоро забывает и которое сначала совершенно лишает его энергии; но вскоре он снова и даже с большим рвением берется за занятия, всякими мерами стараясь исправить дело, отличиться перед товарищами и ни в каком случае не уступить соперникам. «...»

Оскорбление и наказание, особенно если в них существует хотя бы тень несправедливости, могут заставить ребенка этого типа совершенно бросить дело, впасть в полную апатию и даже дойти до самоубийства. Мстит он обыкновенно страстно и всегда злорадствует неудаче противника. Главное стремление такого ребенка — отличиться, быть первым в своем классе и распоряжаться другими. Товарищи сначала хорошо относятся к таким ученикам, а затем, при ближайшем знакомстве с ними, от них удаляются. В женских учебных заведениях этот тип иногда обожают. В играх такие дети стараются по возможности распоряжаться и любят, чтоб их выбирали в распорядители и судьи. Однако они не годятся для этой роли, так как относятся обыкновенно пристрастно к своим противникам и вообще ко всем не признающим их первенства. Они часто образуют партии и враждуют с лицами лицемерного типа, но, впрочем, скоро их одолевают, так как последние не особенно стойки.

Они охотно занимаются искусствами, музыкой и живописью, в особенности когда есть какой-либо успех и когда они видят, какие овации приходятся на долю артистов (. ..)

Такие дети и юноши решительны, чувствуют сильно и легко увлекаются всем, что содействует их прославлению или унижению их противников, не признающих их достоинств и преимуществ. Их идеал—сила, могущество и власть. Как хорошие ученики, они пользуются всегда различными льготами, что, понятно, портит товарищеские отношения. Они любят, чтобы при общих делах, если это не грозит их репутации, их выбирали ходоками перед начальством; они могут быть, впрочем, и героями, но только при надежде на славу. Вообще же они хорошие исполнители, с сильно развитой памятью, но самостоятельно применять своих знаний они обыкновенно не могут. Мало-помалу они сосредоточивают всю свою деятельность только над тем делом, которым думают отличиться, забывают все и всех вокруг себя и, развившись в полный тип, уже не останавливаются ни перед какими средствами для достижения своей цели. Соперников не терпят и всеми мерами устраняют их, а если возможно, то и уничтожают; для большего контраста они окружают себя лицами забитого типа и даже явными лицемерами. Обыкновенных людей они вообще мало ценят и по возможности пользуются ими для выполнения своих замыслов и потребностей; по достижении же своей цели они оставляют их без всякого внимания. Разговоры их всегда типичны, они всегда спорят чужими словами, все решают изречениями авторитетов. Несмотря на то что у них обыкновенно нет собственных мнений и что они совершенно не в состоянии творчески проявляться, они очень любят блеснуть мудрым словом или изречением, которые удержаны только памятью, но высказываются ими с большим апломбом и якобы самостоятельно.

Становясь взрослым и являясь общественным деятелем, честолюбец в лучшем случае может быть внешне-деловым, исполнительным, знающим человеком, всегда отличающимся самоуверенностью, отсутствием оригинальности и творческих идей. Это — хороший буржуа, действующий по расчету и высоко ценящий свою деятельность: он живет для себя и в свое удовольствие и отвлеченными идеалами не задается. «...»

Честолюбивый тип развивается по-видимому, при двух различных условиях: во-первых, вследствие соревнования, это, собственно, и есть более чистый тип, во-вторых, вследствие постоянных похвал и восхищения достоинствами ребенка. ...Последствия будут различны, смотря по тому, при каком из этих условий ребенок вырастет «...»

Условия для развития честолюбивого типа могут быть различны, но нетрудно заметить в них и общие черты — это постоянное постороннее возбуждение ребенка к занятиям либо соревнованием, либо словесным или материальным поощрением его. Как в том, так и в другом случае возбуждают у ребенка чувствования, которые и подстрекают его к занятиям; это главная характерная черта, замечаемая при развитии честолюбивого типа{. . .) Чрезмерное количество приобретаемых знаний не позволяет ему спокойно остановиться над ними и по возможности обсудить и обдумать их; он старается главным образом усвоить все памятью, чтобы лучше и тверже владеть тем, что доставляет ему похвалу и удивление других. Успех, отличие, подарки возбуждают его и вызывают у него чувствования, подстрекающие его к

дальнейшей деятельности. Вскоре он старается не только показать при каждом случае свои знания, но также и то, что они даются ему легко и что он все усваивает без труда. Поэтому он старается усердно заучивать то, что ему нужно, наедине, а при других казаться бездействующим, но знающим. Убедившись в своих успехах и превосходстве над другими, он при случае охотно начинает их поучать и относиться к ним поощрительно, вскоре даже и высокомерно. Заучивание развивает в ребенке память; он не останавливается над усвоенным, не переваривает его и не рассуждает над ним. С напряженным вниманием он следит за всяким поучением и объяснением учителя и воспитателя, стараясь запомнить всякое слово, все ими сказанное. Он не приучается применять на деле усвоенное памятью и поэтому только имитирует внешние приемы, речь, выражение лица, все то, что замечает у лиц, признаваемых им авторитетными. Важность и внешняя недоступность родителя или учителя очень скоро усваиваются им и выражаются даже в более резких формах.

К крайнему сожалению, до настоящего времени существует только история педагогики, а нет научно обоснованной педагогики. До сих пор нет даже эмпирической педагогики, которая указывала бы на влияние всех приемов, применяемых школой. Педагогика до настоящего времени слишком мало выяснила значение поощрений и наказаний в школе(. . .) Как с физиологической, так и в особенности с психологической точки зрения никаких поощрений и никаких наказаний в школе и допустить нельзя, они не согласуются с главными задачами школы. Хвалебное слово, отметки, подарки и вообще всякие отличия приучают ребенка действовать только с личной, эгоистической целью, между тем как задача школы как раз противоположна: она должна при посредстве возможно большего развития отвлеченного мышления развивать стремление приблизиться к идеалу человека (. . .). Рассуждающая умная мать или разумный учитель не будут поощрять зазубривания ребенка, не будут возбуждать его к деятельности и занятиям подарками, отличиями и тому подобными искусственными мерами; если ребенок имеет дело не с такими лицами, а видит вокруг себя людей, усвоивших себе неестественно гордую внешность и надутую чванливость, ему по необходимости приходится имитировать этих знающих, но не всегда понимающих лиц(. . .)

У нас стоит лишь проследить за офицером, только что произведенным, за молодым ученым, получившим звание профессора, или за человеком, повышенным в чине, чтобы заметить, как он первое время пыжится и усиленно старается придать себе определенную осанку, пока не примет надлежащего вида и внешности, свойственной известному типу, не усвоит манеры, соответствующей его новому положению. Здесь вполне применимо то общее основание, которое имеет значение при мимике лица и вообще при всех внешних проявлениях человека и которое состоит в том, что *всякое впечатление или раздражение непременно переходит либо в непосредственное мышечное сокращение, либо в умственную работу*, и потому чем менее человек умственно образован, чем менее у него внутренних душевных

проявлений, тем более у него внешних проявлений и украшений.

То, что наблюдается и что всегда можно проследить над взрослыми, встречается и у детей, которые с них именно и берут пример(. . .) Воспитатель, всего менее знакомый со своим делом, совершенно не понимающий ребенка и руководящийся только простой формулой «бди да жарь», всегда отличается видом мудреца и напускной серьезностью, которая и имитируется ребенком, в особенности если он только внимательно следит и быстро, так сказать, без рассуждения перенимает все действия наставника. . .) Необходимо помнить, что всякое чувствование, развитое у нас, требует для своего возбуждения все большего и большего раздражения, ибо на основании психофизического закона *«степень раздражения должна расти в геометрической прогрессии, если нужно, чтобы степень ощущения росла в арифметической прогрессии, или ощущение растет пропорционально логарифму раздражения»*. То, что сегодня вызвало известное, определенное чувствование, завтра действует уже слабее, поэтому необходимо возвысить раздражение даже для того только, чтобы получить прежний эффект. Это повышение раздражения приятно возбуждает человека, но вместе с тем вызываемое им чувствование способно мало-помалу перейти в страсть и, наконец, так завладеть им, что все его стремления и желания будут сосредоточены над возбуждением и удовлетворением этого чувствования. «...»

Уже между восьми- и девятилетними детьми, приводимыми в школу, приходится встречать лица с резко выраженным честолюбивым типом. Нужда, неудачи, борьба с неблагоприятными семейными условиями при пробудившемся соревновании содействуют тому, что чувствование ребенка более сосредоточивается на одном: на желании возвыситься над другими и доказать им свое превосходство; но зато это желание тем интенсивнее, резче и страстнее проявляется. В таком случае развивается холодный, расчетливый, самоуверенный эгоист, жадно следящий за удовлетворением своего чувствования, легко, переходящего в страсть и даже в манию величия. При развитии этого типа под влиянием восхвалений, поощрений и при мягком, добром отношении и ребенок является более мягким, с большим участием и вниманием относящимся к окружающим, но все-таки мало-помалу чувствование превосходства завладевает все более ребенком, и он начинает холодно и эгоистично относиться к людям. В первом случае чувствование как будто интенсивнее вследствие резкого контраста с другими проявлениями и вследствие того, что различные препятствия заставляют над ним еще более сосредоточиваться. Является большая уверенность в своей силе, в своем превосходстве и даже величии.

Впоследствии могут явиться еще и другие чувствования, которые завладевают молодым человеком настолько, что он, не будучи в состоянии противостоять им, страстно предается им всем своим существом; так, например, у него может появиться: половое возбуждение, переходящее или в порок, или в половые излишества; употребление наркотических

веществ в виде курения или питья; усиленное количественное или качественное удовлетворение чувства голода и т. д. Все эти чувствования, доведенные до страсти, лишают человека возможности сознательно относиться к своей деятельности, делают его слепым и глухим ко всем остальным жизненным интересам, кроме велений своих чувствований, которые владеют им, как деспот своим рабом. Из наблюдений над отправлениями нервной системы известен факт, что, если вследствие раздражения периферического конца какой-либо ветви нервного ствола появятся болевые ощущения, то они заглушаются при более сильном раздражении конца другой ветви того же ствола. Так, например, боль зубов нижней челюсти может в известных случаях совершенно не чувствоваться, если раздражать кожу височной области болевой стороны. Усиленное раздражение одного проводника как будто понижает проводимость по всем остальным проводникам того же ствола. При этом, однако ж, оказывается, что если сегодня боли исчезли вследствие раздражения в другом месте горчичником, то завтра для достижения той же цели придется употребить более сильное средство и мало-помалу, таким образом, можно дойти до каленого железа. Совершенно те же явления можно заметить и применить только что сказанное к чувствованиям. Все они очень важны при воспитании, поэтому к выяснению их нужно относиться по возможности объективнее. К ним придется еще часто возвращаться, и можно будет доказать, что здесь часто впадают в большую ошибку, смешивая «чувствования» с «впечатлительностью», или способностью чутко субъективно воспринимать все влияющие на человека раздражения как в качественном, так и в количественном отношении, и развивают одно — пагубное за счет другого — в высшей степени ценного качества человека.

Выше было уже сказано, что старательным и настойчивым заучиванием ребенок набирает себе знания, запасом которых он и старается отличиться перед всеми товарищами. Быстрым, жадным схватыванием и усвоением знаний упражняется память, и развивается главным образом деятельность рассудка, и это тем более, чем более быстрые и безостановочные ответы или решения различных задач требуются от воспитанника. Запоминая известные представления и мысли, ребенок передает их опять в таком же виде, как получил их сам. Производимые им действия или движения будут, следовательно, также только точным воспроизведением этих представлений. Представления, полученные путем настойчивых и повторных усиленных возбуждений, порождают в сознании человека образы и мысли, которые или удерживаются памятью, или же проявляются в виде желания или хотения. Во всех этих случаях наблюдаются исключительно одни рассудочные акты. Вызываемые ими чувствования могут быть приятные (удовольствие) или неприятные (страдание); поэтому привычка руководствоваться при своих действиях чувствованиями заставляет человека судить о получаемых впечатлениях, приятны или неприятны они для него, и сообразно с этим поступать. «Мы хотим», «нам нравится» — если приятно, и наоборот. В таком случае при помощи этого критерия ребенок такого типа

различает даже добро и зло: приятно, нравится — добро, неприятно, не нравится — зло. Все только что сказанное вполне подтверждается при изучении честолубивого типа, в особенности при появлении такого ребенка в школе; иногда, впрочем, подобные резкие типы наблюдаются и по выходе из школы. Все у них заучено, ничего не проверено и не усвоено, и поэтому они не могут применять приобретенные знания иначе, как только шаблонно, по известному способу. Ребенок твердо заучивает различные стихи, басни, поучения, правила, названия и числа; он приучается усваивать все памятью, чтобы затем при случае быстро и отчетливо все вылить наружу.

Значение привычек, приобретенных в раннем возрасте, громадно, отделаться от них впоследствии очень трудно, а иногда и не под силу взрослому. Обычными в наше время настойчивыми упражнениями развивается всего более память, ею воспринимаются самые сложные формулы, целые речи, нравственные правила и философские учения. Как часто предполагают, что ребенку привили эстетические чувствования, если он декламирует стихи, причем интонирует по масштабу и подходящими внешними приемами усиливает впечатление. В большей части случаев все это подмечено и заучено без всякого представления выражаемых здесь образов, без всякого понимания идеи произведения, без всякого выяснения причинной связи описываемых явлений (. . .)

Постоянное зазубривание уроков и желание отличиться перед другими приводят только к развитию обширной памяти. Часто приходится теперь встречать молодых людей, окончивших общее свое образование, с замечательно развитой памятью: они все знают, обо всем говорят с большой уверенностью и апломбом; нет вопроса, которого они не решили бы без всякого затруднения, и все по слышанным и заученным фразам. К какому-либо делу или фактической проверке они совершенно не подготовлены и не в состоянии исполнить самого простого, обыденного дела; самостоятельного анализа и критики у них нет, и всегда они все разрешают заученными фразами, часто с поразительной уверенностью и даже нахальством. Вследствие того что они все воспринимают памятью и легко ею же и усваивают полученное, они не видят затруднений ни в чем и полагают, что все можно решить и сделать; поэтому на словах они за все берутся и на все решаются. Нравственные их качества очень мало развиты: они все готовы защищать и все находят возможным; чувствуя себя оскорбленными, обиженными, они обыкновенно предпочитают защищаться кулаком и пощечиной. Умственные занятия и удовольствия для них не существуют; поэтому они стремятся только к чувственным развлечениям и забавам. Отвлеченное мышление у них совершенно не развито, и к самостоятельной умственной деятельности они не подготовлены и даже поразительно умственно ограничены. Творческих проявлений у них совершенно не замечается. Отсутствие всего святого и идеального, узкий эгоизм, бесхарактерность, нахальство, грубость, разгул и детская беспомощность при всяком новом деле, требующем проверки и видоизменения привычных действий,— это главные и характерные их проявления. В школе они привыкли только все выучивать наизусть и не

подготовились вовсе к какому-либо другому, более сложному умственному и (физическому труду. Гармония деятельности их организма настолько нарушена, что развились только одни животные потребности; нет и не видно в них человека. У лиц честолюбивого типа обыкновенно даже находят много отвлеченной мысли и изящество в их действиях и проявлениях, но все эти явления только кажущиеся. Сильно развитая память, которую они, главным образом, упражняли, содействовала тому, что они легко усвоили внешние формы отвлеченной мысли, умные слова и изящные действия других, но все же это не результат их собственного размышления и умения самостоятельно проявляться. Отвлеченное мышление человека складывается только из ясных представлений, которые непременно требуют после-познавательного логического рассуждения и возможно разнообразной проверки воспринимаемого. Набранные знания, как бы они ни были обширны, все же не складываются в общие положения и понятия без строгого их обсуждения и всесторонней проверки. Как часто приходится наблюдать все это у молодых людей, постоянно отличавшихся в школе своими успехами и исполнительностью; они всегда считались первыми и с высшими наградами оканчивали заведения, где они должны были получить свое общее образование « ...»

Во всех своих развлечениях, шутках они отличаются большой грубостью и цинизмом; они совершенно не в состоянии применять набранные ими знания и не выражают никаких интересов к каким-либо идейным проявлениям; они как будто желают вознаградить себя за свою торопливую и однообразную работу и поэтому умственно совершенно бездействуют и возможно широким разгулом разгоняют нападающую на них хандру и скуку. Однообразная умственная работа не содействовала общему их образованию.

Руководствуясь чувством своего превосходства или даже величия, лицо, принадлежащее к честолюбивому типу, страстно преследует свои цели, расчетливо, эгоистично, как будто все существует для него и для его прославления. Справедливость его формальная и вытекает из его чисто внешнего отношения к правде. Страстный, он не останавливается перед средствами для достижения своей цели и при неудаче легко решается на крайние меры.

Человек честолюбивого типа обыкновенно сам влюблен в себя, он находит себя красивым, очень занят собой и постоянно охотно беседует о своих выдающихся качествах и способностях. Он непременно считает себя первым в коллегии, к которой он принадлежит, и постоянно поражает цитатами и необыкновенной деятельностью своей памяти. Очень охотно он передает рассказы, взятые из книги, причем действительно в состоянии передать малейшие подробности тех событий, о которых говорит. Вообще он всегда первенствует памятью, но зато у него мало своих мыслей, он не в состоянии творчески проявляться, так как вообще отвлеченное мышление и идейность у него очень мало развиты. Он живет, блесит и поражает чужими мыслями и чужими словами, которые хорошо усвоил громадной своей памятью, собственного же творчества нет.

При сопоставлении всех вышеописанных проявлений честолюбивого типа с приведенными причинами выяснилась, насколько было возможно, существующая между ними связь. Если, может быть, были упущены из виду некоторые явления, то они составляют только необходимые последствия главных и основных причин. Понятно, что здесь приходилось останавливаться только на разборе характеристических явлений данного типа и что в каждом отдельном случае можно встретить индивидуальные отклонения, смотря по условиям, при которых ребенок рос, в особенности в первые годы его жизни (. . .)

ДОБРОДУШНЫЙ ТИП

Третий основной тип также бывает уже очень резко выражен при появлении ребенка в школе. Ребенок добродушного типа является здесь тихим, спокойным, внимательно следящим за всеми окружающими его явлениями. Всматриваясь в новую для него среду, он иногда даже расставит ноги, как бы для лучшей опоры, и раскроет рот либо развалится на стол, все в созерцании окружающего. Он не обращает на свою внешность никакого внимания, даже в отношении чистоты, опрятности и целостности своей одежды. Сначала он вообще мало подвижен; внешней приветливости и ласковых отношений, а также стремления чем-либо угодить, отличиться или привлечь на себя внимание своего наставника у него нет. Напротив того, он скорее навлечет на себя неудовольствие своим простым, прямым и даже иногда неловким обращением. Он не выскакивает вперед, а, напротив, обыкновенно остается в стороне и молча следит за действиями других.

Вскоре он сближается со своими товарищами, и раньше всего с теми, которые вследствие суровости своего нрава, непривлекательной внешности или бедности не пользуются вниманием своих товарищей и даже преподавателей. К ним он обращается не с ласками или внешними проявлениями нежности, а только с вниманием и участием, привлекая их к общению с другими. При разговоре он прямо и откровенно смотрит в глаза, не стесняясь и не сбиваясь в своей речи. Когда он побольше познакомится и сблизится с своим наставником, то оказывается очень разговорчивым ребенком, который охотно расспрашивает и рассуждает об окружающих явлениях, а в особенности о нравственных отношениях людей между собой, как будто постоянно проверяя уже существующее у него в этом отношении мнение. У ребенка добродушного типа при появлении его в школе часто наблюдается очень искренняя вера и религиозность, доходящая иногда до экстаза.

В классе он сначала даже невнимателен к объяснениям и словам преподавателя; на него действует слишком много новых впечатлений, с которыми он еще должен познакомиться. Мало-помалу он начинает следить за объяснениями учителя с большим вниманием, если только они по слогу и содержанию соответствуют уровню его понимания и

удовлетворяют потребность его к размышлению; в последнем случае интерес к занятиям растет в нем больше и больше по мере постепенного и последовательного увеличения требуемой для них умственной работы. При обращении преподавателя к классу с вопросом, требующим не повторения сказанных слов и не припоминания вычитанного из книги, а применения каких-либо правил или формул или же выяснения и разбора тех или других положений, он часто вернее и полнее других в состоянии дать требуемое решение; но обыкновенно он либо выскажет его потихоньку своему соседу (который, если лицемер, даже воспользуется этим без всякого протеста со стороны автора), либо неловко, без всякой внешней обработки выскажет его преподавателю, и то неуверенно и как бы с сомнением. Он не отличается сильно развитой памятью, но усвоенные им знания он в состоянии применять на деле, ибо всегда размышляет о тех фактах, с которыми знакомится. Он так привык задумываться над отдельными явлениями, что никогда не отвечает вдруг, а всегда раньше всего присмотрится, поразберет вопрос и тогда уже скажет. При объяснении какого-либо нового для него явления он даже скорее будет отрицать, чем соглашаться с данными объяснением, и всеми мерами будет стараться или выяснить несостоятельность его, или приискать еще и другое объяснение. Вообще он не скоро и не легко сдается на чужие мнения и спорить большой охотник, совсем, конечно, не из желания противоречить: напротив, он руководится только потребностью рассмотреть вопрос со всех сторон и по возможности прийти к истинному решению. Он постоянно критически относится как к объяснениям преподавателя, так и ко всем его действиям, охотно отыскивая в них смешные стороны и представляя их своим товарищам. Этот смех отличается, однако, большим добродушием, если учитель сколько-нибудь умеет внушить интерес к занятиям; ни одной злобной нотки не слышно в этих дружных взрывах хохота среди товарищей, в центре которых вы видите виновника веселья. Если же преподаватель или наставник вследствие своей бестактности или неумения вести дело нелюбим учениками, тогда добродушный ребенок совсем перестает следить за предметами занятий, а все свое внимание во время класса отдает наблюдению за промахами и недостатками учителя и вне класса жестоко осмеивает его, причем в этом смехе меньше добродушия, в нем можно заметить даже оттенок иронии, но всегда справедливой, всегда соответствующей истинным качествам преподавателя. Провинившись в чем-либо, он всегда искренно сознается и ни в каком случае не допустит, чтобы за его погрешности или проступки пострадал кто-либо из его товарищей. Он даже способен представить свою погрешность с более невыгодной стороны, чем это есть на самом деле. Обвиненный несправедливо, он скорее промолчит, но товарища ни в каком случае не выдаст; во-первых, потому, что он, как увидим ниже, всегдашний противник преследования, а во-вторых, потому, что в силу обычных школьных условий воспитанники почти всегда стоят в неприязненных отношениях к надзирающим за ними. Спрошенный, он откровенно ответит, что он не виноват, а если знает истинного виновника, то только заявит, что на него не укажет. В этом отношении он тверд и последователен и поэтому всегда

любим своими товарищами. В случае обвинения невинного или преследования слабого он является всегда горячим его защитником и этим часто навлекает на себя негодование и неудовольствие своих наставников. Всякая несправедливость вообще может его возмутить до такой степени, что он в состоянии мгновенно вспылить и дойти до самых крайних выходов, причем в самом ярком свете выставит всю невзрачность и несправедливость поступка. Он никак не уживается с ложью и насилием, в какой бы форме они ни проявлялись, и, заметив хотя бы следы их, он укажет на них или, если они относятся только лично к нему, отстранится, уйдет от них. Враг лицемеров, он, однако, не преследует их систематически, а только разоблачает и сторонится их. На настойчивое и последовательное преследование других он не способен. Лично из-за себя он никогда никого не преследует, если бы даже ему причинили много неприятностей и страданий; он только отстраняется от лиц, причинивших ему такое зло.

Обыкновенно очень добрый и любящий ребенок, он всегда сильно привязан к матери, к няне и вообще к тем лицам, с которыми он вырос, и даже к месту, где он провел свое детство. Он относится искренно, откровенно и просто, без внешней нежности ко всем, с кем ему приходится встречаться; никогда не думая о том, чтобы показаться лучше, он скорее выставит себя с невыгодной стороны; это вовсе не противоречит его искренности и происходит от его неуверенности в своих силах. У него нет ни тени жадности, не говоря уже о желании присвоить себе или воспользоваться чужим добром; он никогда не ищет никакой льготы и выгоды, напротив, всегда готов всем поделиться и даже отдает лучшую и большую часть, забывая себя и свои нужды. Он всегда готов оказать посильную помощь и участие всем окружающим, и в особенности нуждающимся, без всякой задней мысли или расчета; поступает он так исключительно вследствие своей впечатлительности и отзывчивости при виде страданий и лишений других людей. Он хорошо и мягко относится к низшим и прислуживающим, всегда уважая в них человека, равного себе; поэтому он всегда любим окружающими, которые часто остаются преданными, привязанными к нему в продолжение всей жизни. Оставаясь наедине, он не бездействует и не скучает, а всегда найдет себе дело и занятие. Он охотно следит за растениями и животными, вообще за окружающим его миром и отличается при этом большой наблюдательностью; все замечаемые им при этом явления служат ему богатым материалом для размышления. С особенным удовольствием он делится своими впечатлениями с близким и горячо любимым им человеком, добиваясь у него выяснения возникающих недоразумений или сомнений. Он хорошо знает, чем может огорчить или сделать неприятное этому лицу, и потому старается избегать таких действий. Достаточно ему убедиться в том, что его поступку не будут сочувствовать, и знать основания этого несочувствия, чтобы вызвать у него сознание, что он неправильно или нехорошо поступил. Эта черта особенно характерна и всегда существует у ребенка добродушного типа. Не лаской, не прислуживанием он желает исправить свою вину, а полным признанием, причем причину своего поступка он непременно находит в себе, а никак не

в других. Такой ребенок требует только, чтобы в обращении с ним всегда относились к нему со спокойным рассуждением и выяснением его недостатков и проступков; требовательность, но справедливая, разумная только возбуждает его энергию.

Если стеснять свободу такого ребенка, преследовать его постоянными регламентациями, напоминаниями, угрозами и наказаниями, заставлять его заучивать уроки и засаживать его за них произвольно, как вздумается, требовать безусловного повиновения «без рассуждений» — словом, если вгонять его в известный шаблон, то он может явиться в виде крайне беспокойного, невыносимого ребенка, который уже будет стоять на переходной ступени к злобно-забитому типу. Он не повинуетсЯ никаким мерам, не поддается никаким наказаниям. «...»

Откровенный, искренний и правдивый нрав добродушного ребенка резко выражается в школьных играх и во всех отношениях к товарищам. Этот тип приходилось наблюдать как у детей, так и у молодых людей, и даже представлялась возможность проследить характерные проявления его почти в чистых формах у взрослых людей. Это — лица, не знающие личных выгод и интересов; вместе с тем они никогда не бывают слепым орудием в руках других или их слугами; они служат только выработанным ими же самими принципам и идеям, за которые твердо стоят и часто страдают.

Недостаток настойчивости в действиях, мягкость и уступчивость нрава, а иногда просто неподвижность и даже лень делают возможным, что лица такого типа часто недостаточно противодействуют злу; но, впрочем, это замечается преимущественно у взрослых, и в том только случае, если при этом страдают одни личные их интересы; в противном случае, раз убедившись во вреде, приносимом другому лицу или обществу, они сбрасывают с себя свою лень и являются энергичными и сильными борцами за правду. Во всяком случае лень их более физическая, чем умственная; умственная их деятельность при известных условиях может выразиться преобладанием фантазии, постройкой всевозможных несбыточных проектов и воздушных замков; но все же мысль будет постоянно работать. До бездействия, до этой праздной жизни в области фантазии человека добродушного типа чаще всего доводят его прямота и честность, не позволяющие ему уживаться с ложью, нахальством, насилием и с той деловитостью, единственной целью которой, как будто в силу круговой поруки, стало «урвать кусок», а также с однообразной или механической деятельностью. Он не в состоянии мириться с ними, он оставляет тогда свою деятельность, хотя бы личное его положение было одним из выгодных, и легко делается «лишним человеком», который без материальных средств строит планы, проекты и утоляет расхаживающую фантазию употреблением наркотических средств.

В добродушном типе всего ярче видны истинные человеческие проявления и качества; побольше энергии и настойчивости в борьбе с препятствиями — вот все, что должна дать школа такому ребенку, содействуя, конечно, в то

же время постепенному совершенствованию его качеств. «...»

Условия, при которых развивается подобный тип, насколько возможно было проследить их, следующие: тихая, спокойная, в особенности деревенская жизнь с самого рождения на свет; любящая, добрая мать или другое близкое ребенку лицо, отсутствие всякой похвалы и внешности, действующей на чувствования, а также отсутствие всяких мер наказания или преследования ребенка. Ребенок, напротив того, пользуется полной свободой; ко всем его нуждам и требованиям относятся со вниманием и удовлетворяют их, насколько это возможно и насколько позволяют обстоятельства; в противном случае всегда выясняют ему причину отказа. Ребенок никогда не подвергается никаким произвольным действиям или насилию; он всегда знает причину тех требований, которые ему ставят. Все это делается не по искусственному шаблону, а вследствие добрых и простых отношений к ребенку, только потому, что живут жизнью ребенка и из участия к нему стремятся выяснять все причины своих действий. Необходимые для этого в окружающих его сдержанность и привычка останавливаться над явлениями и обсуждать их содействуют также спокойному выяснению появляющихся у ребенка вопросов и сомнений. Ему ничего не навязывают, не втолковывают, не вбивают, а только возможно просто выясняют и отвечают на его же вопросы, а в случае незнания или неумения объяснить прямо сознаются в этом, не отделяясь от ребенка непонятными для него фразами и не прогоняя его без всякого рассуждения (...)

Постараемся теперь рассмотреть ту связь, какая существует между замечаемыми явлениями и приведенными причинами, содействующими развитию добродушного типа. Главные характеристические явления этого типа составляют наблюдательность, привычка- размышлять над явлениями окружающей среды, чтобы выяснить по возможности их причинную связь, их значение, их внутренний смысл; мягкость, правдивость, прямота и простота в действиях и отношениях к окружающим. Он всегда защищает слабых и подвергающихся несправедливости, очень строго относится к своим обязанностям, но легко отступает от дела, если оно касается только лично его и при этом для него неинтересной ..) При нормальных условиях развития ребенка, когда его не ограничивают постоянными регламентациями, он всегда отличается наблюдательностью, причем сейчас же повторяет подмеченное им действие и затем уже рассуждает над ним. Это самый выгодный способ развития ребенка, который необходимо поддерживать; при этом ребенок всего более останавливается над теми явлениями, которые ему доступны. Он сам их подмечает, они ему не навязаны, соответствуют его силам и способностям, и поэтому он легче их усваивает. В ребенке нельзя искусственно развить наблюдательность, можно только устранить всякие сильные влияния, которые могли бы понизить его впечатлительность; кроме того, можно еще содействовать постепенному видоизменению материала, необходимого для его образования. При всяком искусственном способе, применяемом для возбуждения наблюдательности ребенка,

недостает первого момента, а именно он не сам наталкивается на новые явления, а его внимание останавливают на тех явлениях, с которыми хотят его познакомить. В таком случае легко впасть в ошибку при оценке сил ребенка и его подготовки, между тем как всякое такое несоответствие приводит к тому, что ребенок недостаточно усваивает воспринимаемое. Мнение это всего более подтверждается при наблюдении ребенка добродушного типа: только вследствие того, что ему никто ничего не навязывает и ничем не понижает его впечатлительности, он с большим вниманием и отзывчивостью относится ко всему окружающему и наблюдает как за всем здесь происходящим, так и за тем, что в нем самом происходит. Вслед за наблюдением ребенок повторяет то, что произвело на него более сильное впечатление; этим повторением он приучается к различным приемам, употребляемым в обыденной жизни. При искусственном же приучивании к таким приемам и действиям ребенок не сам выбирает производимое им действие, а имитирует требуемое от него; понятно, что и здесь такие требования могут не соответствовать степени физического развития ребенка и умению его производить такие действия. Ребенок добродушного типа, хотя обыкновенно и угловат в своих движениях и приемах и мало обращает внимания на внешние свои проявления, все же не чужд обыденным действиям и всегда сумеет примениться и справиться с элементарными приемами, необходимыми при производимой им работе.

После наблюдения и повторения наблюдаемого ребенок обыкновенно охотно рассуждает над значением воспринятого и повторенного им; это драгоценное качество, главным образом, и содействует его образованию, а также ограничению произвола его действий и выяснению личных качеств человека. Обыкновенно находят, что ребенок должен только исполнять обращенные к нему требования, что он должен набирать материал и знания для будущей своей деятельности. С этим никак нельзя согласиться на основании следующего психологического положения: *смотря по тому, каким образом человек относится к каким-либо явлениям при первой встрече с ними, соответственно этому скорее всего он будет к ним относиться и впоследствии*. Если он в раннем возрасте не приучился рассуждать над своими впечатлениями и действиями, то он впоследствии очень трудно к этому привыкает. Набором знаний он развивает свою память, которую до того изоцряет упражнением, что ему всего легче все воспринимать этой умственной способностью; он не привык и не умеет рассуждать, у него знания остаются сырым материалом, который не переварен рассуждением. Без анализа и рассуждения, без проверки своими действиями ребенок лично не знакомится с качествами воспринимаемого, он поэтому сам не в состоянии вывести общих положений, не в состоянии составить общего образа; у него общих понятий нет, он знает, но не понимает. Поэтому самостоятельно видоизменить свои действия он не в состоянии и только повторяет то, что знает, что слышал, что вычитал из книги; у него нет личного характера, а для развития нравственного характера нет условий. Все здесь сказанное всего точнее видно при знакомстве с честолюбивым

и добродушным типами и при сравнении их между собой. Наблюдательность ребенка добродушного типа, его простота и непосредственность в отношениях ко всем окружающим вполне подтверждают только что высказанное мнение. Наблюдая за другими, он подмечает их отношения к людям, обсуждает замеченное и из этого составляет себе образ, или понятие человеческой личности, откуда и слагаются замечаемые у молодого человека такого типа мягкость и предупредительность относительно других, стремление защищать несправедливо оскорбленных, слабых и вообще страдающих.

Объективно наблюдая за детьми, находящимися в школе, нельзя не убедиться, что искренняя, никогда не расторгаемая дружба является только между рассуждающими детьми, сходящимися в понятиях о правде. Между лицемерами и честолюбивыми нет дружбы и не может быть ее. Она может быть 'только между детьми добродушного типа или между ребенком добродушного и ребенком злостно-забитого типа; последнее, впрочем, только при известных условиях, которые будут указаны при разборе последнего типа, и в сущности опять же при служении какой-либо идее. Всякая другая дружба, основанная на материальных выгодах и расчетах, временна и проходит без всякого следа и серьезных последствий, или, вернее сказать, это будет уже не дружба. Предположение, что у ребенка 9—10 лет при появлении его в школе еще не может быть идеи и понятия о правде, неверно. Непосредственные наблюдения показывают противное, и можно положительно убедиться и в их существовании в самом точном и определенном виде. Один учитель народной деревенской школы уверял даже, что большинство его' учеников принадлежат к детям добродушного типа. Это сведение очень правдоподобно и согласно с тем, что приходится наблюдать в деревне.

Память у ребенка добродушного типа, как уже сказано, обыкновенно не особенно развита, но он привык к анализу, и поэтому, встречаясь с чем-либо для него новым, он не повторяет слепо воспринятое, а, напротив того, чаще относится к последнему осторожно и даже с сомнением и соглашается только после проверки и убеждения в верности воспринимаемого. Своим рассуждением и проверкой он приучается отличать и понимать правду, а также значение личности человека и его неприкосновенность, что и ложится в основание его нравственной жизни и его откровенности и искренности в отношениях к окружающим, и в особенности к товарищам. Он всегда любим ими за свою справедливость и непосредственность, а правдивость его обеспечивает за ним его хорошее влияние на товарищей.

Рассуждением он выясняет себе также значение принимаемой на себя обязанности и поэтому очень строго относится ко всему, что связано с каким-либо принятым на себя обязательством, всегда очень точно его исполняет, совершенно забывая при этом свои личные выгоды и удобства. Вообще он мало заботится о последних, а также о своей внешности, ибо чуткая впечатлительность и привычка рассуждать неминуемо заставляют его более останавливать свое внимание на значении окружающих явлений, в особенности на психических проявлениях, на выяснении «внутреннего

человека». Все это отвлекает его от несущественных внешних явлений и от удовлетворения различных чувствований, которые у него и не имели возможности развиваться. Наконец, выработанное понятие о правде не позволяет ему казаться другим, чем он есть на самом деле. Невнимательность его к своей внешности доходит иногда даже до неряшливости, которая есть следствие отсутствия привычки следить за своей внешностью, а также нежелания заниматься своим телом и производить своей внешностью какое-либо впечатление. «...»

Невыгодные качества ребенка добродушного типа состоят в недостаточной проверке его рассуждений физическими приемами и вообще в недостатке его физического развития. Он вообще не охотник до физической работы, ибо охотнее всего он рассуждает над замечаемыми им явлениями, строит планы, составляет проекты и вообще легко предается различным фантастическим предположениям, в особенности если наблюдением он недостаточно набрал себе материала для более производительной умственной деятельности. Он очень осторожно и часто с сомнением относится к мнению и выяснениям других, ибо привык разрешать вопросы или выяснять их только рассуждением; но как скоро он убедится в неосновательности своего сомнения, то непременно заявит об этом и совершенно искренно покается в своей ошибке. Это все хорошо объясняется его привычкой воспринимать все после обсуждения, а также его правдивостью и прямоотой. Если какие-либо занятия его не интересуют и он не находит возможности рассуждать над ними, то он обыкновенно от них отказывается и охотно от них освобождается. Эта его невнимательность к занятиям часто принимается за лень, и его стремятся различными мерами принудить к исполнению поставленных ему требований. Но все эти принудительные меры обыкновенно не достигают своей цели, они только оскорбляют его и еще более отталкивают от таких занятий (. . .)

При изучении организма человека слагается твердое убеждение, что все органы умственной деятельности развиваются только при постепенном и последовательном возбуждении их, и если какая-либо часть их находится вне этого условия, то эти органы понижают свою деятельность, и, таким образом, нарушается общая гармония отправления организма. Такое понижение умственных отправления нарушает целостность проявлений деятельности человека, оно обуславливает невозможность проявлять возможно большую деятельность в возможно малый промежуток времени. Последнее условие достигается только отвлеченным мышлением, пониманием идей, лежащих в основании ряда явлений. При разборе нормального типа будет по возможности выяснено, что ребенок рождается на свет с определенным темпераментом, зависящим от постройки его сосудистой системы с ее центральным органом, что индивидуальность ребенка должна устанавливаться в семье, до школьного периода, развитием умственных его способностей и понятия о правде. В школе же он должен развивать в полном соотношении все свои способности и научиться управлять собой; здесь должны быть даны условия, содействующие установлению его характера: ребенок должен быть в состоянии индивидуально проявляться и справляться со своими чувствованиями, связанными как с активно-физической его

деятельностью, так и с отправлениями органов растительной жизни (. . .) В школе раньше всего необходимо научить ребенка разъединять отдельные получаемые им впечатления, ознакомить его с анализом и синтезом встречающихся явлений, научить его сравнением отдельных представлений отделять существенные из них от второстепенных, чтобы на основании этих существенных образов или мыслей он мог вырабатывать понятия и идеи, чтобы строгой проверкой приобретенных им знаний он дошел до их понимания; это даст ему возможность познавать истину. Наконец, уже на основании умения применять выработанные положения и истины он должен определять значение тех явлений, с которыми встречается. Если все необходимые условия для такого образования существуют и молодой человек научился вырабатывать общие положения и истины и умеет применять их для выяснения встречающихся явлений, а также подчинять им свои чувствования и желания, то в таком случае он является уже зрелым к борьбе человеком. Средства, которые применяются для достижения этой цели, могут быть, понятно, самые разнообразные. В Древней Греции применяли для этого очень сложный метод, старались познакомить непосредственно с различными проявлениями жизни и рассуждениями о них приготовить к знакомству с ней. Мало проверенные рассуждения имеют очень субъективный характер, и потому введение различных взаимно проверяющих методов умственного труда должно содействовать установлению большей объективности при вырабатывании истин и усвоении их.

Из сказанного ясно, что спор о том, при посредстве изучения каких предметов получается серьезное образование, совершенно праздный. Очевидно, при посредстве тех, которые больше содействуют рассуждению, которые ведут к выяснению и пониманию истин. Совершенно непригоден в школе метод образования, ведущий исключительно к усвоению одних знаний, когда занятия содействуют развитию только обширной памяти, причем молодой человек все же не приучается самостоятельно применять собранные знания. Преимущество, которое дается тем или другим предметам при школьном образовании, обыкновенно основано не на знакомстве со значением избираемых предметов, а на заранее составленной табели предметов, значение которых даже защищают только заученными словами и речами и ссылкой на многие авторитеты, а не спокойной и обстоятельной проверкой их значения. В последнем случае, наверное бы, оказалось, что как древние языки, так и естественные науки и математика могут иметь несомненное общеобразовательное значение и что все они при известном способе их преподавания могут забить ребенка и ни в каком случае не будут содействовать умственному его развитию. Разве не все равно, будет ли ребенок заучивать совершенно чуждые ему звуки, формы и правила их применения, или же названия всевозможных животных, растений или ископаемых, их части и отделы, или массу различных математических действий и формул, если при этом он никогда спокойно не задумывается и не рассуждает над значением всех этих звуков, форм, формул и т. д.; только последним путем он в состоянии будет развить у себя те необходимые ему человеческие способности, для развития которых он и

явился в школу.

Кроме того, педагоги упускают из виду еще одно очень важное условие, несоблюдение которого указывает на их полное незнание с природой ребенка и с взаимной связью всех его отправлений. Выше было уже сказано, что для вполне сознательного умственного акта необходима более продолжительная и настойчивая умственная работа, требующая, конечно, и продолжительного времени. Каждый занимающийся умственной работой из собственного опыта знает, как сильно утомляет серьезный однообразный умственный труд и что подобные продолжительные занятия возможны только либо после долгого и настойчивого упражнения, либо при частом изменении качества труда, или, наконец, при смене умственного труда физическим. Притом же мало образовать умного и понимающего человека, необходимо еще, чтобы он мог настойчиво и энергично проявлять свои волевые отправления и был в состоянии твердо держаться выработанных истин и принципов. Другими словами, научить ребенка владеть и управлять собой, а также создать условия, содействующие развитию его характера,— вот несомненная и даже *главная* задача школы. Следовательно, не утомлять ребенка непосильным умственным трудом, а помогать ему выработать из себя стойкого, неуклонного и энергичного борца за свои идеи, за истину — вот очень существенные требования, которые, однако ж, обыкновенно совершенно упускаются из виду педагогами именно вследствие того, что они недостаточно изучают природу ребенка.

В Древней классической Греции воспитатели были более наблюдательны и лучше понимали условия, необходимые для развития характера молодого человека. Кроме бесед и рассуждений (а не зазубриваний) молодых людей с наставниками, которые, между прочим, помогали воспитанникам выяснять значение различных проявлений внутреннего мира человека, а также явлений окружающей их жизни, там обращали еще особенное внимание на отношение волевых отправлений к чувствованиям, сопровождающим отправления органов движения и растительной жизни. Они приучали молодых людей подчинять воле такие сильные чувствования, как голод, жажда, половое возбуждение и т. п. В их гимназиях существовали особые помещения для обмывания тела холодной и теплой водой, помещения для различных игр, бега и других физических упражнений. Но они играли не для того, чтобы уметь прыгать, бегать, метать и т. д., а для того, чтобы приучиться владеть всеми движениями, существующими в организме, чутко пользоваться чувствованиями, сопровождающими все эти движения и даже положения своего тела. Значение всех этих занятий оставлено совершенно без внимания современными педагогами, ибо они слишком мало знакомы со связью, существующей между умственной и физической жизнью молодого человека. Они совершенно и не подозревают, что если не повышать постепенно деятельности какой-либо части двигательного аппарата ребенка, то она отстанет в своем развитии от других частей этого аппарата; этим нарушится гармония его деятельности, и он уже не будет в состоянии производить в наименьший

промежуток времени наибольшую работу при наименьшей трате материала. Вместе с понижением деятельности в какой-либо части понижается обмен элементов и во всех других частях и органах человеческого тела. Нетрудно также убедиться в том, что, приучаясь владеть и управлять различными частями двигательного аппарата, приучаются вместе с тем владеть и управлять теми чувствованиями, которые связаны с деятельностью этого аппарата, и переводить затем приобретенную таким образом способность на все свои отправления «...»

Что же касается до развития стойкости и энергии, а также умения владеть собой, то это вопросы, которые оставлены совершенно в стороне; к физическому образованию вообще относятся даже с презрением, предполагая, что таким грубым делом могут заниматься только один акробаты и военные. Все это зависит от узких воззрений и односторонности педагогов и от их незнания природы ребенка.

Выше уже было сказано, что ребенок добродушного типа может дойти в школе до такого состояния, что его даже исключают оттуда, опасаясь его вредного влияния на товарищей. В сущности, ребенок здесь ни при чем: он привык рассуждать, привык к мягкому, справедливому и прямому обращению, а методисты вдруг начинают вколачивать его в свой шаблон, к которому он никак не подходит, и из мягкого, доброго, рассуждающего и правдивого ребенка выходит отчаянный человек, готовый на самые крайние действия и выходки. Здесь являются последствия ими же созданных причин, они должны быть и неминуемо явятся.

В школе, в которой не поддерживают рассуждений ребенка и ничего не делают для развития характера, добродушный тип в лучшем случае, при мягком с ним обращении, будет выполнять главные требования и несколько разовьет память. В дальнейшем он мог бы стать вполне самостоятельным и даже плодотворным деятелем, однако часто бросает свою деятельность, потому что «дух замирает», «жить нельзя», но обвиняет при этом всегда себя во всех своих неудачах. Чем меньше школа влияет на такого ребенка, тем легче он явится или мечтателем, или в виде типа, так мастерски представленного в «Обломове»,— этого лишнего человека чистой души, плохо ужившегося с той средой, в которой ему приходилось вращаться, и страдавшего от недостатка настойчивости и энергии. Наконец, в худших случаях, при преследовании и наказаниях, образуется злостный, отчаянный человек, но все же с доброй и правдивой душой, у которого даже после страшного злодеяния простым, мягким и справедливым словом можно вызвать слезы и самое искреннее раскаяние. «...»

Наблюдая за развитием добродушного типа и за условиями, при которых он появляется, можно убедиться, какое огромное влияние имеет добрая, любящая, *умная* мать. Иногда, при относительно неблагоприятных условиях, появляется подобный тип, если только на него повлияет простой, добрый, внимательный человек, никогда не забегающий вперед своими советами и распоряжениями, а спокойно рассуждающий с ребенком о тех вопросах, которые

у последнего являются.

Очень характерны всегда различия, замечаемые между взрослыми лицами, приучившимися усваивать знания одним заучиванием их, одной памятью, и лицами, привыкшими спокойно рассуждать над своими впечатлениями и действиями. *Человек со знаниями* (рассудочный) речист, даже красноречив, всегда старается поражать цитатами из всевозможных авторов, мнениями всевозможных авторитетов и ученых, в споре только ими и защищается; собственных мнений и особенно отвлеченных понятий у него как будто вовсе нет. Он охотно собирает материал и в состоянии его классифицировать по внешним признакам, но не в состоянии заметить типичности тех или других явлений и характеризовать их по основной идее. Он может быть хорошим исполнителем и референтом, точно передавая главные мысли без всякого их изменения и критики. Он не в состоянии применяться к индивидуальным явлениям и непременно стремится применить шаблон. Он — методист и систематик. Все его действия всегда уверенны, ему все известно, сомнений он не допускает. Он действует на основании *знания* своих обязанностей. Все его движения и положения переняты (имитированы), и ими он старается показать свое положение и степень своего значения в обществе. *Человек с пониманием* (разумный), напротив того, мало обращает внимания на внешнюю форму своей речи, он доказывает и убеждает логическим разбором, на основании собственного психического анализа, а не на основании одних образов или неразработанных мыслей. Знания у него усвоены в виде понятий, поэтому он всегда в состоянии индивидуализировать явление, т. е., определив его общее значение и смысл, резко очертить его особенности и отклонения от основного типа и на них сосредоточиться при своих рассуждениях и действиях. Во всех своих действиях он отличается самостоятельностью и всегда богат творческой силой и инициативой. Он может явиться либо мечтателем и идеалистом, либо чрезвычайно плодотворным практическим деятелем, отличающимся всегда богатством своих мыслей и идей. Он обыкновенно действует на основании *понимания* своих обязанностей. Внешность его простая, нет у него ничего напускного, предвзятого. Он твердо держится выработанных им принципов и идеалов и всегда отличается философским направлением. Он очень осторожен во всех своих выводах и заключениях и всегда готов подвергнуть их новой проверке. В его методике всегда выражается личная его особенность, и он ее видоизменяет смотря по условиям, при которых ему приходится действовать; поэтому деятельность его всегда живая.

В изложенном читатель познакомился стремя типами, соответствующими, главным образом, трем степеням деятельности мозговых центров: простой рефлекторной, сложной рефлекторной, или рассудочной, и самостоятельной творческой, или разумной. Теперь перейдем к типам, развитию сознательной деятельности которых препятствовали или предупредительная ласка, или внешнее насилие, или угнетающие условия жизни.

МЯГКО-ЗАБИТЫЙ ТИП

Тип этот лучше всего назвать мягко-забитым типом. В этом случае ребенок бывает забит не строгими взысканиями и наказаниями, не розгой, а внешней, животной лаской, которая забивает не меньше розги и приводит к таким же печальным результатам. Развивается он также при отсутствии условий, необходимых для образования его умственного развития. Тип этот можно было бы еще назвать и заласканным, только этим последним названием не удастся охарактеризовать все его проявления.

Появляясь в школе, ребенок такого типа сильно стесняется своей новой обстановкой: он не решается сам по себе ни пройти, ни встать, ни сесть; запустивши палец в рот, он смотрит, что делают другие, и мелочно подражает им. Принужденный сделать что-нибудь независимо от других, он оказывается обыкновенно очень неловким, неумелым и очень слезливым. Во всех затруднительных случаях он чаще всего прибегает к слезам; да и плачет он, как 3—4-летний ребенок, с криком и воем, закрывая глаза тыльной стороной руки и распуская слюни из раскрытого рта.

Когда он несколько привыкнет к школьной обстановке, он входит в стадо, и им управляет лицемер или честолюбец, а защищает добродушный. Вообще ребенок этого типа находится под покровительством или влиянием какого-либо другого товарища, и его действия и рассуждения вполне зависят от последнего. Поэтому он является то незлым, мягким, послушным, то, напротив того, очень требовательным, недовольным, непокорным. С другими детьми он и пошалит, но и то больше повторяя виденное и слышанное. К товариществу он относится стадно; никаких самостоятельных действий у него не бывает; он является только слепым исполнителем предъявленных ему требований и начертаний и отличается главным образом своими отрицательными качествами; он зла не сделает, потому что мама сказала, что это нехорошо, что так делать не следует, грех. Он исполняет все внешние обряды, но при этом зеваает и смотрит в сторону. Он обыкновенно не лжет, а если скажет неправду, то покраснеет и сделает ряд безобразных движений, закрывая свое лицо рукой и отворачиваясь от того, кому сказал эту неправду. Иногда он говорит неправду и держится высказанного просто потому, что не в состоянии дать себе отчет в сказанном и изменить раз принятое положение.

К своим занятиям такой ребенок относится равнодушно, исполняя все то, что требуется, и выучивая заданное. Он совсем не прочь, если это возможно, освободиться от какого-либо дела, охотно пропустит задачу или обойдет не особенно строго проводимое правило. В проступках он легко сознается и так же легко указывает на зачинщика и участника, поэтому он ненадежный товарищ. Он всегда бывает «умником» и благих намерений ребенком. Выдает он своих товарищей вовсе не с намерением подслужиться и не из личной выгоды, а просто потому, что спрашивают.

Холодный и равнодушный, он в сущности никого не любит, а только, так сказать, прицепляется к кому-нибудь и не

отходит от него ни на шаг точно так же, как раньше не отходил ни на шаг от матери или от няни. Оставленный один, он и впоследствии совершенно теряется. Величайшее горе, какое только может быть у этого ребенка,— это очутиться в таком положении, где он предоставлен самому себе, своим собственным силам, где нет никакой посторонней помощи и заботы. Выражаясь гиперболически, можно сказать, что он умрет с голода, сидя около каравай хлеба, если ему никто не укажет, как отрезать. Если эта гипербола несколько преувеличена, то тем резче она показывает одну из главнейших черт этого типа. Такое горе для него, конечно, самое сильное, потому что все остальные появляющиеся у него тревоги и беспокойства скоро проходят совсем, без следа, после легко наступающего безмятежного сна. Наедине он всегда скучает и сам никогда не может приискать себе никакого занятия или развлечения. Все неудачи, препятствия или неожиданные явления ставят его в тупик, и он совершенно не в состоянии справиться с ними без посторонней помощи. Он не сделает ни малейшего усилия, чтобы преодолеть их, а беспомощно остановится перед ними, и если никто не придет ему на помощь, то слезы, рыдания и внешние проявления тревоги будут единственным ответом с его стороны. Исполнить поручение он может только тогда, когда все необходимое ему раньше было показано, потому что действовать он может только по имитации и по указанию. Терпеть боли или какие-либо физические страдания он также не в состоянии, он раскисает при этом и оказывается в высшей степени трусливым. При всяком более сильном возбуждении он сделает непременно какую-либо несообразность либо словом, либо действием.

В школе он может оказаться прилежным и исполнительным, выучит все, что ему зададут, стараясь запомнить и приготовить только так и настолько, насколько требует учитель. Стоит только уменьшить требования или понизить бдительность за ним, и он окажется ленивым и нерадивым учеником. Смирный, боязливый и даже трусливый при строгом обращении с ним, он делается капризным и подражательно-требовательным при противоположных условиях. При занятиях он скоро делается самоуверенным, предполагая, что он все знает, по крайней мере все те науки, которые обыкновенно значатся в таком большом числе в расписаниях наших учебных заведений. Что сегодня он выучит, то готов завтра преподавать другим, причем во всем будет имитировать своих преподавателей. Наблюдательности у него очень мало, поэтому он имитирует только более резкие явления, что иногда выходит очень карикатурно.

Полное отсутствие сознательного отношения к своим нуждам выражается в высшей степени во всех его проявлениях: он с искусством шаркает ножкой, гладок, чист и изящен, когда ему все приготовлено и показано, и, наоборот, неряшлив, оборван и грязен и при появлении чужого или совершенно не поклонится, или же убежит и даже спрячется, если только раньше в этом отношении никто о нем не позаботится и не даст ему соответственных наставлений.

Оставшись без надзора, он будет неумерен во всем, что ему нравится и что произведет на него более сильное

впечатление. Пища, питье, танцы и всевозможные развлечения, не имеющие чисто эстетического значения, а влияющие только переменой и сильной степенью возбуждения, легко могут служить даже причиной заболевания его вследствие неумеренности в употреблении или пользовании ими. Удовлетворяя свои потребности, он никогда не думает и не принимает в расчет требований других; ему бы только насытить себя и удовлетворить свои требования. Чтение литературных произведений и вообще серьезное чтение обыкновенно его не привлекает; по собственному побуждению он чтением не занимается.

Под влиянием школы мягко-забитый ребенок разве несколько разовьет свою память, но пользоваться приобретенными знаниями он все же обыкновенно не в состоянии. Неопытный, совершенно не знакомый с жизнью, не подготовленный к какой-либо самостоятельной деятельности, он все-таки обыкновенно очень доволен собой, а также и своей жизнью, если только ему не приходится заботиться о своем существовании и терпеть лишения. Никаких отвлеченных понятий у него нет, он реалист во всех отношениях, но всегда по подражанию, и реализм его доходит часто до цинизма.

Такие дети встречаются главным образом в закрытых женских учебных заведениях, хотя их приходится встречать и в мужских как в средних, так даже и в высших учебных заведениях, где этот тип сохраняется довольно чисто и где он отличается тем же богатством отрицательных качеств; ни понимания, ни опытности и здесь у него нет, везде он смотрит теленком, отыскивающим свое стадо и следующим за пастухом. В лучшем случае он трудолюбив и исполнитель; все выучит, все зазубрит, но совершенно особенно, по-своему, чисто механически. Если последить за ним, когда он занимается наедине, то можно подметить очень характерные особенности: сосредоточиться над делом он надолго не может и потому, принявшись с некоторым усилием, твердо повторяет вслух по несколько раз отдельные фразы, затем отдельные их части, отдельные слова, слоги, звуки, тоны, далее следует переход на знакомый мотив — отдых, при этом папироска, хождение вдоль и поперек комнаты, затем опять напоминание, новое усилие и т. д. Неспособность долго останавливаться над делом и неумение распорядиться и воспользоваться своим временем затягивают занятия и приготовления уроков до бесконечности, а в результате выходит разве только выдержанный экзамен, к делу же полная негодность, полное отсутствие интереса, всякой инициативы и самостоятельности при крайней внутренней распушенности и нерешительности. Привязанности, любви — никакой; один лишь эгоизм и полное самодовольство. У девочек мягко-забитого типа все эти явления выступают в такой же характеристической форме, а некоторые из этих свойств иногда считаются очень ценными даже у взрослых девушек и принимаются за выражение наивности. Каждое новое или более сильное впечатление у них всегда сопровождается аханьем, вскрикиванием, вздрагиванием, — словом, рядом бесцельных движений или ломаний, которыми они реагируют на все подобные впечатления. Лицо совершенно

застывшее, неподвижное, с безучастным и беспечным выражением, глаза, направленные безучастно куда-то вдаль, такая же беззаботная речь, постоянная слезливость и всевозможные украшения составляют всегда характеристические признаки людей этого типа. Непостоянство и изменчивость их поразительны: все их действия зависят всегда от окружающих лиц, которых они имитируют во всех отношениях, воспроизводя все, что произвело на них более сильное впечатление. Во всяком случае они не в состоянии справиться с каким-либо серьезным делом, если только оно требует хотя бы малейшей самостоятельности или понимания. К технической деятельности они еще более годны, но только в том случае, если при этом не требуется ни видоизменения показанного, ни малейшего творчества. Следя за мягко-забитым типом по выходе из школы, легко убедиться, что он все же удерживает главные характеристические черты. Люди этого типа остаются мягкими «добрыми малыми», очень самодовольными и самоуверенными, готовыми взяться всегда за всякое дело, которое они непременно испортят и расстроят. В сущности, они остаются все теми же холодными, безучастными эгоистами, без всякого понимания и самостоятельности, в какой бы деятельности они ни появлялись, до ученой или профессорской включительно. Обладая властью, они отличаются наивной важностью и напыщенностью перед подчиненными и большой трусостью, малодушием и подобострастием перед начальством, Об отвлеченных идеях и говорить нечего, их у таких лиц и следов нет, хотя все это может маскироваться заученными фразами и цитатами.

Появляется такой тип во всех тех случаях, когда всякая деятельность ребенка предупреждается, когда все для него готово и он никогда не возбуждается к рассуждению и к самостоятельному распоряжению своим временем и своими действиями. Честолюбивая или раздражительная мать, не терпящая никаких противоречий, желая похвалиться своими детьми, старается ласками и угодой их чувствованиям сделать их умниками и послушными и, таким образом, всего более содействует развитию детей мягко-забитого типа(. . .) Как в семье представители его носят название «маменькиных сынков и дочек», так в учебных заведениях они характеризуются названием «институтков». Постоянные регламентации, строгое исполнение известных, по шаблону заученных обрядов и внешних выражений приличия, отсутствие какой-либо самостоятельности и заботы о своих нуждах, механическое чисто внешнее отношение ко всем своим занятиям и к окружающим лицам, равнодушие и служебное отношение лиц, с которыми им приходится иметь дело,— все это неминуемо должно содействовать появлению самых резких форм этого типа, который, собственно, лучше всего и изучается в таких заведениях.

Во всех этих случаях причины, содействующие развитию мягко-забитого типа, сводятся везде к одному и тому же. Предупреждение всякой самостоятельной деятельности ребенка, уничтожение всякой инициативы, всякого почина со стороны ребенка, отсутствие и заботливое устранение условий для развития умственной деятельности — вот главные

моменты, которые будут содействовать развитию всех наблюдаемых здесь явлений (. . .)

Такой ребенок никогда ничего сам не начинал, ему всегда говорили, что делать, куда идти, что сказать, чем, как и когда развлекаться, когда есть, когда пить, когда гулять, когда спать, ему ни о чем не приходилось заботиться, его во всем всегда предупреждали, поэтому у него нет ни инициативы, ни самостоятельности. Умственную деятельность такого ребенка никогда ничем не поддерживали; на его вопросы ему чаще всего отвечали, чтобы он не шумел и не рассуждал, был умником и вел себя прилично. Без рассуждения у него, конечно, не могла развиваться умственная его деятельность и уж ни в каком случае волевые проявления. Без опытности, инициативы, самостоятельности и воли ему остается только подражать тому, кто на него влияет. В самом деле, деятельность такого ребенка преимущественно имитационная; он поэтому и старается прицепиться и следовать за кем-либо другим, быть в стаде и исполнять распоряжения пастуха. Всякое действие, требующее какой-либо инициативы и самостоятельности, которое вызывается случайными обстоятельствами, для него положительно невозможно и вызывает с его стороны только ряд бесцельных, беспорядочных движений, или ломаний. Последние являются как результат подействовавших на него возбуждений или раздражений и соответствуют степени и качеству последних. Ломания и бесцельные движения всегда указывают на отсутствие умственной деятельности, ибо раздражение прямо переходит только в мышечную работу. Предупредительное удовлетворение всех потребностей содействует развитию и постепенному усилению чувствований; так, например, усиленное кормление вызывает развитие чувствований, сопровождающих насыщение. Оказывается, что дети этого типа часто охотно принимают большое количество пищи и чем больше им давать ее, тем больше увеличивается их требовательность. Поэтому у них часто встречается страдание кишечного канала. Кажется, все у них есть, и с лихвой; нет, они постоянно высматривают, как бы еще что получить; часто они бывают даже неразборчивы в пище, едят все, что попадается. Это доказывает, что они руководствуются не вкусовыми впечатлениями, а желают только набить себе желудок пищей, чтобы, растянув его, вызвать ощущение полноты и насыщения. Как только желудок несколько освободился и этого чувствования уже нет, они опять готовы принять новое количество пищи до появления того же чувствования (. . .)

Если ребенка этого типа не подвергали сильным впечатлениям, а только предупреждали все его желания и требования и не содействовали его умственному развитию, не поддерживали его стремлений и рассуждений, то впечатлительность его все же отчасти сохраняется; но воспринятые им извне впечатления не вызывают в нем умственной работы, он только повторяет воспринятое, а более сильные возбуждения и раздражения вызывают у него ряд бесцельных движений и действий: он очень бурно радуется, вскрикивает и вздрагивает, а при малейшей неприятности горько плачет и тревожится. Все это очень легко у него появляется и обыкновенно так же легко исчезает;

проспится, и все пройдет, если только причина перестала действовать. Понятно, что с таким ребенком все еще относительно легко справиться, и серьезная идеальная школа может содействовать выработке из него даже лица с человеческими проявлениями. Но у ребенка, которого подвергали сильным впечатлениям, которого рано стали вывозить в свет, на балы, обеды, вечера, в театры, концерты и т. п., которого постоянно окружали роскошью, приучали к пестрым нарядам и всевозможному внешнему блеску, впечатлительность вследствие этого притуплена, и он всегда отличается вялостью и апатией, из которой его можно вывести только сильными впечатлениями, сильными раздражениями(...)

Самодовольство и ложная самонадеянность ребенка мягко-забитого типа составляют, несомненно, прямое следствие апатии и отсутствия желания расширять и проверять свою деятельность. Ограничиваясь в своей деятельности только имитацией, он очень легко достигает удовлетворения формальных требований, причем у него является уверенность в том, что он в состоянии исполнить всякое требование и разрешить всякий вопрос. Чем меньше человек знает, тем больше ему кажется, что он все усвоил и в состоянии все решить. Ребенок, который только что начал читать, всегда скажет, что умеет читать, и не прочь даже прибавить слово «хорошо». Покажите ребенку какие-либо опыты из физики и химии, и он при первом случае скажет, что он знает и физику, и химию; все это так легко ему далось, что он предполагает, что если какие-либо знания он себе еще и не усвоил, то изучение их не составит для него ни малейшего затруднения. Только настойчивые и серьезные занятия, проверяемые различными методами, показывают, сколько внимания, сколько труда, сколько напряжения умственных сил необходимо для того, чтобы действительно усвоить себе научные истины. Начиная о самых элементарных методов изучения и доходя до самых сложных, человек приучается проверять свои знания; применением таких методов он набирает материал, необходимый для изучения научных данных, а именно для их понимания и критической оценки; между тем как заучивание или знакомство с одними результатами и выводами может развить только память и умение повторять только заученное. Запоминание требует во всяком случае меньшего труда и может быть достигнуто совершенно механически, но результатом его будет только имитация. Чем поверхностнее и более механически ребенок относится к своим занятиям, чем более он имитирует, тем легче ему кажется знакомство с делом, тем скорее у него является уверенность в своих знаниях. Притупленная впечатлительность, или апатия, делает его невосприимчивым к внешним влияниям, поэтому он меньше останавливает свое внимание на этих влияниях, меньше задумывается над ними, а вместе с этим и требования его к самому себе уменьшаются, что приводит к самодовольству и умственной неподвижности. Чем с большей последовательностью и настойчивостью относиться к своим занятиям, чем более анализировать явления и вырабатывать понятия о них, тем более крепнет убеждение в трудности дойти до истины; получается навык видеть и понимать свои ошибки и недостатки, переносить неудачи, бороться с ними, часто одолевая их и так же часто падая под их ударами,— все это приводит к убеждению в

трудности усвоения истинных знаний, заставляет быть скромнее и осторожнее и постоянно подстрекает к дальнейшему совершенствованию.

Имитация и внешние отношения ребенка мягко-забитого типа доходят до того, что он ласкается и прицепляется к тому, за кем ему проще и легче идти и кто больше удовлетворяет его главные потребности. Истинной привязанности и любви у него положительно нет, он относится ко всем холодно и равнодушно. Такой забитый, апатичный ребенок чрезвычайно трудно поддается образованию и развитию; от него как-то все отражается, все скользит по поверхности, а в глубину не идет. В школе, где на индивидуальные проявления не обращают никакого внимания, этот тип часто принимает резко нахальный характер; претензий и самоуверенности очень много, а умения чрезвычайно мало. На словах он все знает, всему обучался, ибо всем может или, по крайней мере, берется говорить, на деле же не в состоянии сделать ничего; он может только имитировать, и то грубо и неловко; перед первым препятствием он останавливается, опускает 'руки и либо сейчас же отворачивается от начатого дела, либо слезами и различными звуками выражает всю свою беспомощность и полную непригодность к нему. Так как такой ребенок никогда не останавливается над нуждами других и не в состоянии выяснить себе последствия этих нужд, то он должен отличаться узким эгоизмом, что у него, действительно, и наблюдается постоянной ..)

Предупреждая все требования и постоянно направляя ребенка во всех его действиях и размышлениях, всегда делают его совершенно негодным к жизни; такие дети становятся разве только исполнительными, но, к сожалению, очень эгоистичными и самоуверенными. Приходилось встречать молодых людей, даже студентов, до такой степени неопытных и наивных, что они вполне напоминали настоящую институтку. Занимаясь математикой, они зазубривают самые сложные формулы, не подозревая даже внутреннего их смысла. Каждый раз, как один из таких молодых людей желал идти куда-нибудь, он спрашивался у маменьки. Однажды, желая показать свою самостоятельность, молодой человек решил сам себе купить шапку, и тут вышло плохо: купил скверную шапку, а заплатил много. Такие лица совершенно негодны к какой-либо серьезной деятельности и могут прожить всю жизнь, не сделавшись никогда взрослыми .

Этот тип в особенности распространен в женских учебных заведениях, даже в высших, где он встречается иногда в самом чистом виде. Школа как будто совершенно не влияет на них. Холодность, апатия, отсутствие всякой любви и привязанности, отсутствие понятия о правде характеризуют их всюду. Равнодушие, внешность, имитация и разве только циничное стремление удовлетворять свои большей частью чувственные потребности — все это составляет наследие, данное им воспитанием и вносимое ими в жизнь.

ЗЛОСТНО-ЗАБИТЫЙ ТИП

Появляясь в школе, ребенок такого типа отличается настойчивой молчаливостью, стесняющимся, конфузливym видом, причем иногда у него прорываются резкие бесцельные движения, особенно в те минуты, когда он думает, что на него никто не смотрит. Добиться от него какого-либо слова чрезвычайно трудно; он вместо ответа иногда вдруг фыркнет, сделает какое-либо грубое движение или произнесет соответственные звуки. Он никогда не посмотрит прямо и ласково, все больше сбоку и исподлобья. От товарищей он то сторонится, то как бы нечаянно толкнет или щипнет кого-нибудь. На все их предложения и расспросы он либо вовсе не ответит, либо ответит отрицательно, либо начнет потешать их различными резкими выходками и сценами.. К занятиям он относится совершенно равнодушно, исполняя только необходимые требования; если же он может и от них отделаться, то охотно этим пользуется. Ко всем окружающим, в особенности к старшим, он относится чрезвычайно подозрительно и на все ласки и внешние проявления нежности всегда отвечает резким, отталкивающим движением и даже бегством. Движения его вообще очень угловаты, резки; стесняясь, он отворачивается, закрывается рукой или локтем, из-за которого иногда показывает язык.

В рассуждения он никогда не пускается, даже избегает их; вообще неразговорчив, в особенности с незнакомыми ему лицами. К преследованиям и наказаниям он относится с напускным индифферентизмом, на мелкие же обиды или даже на невнимание часто легко обижается, а иногда грубо и некстати говорит дерзости. Товарищество он ценит; скорее всего он сходится с однородным типом, соединяясь более для взаимной защиты, чем для искренних дружеских отношений. С товарищами же добродушного типа он сближается более потому, что видит со стороны последних признание его равенства со всеми окружающими. Своего товарища он в случае общего преследования никогда не выдаст, и даже жесточайшие наказания не могут принудить его к этому. Вообще он выдерживает самые сильные наказания с замечательной стойкостью и терпением. Ребенок злостно-забитого типа часто берет под свое покровительство какое-нибудь животное, с которым охотно делит все, что имеет.

Когда такого ребенка подвергают преследованию или какому-нибудь строгому дисциплинарному взысканию, то он делается как-то особенно подвижен и часто избирает себе самые дикие развлечения, которые характеризуются вообще тем, что он мучит, истязает, уничтожает различных животных, наносит людям, особенно своим надзирателям, всякие неприятности, оскорбления, а если может, то и прямой физический вред. Он рвет ноги и крылья у насекомых, давит мелких животных, топит в воде крупных, вешает на гвоздь или на сук кошку, привязанную за хвост или лапу, казнит собаку, и чем сильнее страдание животного, тем, по-видимому, больше удовольствия испытывает виновник его, тем более дик его хохот, тем резче его движения.

Подобные дети после продолжительного, спокойного и даже напряженного положения выскакивают иногда из класса, испуская самые дикие крики, производя самые безобразные движения, бросаясь друг на друга, на всех и на все, встречающееся им на пути, даже на стену.

При постепенно увеличивающейся строгости, при постоянных запрещениях, при произвольном отказе иногда в необходимом ребенок начинает добиваться всего тайком, присваивая себе то, что плохо лежит, и никогда не останавливаясь перед препятствиями. Берет он то, что ему нужно, или то, чего он прямо получить не может. Он не прочь и поделиться добычей со своими товарищами по типу; затем он вместе с ними отрекается от своего поступка, и ни один из них не выдаст друг друга. Он лжет, но здесь, как во всем остальном, ложь его состоит более в отрицании, чем в выдумке. Иногда он берет даже ценные вещи, но только для того, чтобы их разрушить и бросить. Вообще такой ребенок никогда не прочь что-нибудь испортить, исковеркать, изрезать, сжечь. Он не прочь при случае пробежать огромное пространство, съесть большое количество какого-либо вещества, например брюквы или кочерыжек, даже клопов, мух и т. п., выпить какого-нибудь крепкого напитка, и по возможности больше, накуриться махоркой, так чтобы в ушах зазвенело, и все это не столько для того, чтобы похвастать, а преимущественно для того, чтобы потешить себя. Все его игры и развлечения связаны у него непременно с сильными ощущениями. Слабость, мягкость, нежность в обращении вызывают у него всегда резкие действия, отталкивают его. Всякое зрелище, связанное с сильными впечатлениями: бойкий, быстрый бег, травля животных и людей, крупная драка и т. п.— все это, действительно, занимает его и даже развлекает. При своем появлении в школе он всегда готов ущипнуть, уколоть или ударить как своего сверстника, так и каждого из младших своих товарищей; он так же относится даже и к маленьким детям. Сделавшись постарше, он обыкновенно перестает трогать маленьких детей, иногда даже относится к ним, напротив, очень внимательно.

У ребенка злостно-забитого типа бывают иногда очень добрые порывы, и он может отнестись с замечательной мягкостью и предупредительностью к другому ребенку, в особенности в тех случаях, когда последний подвергается явно несправедливым преследованиям и оскорблениям или когда немощный остается без всякого призрения. Религиозность этого ребенка ограничивается более исполнением внешней обрядности, редко она бывает глубокой, искренней.

К своим занятиям он относится очень вяло и без собственной инициативы, даже охотно от них отделяется, а иногда впадает в какое-то инертное состояние, в котором он или совершенно не реагирует на обращенное к нему требование, или только после применения самых сильных мер, но эти последние еще более ухудшают его состояние, еще более притупляют его. Обыкновенно он усваивает все памятью, не вникая особенно в значение усваиваемого. Внешние формы и обрядность составляют его единственное умственное достояние, которого он твердо держится.

Мало-помалу такой ребенок принимает внешний вид и шаблонную форму данного заведения, делается пугливым, подозрительным, а затем злобным и все более и более замыкается в свой личный мир, который он как будто охраняет проявлением мелкого самолюбия. При более резко выраженной форме этого типа ребенок старается сделать всегда как раз противоположное тому, что от него требуется. Он как будто принимает все меры, чтобы на него обращали внимание, призывали к порядку, и выискивает случай, чтобы иметь возможность отказаться от исполнения каких-либо требований. Стоит только установить его в ряд с другими, он непременно обратится спиной к преподавателю; попросят его сесть на одно место, он непременно сядет на другое и т. д.; в особенности он любит отрицать все, что к нему относится, и отвечает отрицательно на все обращенные к нему вопросы. Привыкая относиться с большим расчетом к своим занятиям, он начинает так же относиться к исполнению всех остальных своих обязанностей, стараясь ограничиться только самым необходимым и не делать ничего лишнего, оценивая по возможности дороже свой труд.

Подобно тому как такие ученики, выбегая из класса, бросаются на всех и на все окружающее, так и, выходя на волю из школы, подобные молодые люди накидываются на всех и на все; в особенности же они падки на всякие сильные впечатления: большие количества разнообразной пищи с примесью пряных веществ, крепкие напитки, искусственные или естественные половые излишества, шумные оргии, драки, пошлые возбуждающие речи, лошади, скачки, травля и т. д. Все это продельвается чаще всего самым бесшабашным, шумным и безобразным образом. Нет такого безобразия, которому бы не предавались эти молодые люди, как только они хотя бы ненадолго вырвутся на свободу. Они обыкновенно имитируют самые крайние и грубые образцы, которые им приходилось встречать, как в отношении своей речи, одежды, так и в отношении всех своих потребностей. Все это выражается в крайне резкой и грубой форме и часто доходит до самых нахальных и даже циничных действий. По существу, проявления этого типа совершенно одинаковы как у мальчика, так и у девочки; цинизм их выступает в одинаковой степени. Самоуверенность и требовательность их облекаются в очень резкие и бессмысленные формы; притязания их часто трудно удовлетворить, до того они назойливы и беспощадны.

Подозрительность, резкость и угловатость действий) замкнутость, тупая и сдержанная, реакция на внешние впечатления, проявления мелкого самолюбия и резкие выходки, сменяющие апатичную жизнь, стесненную мерами и правилами,— вот те крупные черты, которые характеризуют молодых людей злостно-забитого типа(...)

В жизни злостно-забитый тип является в одном случае, признаваемом обыкновенно за лучший, в виде подозрительного заскорузлого служаки, не допускающего никакого рассуждения и твердо исполняющего все данные ему поручения. Он молчалив, трудно воспринимает незнакомые ему раньше мысли и действия. Он может молча присутствовать или даже участвовать в разборе и выяснении различных мер и предложений, но затем опять будет

действовать по привычке и по заученному способу. Он послушный слуга высших и требовательный начальник низших, резко реагирующий как против первых, так и против последних во всех, по его воззрениям, несправедливых действиях, требованиях или претензиях. Он всегда слепо подчиняется какой-либо слабости, служащей ему развлечением в его однообразной жизни. В крайнем случае все его существование может сузиться до простой потребности в службе, махорке, водке и ненависти ко всему окружающему, причем на все новое и чужое он отвечает фырканьем. В другом случае злостно-забитый тип явится в виде самого отъявленного врага общества, мстящего беспощадно этому последнему за все несправедливости и страдания, которые ему были причинены и которыми были отравлены раньше все его детство, а затем и вся остальная жизнь (...)

Причины, содействующие проявлению и развитию такого типа в семье, будут главным образом: запрещение рассуждать, применение различных насильственных мер для понуждения и укрощения ребенка и всякие несправедливые и произвольные требования. Злая и раздражительная мачеха запрещает ребенку с самого малолетства всякие рассуждения, безотчетно и произвольно останавливает и понукает его и постоянно ограничивает все его действия, находя их нехорошими, неверными и даже безобразными. Лицо, воспитывающее такого ребенка, обыкновенно держится в отношении его того правила, что его не следует баловать, а главное, не следует пропускать какого-либо из его проступков без наказания. Если ребенок, например, возьмет что-нибудь, что произвело на него сильное впечатление или же удовлетворило той или другой его потребности, и его застают при этом, то его громогласно обзывают вором; или же, если несчастный случай сделал его невольной, совершенно бессознательной причиной страданий или даже смерти другого, его называют извергом, убийцей. Заклейменный таким прозвищем, он слышит его с малолетства, подвергается за него преследованию своих домашних, а иногда даже и всех детей околотка. Или же, предполагая, что он сказал неправду, его обзывают лгуном, не наедине, не случайно и не один раз, а громогласно, намеренно и постоянно. Вообще здесь играют главную роль настойчивые, постоянные, безотчетные и произвольные преследования, вызываемые большей частью личным раздражением, оскорбление личности ребенка и унижение его перед другими и перед товарищами, в особенности же перед чужими и нелюбимыми лицами. Развитию этого типа также много содействует строгое распределение времени ребенка с обязательными занятиями и невозможностью самостоятельно распоряжаться даже своими играми и развлечениями, строгие и постоянные взыскания за всякое нарушение установленных правил, или так называемых порядков, при отсутствии всякой любви и доброго отношения к ребенку. К этому еще часто присоединяется неумелое, грубое или служебное отношение к делу со стороны воспитателей и наставников, полное их незнание с нравами и потребностями детей и преследование всякого проявления их личности, их дум и рассуждений.

Связь между приведенными явлениями и причинами их нетрудно проследить, если принять в расчет все раньше сказанное. Внешними, насильственными мерами, полным ограничением всякой самостоятельности и настойчивым сопротивлением всякому рассуждению препятствуют обыкновенно развитию всех лучших и истинно человеческих качеств. Знакомство с условиями развития этих качеств уже отчасти выясняет ту связь, которая здесь существует между причиной и следствием. Но, чтобы вполне понять все значение этой связи, необходимо остановиться над влиянием различных «мер», применяемых при воспитании детей.

Представим себе, что в семье, где находятся маленькие дети, двухгодовалому ребенку вздумается ткнуть пальцем в лицо младшему ребенку или даже он это сделает нечаянно. Последний, пораженный внезапностью и болью, закричит; мать, присутствующая при этой сцене, начинает бранить задиру, возвышая голос и усиливая впечатление своих слов движением рук. Виновный ребенок смотрит на все это, и ему может даже понравиться такая картина, так как он получает таким образом ряд более сильных впечатлений как со стороны маленького, который сильно рефлектирует на раздражение, так и со стороны матери, которая при этом отчасти также рефлектирует. При первом подобном случае, в особенности при неудовольствии или усталости, влияющей угнетающим образом, он повторяет свой поступок; недовольная мать или няня уже сильнее возвышает свой голос, делает более резкие движения, а то и шлепнет непослушного ребенка. Таким образом, кроме возбуждающих картин он получит и угнетающий его удар, но прекратится ли после этого новое повторение того же самого? Обыкновенно нет, он повторит его явно или, скорее, тайно, чтобы избежать повторения угнетения, и в последнем случае еще с большей силой. Примененная к нему мера ни к чему не послужила и ни в чем его не убедила, она не изгладила у него картины, которая произвела на него довольно сильное впечатление; она не уничтожила той ассоциации ощущений или того состояния апатии, под влиянием которого ребенок вторично ткнул пальцем в лицо маленькому; напротив, она тем самым дала еще больший повод к повторению того же поступка; кроме того, она обратила внимание на последний и сделала его еще более заманчивым.

Обычная ошибка педагогов состоит в том, что они руководятся в сущности верным, но только весьма дурно понятым ими положением, что сильное впечатление может быть уничтожено еще более сильным; в только что приведенном примере, следовательно, впечатление, произведенное рефлексом матери и маленького) может быть уничтожено впечатлением шлепка. Ниже будет разобрано и показано значение этого положения, причем выяснится, что когда стараются уничтожить одно раздражение другим, более сильным, то, во-первых, не достигается желаемая цель, потому что это второе раздражение временно и скоропреходяще, тогда как первое обыкновенно стойко; во-вторых, это действует в то же время угнетающим образом на всю нервную систему, вызывает апатию, которая при отсутствии мышления служит весьма удобной почвой для постоянных раздражений, являющихся в виде различных чувствований.

Следовательно, стараясь уничтожить эти постоянные раздражения различными «мерами», помогают, напротив, их развитию. Возвращаясь к приведенному примеру, можно сказать теперь, что здесь было бы гораздо целесообразнее *суметь не заметить* самого поступка и уничтожить по возможности весь эффект картины, вызываемой поступком. Понятно, что выгоднее всего было бы с самого начала быть более сдержанным и не обращать внимания на случайное явление, внешне не придавать ему никакого значения и не превращать простую случайность в проступок. Где меньше надзирающих глаз и карающих рук, там такие явления легче проходят бесследно; умная мать всегда сумеет вовремя промолчать и неважное не заметить. Поставьте, например, на стол тарелочку с вареньем и запретите строго-настрого трогать его хотя бы четырехлетнему ребенку, обещайте ему наказание в случае неповиновения; если ребенок знает, что такие угрозы действительно исполняются, то, оставшись один в комнате, он непременно соблазнится лакомым блюдом и ткнет целым кулаком в тарелочку, с тем чтобы потом облизать его, и тотчас убежит из этой комнаты, оставив следы варенья на губах и на платье. Иначе поступит ребенок, которого *никогда* не наказывали, которому даже никогда ничего строго и сурово не приказывали; если ему *любящая* мать только серьезно скажет, чтобы он с тарелочки ничего не брал, и объяснит причину, почему не следует брать, то он на самом деле не возьмет.

Подобных примеров всегда много; они наглядно показывают значение простого и теплого отношения к ребенку. Сила мягкого, любящего слова так велика, что с нею не может сравниться никакое наказание. К сожалению, это слишком часто забывают при воспитании и прибегают к мерам, положительно пагубным по своим последствиям. Действуя обыкновенно под влиянием личного раздражения, воспитатели применяют свои меры недостаточно сознательно, не отдают себе полного отчета в значении их и данного проступка, а просто тешат себя, переводя свое раздражение в ряд беспорядочных, бесцельных движений. Необходимо, чтобы воспитатель всегда рассуждал и не допускал у себя рефлекторных движений; в противном случае получается явный абсурд: воспитатель преследует воспитанника за нарушение дисциплины и в то же время сам своими действиями доказывает, что он не умеет владеть собой, т. е. что он сам недостаточно дисциплинирован. На уроке в городской школе в Лейпциге учитель ходил по классу с небольшой тросточкой, которой стегал то одного, то другого ученика; увидав же, что один семилетний мальчик заговорил шепотом со своим соседом, он вдруг подбежал к нему,

отбросил трость и дал ему увесистую пощечину; мальчик не пикнул, только злобно посмотрел на него, следовательно, это было уже дело привычное. После класса этот учитель (молодой человек лет 26) на вопрос, находил ли он необходимым бить детей во время класса, совершенно откровенно ответил, что находит это совершенно ненужным и даже вредным, но делает это потому, что так *«скорее»*, да у него нет и времени много рассуждать, а иногда, прибавил он, это делается просто по привычке. Подобные произвольные привычные действия постоянно

встречаются в школе, а между тем их допускать там положительно нельзя; они, правда, облегчают деятельность наставника, но только во вред ребенку. Если возвышенным голосом или даже криком призвать ребенка к порядку, то ребенок встрепет, затихнет и останется в этом состоянии некоторое время, и тем меньшее, конечно, чем больше он привык к подобному обращению или чем тише и менее резко был сделан подобный призыв. Затем, после более или менее продолжительного спокойного состояния, ребенок задвигается, покажет язык или сделает какое-либо безобразное движение. Приходилось видеть в закрытом учебном заведении одного воспитателя, который очень строго подтягивал свой класс, в особенности когда ожидали появления какого-либо начальства. Он всегда внушал воспитанникам, что при начальстве они должны даже задерживать дыхание и не шевелиться на месте. Зато после он предоставлял им полную свободу действий; трудно описать, что делали тогда воспитанники: они выпускали самые дикие крики, бросались друг на друга, на окружающих и даже на стену; было не безопасно попадаться им в это время навстречу — можно было подвергнуться какому-либо неприятному действию с их стороны.

Явления, которые наблюдаются в таких случаях, можно себе объяснить на основании вышеуказанных качеств нервной системы. Болевые ощущения, получаемые при периферическом раздражении какой-либо ветви нервного ствола, совершенно исчезают при более сильном раздражении концов другой ветви того же ствола. Боль зубов, например, на нижней челюсти может совершенно исчезнуть при раздражении кожи височной области больной стороны. Более сильное раздражение, видимо, понижает всякую деятельность в остальных проводниках данного ствола; после того как влияние примененного раздражителя прошло, болевые ощущения являются снова, но уже с большим упорством. Чтобы уничтожить и эту боль, требуется применение более сильного раздражителя; таким образом можно дойти до самых сильных раздражителей, какими можно только пользоваться; наконец, и они перестают действовать.

То же самое приходится наблюдать и в психических проявлениях у ребенка; так, например, какое-либо возбуждение или раздражение вызывает у него известные действия; наставник, желая прекратить их (чаще просто раздраженный поступком ребенка), применяет к нему более сильное раздражение в виде выговора, крика или даже более ощутительного наказания. Этим, как говорят, возбуждаются задерживающие центры, но в то же время угнетается умственная деятельность и сознательное управление своими движениями.

В приведенном примере отправления нервной системы, болевые ощущения, несомненно, появятся вновь, так как причина, вызывающая их, продолжает действовать; она не удалена и не уничтожена, она только заглушена и угнетена. Точно так же и в последнем случае: прежние действия опять появятся, но только с большей резкостью и упорством, степень которых будет прямо пропорциональна силе и продолжительности угнетающего влияния. Как там каленое железо, так и здесь самое сильное наказание может, наконец, остаться почти без последствия. Приходилось наблюдать

следующий случай: мать, желая заставить шестилетнего ребенка раньше вставать, с каждым утром должна была усиливать крики и брань для того, что добиться исполнения своего требования; наконец, когда это уже перестало действовать, она вытащила ребенка из кровати и подвергла его зверскому телесному наказанию, измочалив о тело ребенка весь пучок розог, от которого остались мелкие прутики, рассыпавшиеся по полу. Ребенок во все время не пикнул и только по окончании неистовства своей матери сказал со злобной улыбкой на лице, указывая на разбросанные прутики: «вот как поступает мать с своим ребенком!» — и продолжал спать по утрам по-прежнему. Ребенок этот, теперь уже взрослый, представлял, сколько известно, все характеристические признаки злостно-забитого типа.

В одном из благотворительных заведений, в которое берут детей с 3 лет и содержат их до двенадцатилетнего возраста, был ребенок 9 лет, который стал издавать журнал, где представлял своих наставников и воспитателей в карикатурном виде. Когда начальство заведения узнало об этом издании, то оно посмотрело на дело серьезно и решило примерно наказать ребенка. В присутствии всех воспитанников заведения виновника подвергли жестокому телесному наказанию. Впоследствии его перевели в другое учебное заведение, из которого его собирались исключить, так как никакие телесные наказания на него не действовали, после них он только злобно смеялся. Таких примеров можно привести громадное количество, все они вполне выясняются вышеприведенным положением. Они доказывают, что все эти меры положительно убивают нравственно ребенка и превращают его в озлобленного и апатичного человека.

Относительно только что сказанного и особенно относительно интенсивности чувствований необходимо принять во внимание следующее общее положение, приводимое Вундтом: «Счастлирое настроение, возбуждаемое приращением внешних благ, пропорционально не абсолютной, а относительной величине этого приращения; или моральное благо, *т. е.* удовольствие, пропорционально логарифму физического блага. Другими словами: напряженность чувствования возрастает в арифметической прогрессии в то время, как сила впечатления возрастает в геометрической прогрессии».

Посмотрим теперь, нельзя ли обойтись без этих выговоров, криков, угроз и истязаний. Раньше было уже сказано, что всякое возбуждение и раздражение при непосредственном и сильном влиянии вызовет простые рефлекторные явления. Если у ребенка замечаются подобные рефлекторные явления, то ведь *только* путем спокойного и последовательного влияния возможно заставить его задуматься и дойти до выяснения своих поступков. Таким образом ребенок возбуждается к рассуждению и к волевым проявлениям, а вместе с тем и к противодействию всяким случайным и ненормальным побуждениям и чувствованиям. Внешними же тормозящими влияниями, действующими на задержание впечатлений, необходимо понижается также умственная деятельность и угнетаются волевые импульсы, с которыми не следует смешивать способность задерживать рефлексы. При таких условиях эти внешние раздражения на основании вышеприведенного (при описании честолюбивого типа) психофизического закона должны постоянно расти в

геометрической прогрессии; только в таком случае можно достичь ими желаемого возбуждения при том угнетенном и апатичном состоянии, в которое ребенок был приведен предшествовавшими возбуждениями. Отсюда ясно, что эта внешняя дисциплина совершенно противоречит задаче школы, делая неминуемо ребенка апатичным, угнетая и понижая умственную его деятельность. Кроме того, личное раздражение, под влиянием которого меры эти приводятся в исполнение, исключает спокойную оценку поступка, приводит поэтому к произвольному и несправедливому преследованию ребенка, к оскорблению его личности, что, в свою очередь, порождает злобу и ненависть к преследователям. Напротив, если наводить ребенка на рассуждение, возбуждать его умственную и волевою деятельность, можно приучить его владеть и управлять собой, развивать в нем нравственную дисциплину, во всех отношениях вполне соответствующую задачам школы и воспитания вообще. Если впечатлительность ребенка не притупляется, то он остается способным к мягкому и спокойному отношению к окружающим его людям. Рассуждение приучает к анализу, к разработке понятий и истин, научает ребенка понимать правду, глубоко уважать и любить тех, которые ведут его к этой правде и никогда не оскорбляют его личного достоинства. Воспитатель, прибегающий к различным дисциплинарным мерам, наверное, не знает всего могущества и силы спокойного, справедливого и правдивого слова, а также значения неприкосновенности и уважения другого лица. Влияние любящего и правдивого человека так велико, что ребенок, находящийся при неблагоприятных условиях в отношении нравственного своего развития, может быть добродушного типа, если он хотя только по временам встречается с таким человеком, к которому, понятно, он будет тем сильнее привязан.

Мать, няня, воспитатель, относящиеся к ребенку с искренней любовью и действительным участием, могут иногда прибегать и к различным мерам наказания, не забывая ребенка и не нанося ему этим положительного вреда. Но все же такие действия нельзя возводить в принцип, да, кроме того, тут и самое действие имеет совершенно другое значение. То, что можно перенести от близкого, любимого человека, что от него иногда даже приятно возбуждает, то может, оскорблять и нравственно угнетать, если будет причинено чужим, холодным и нелюбящим человеком. Так, например, один рабочий, который очень любил и хорошо относился к своему сыну, бил его иногда в нетрезвом состоянии; вытрезвившись, он становился мрачным, избегал встречи с сыном, чувствуя себя при этом крайне неловко. Сын у него добродушный мальчик, который, несмотря на перенесенные им побои, никогда не изменял своих добрых отношений к отцу, напротив, видя неловкое положение его, первый окликал его: «Чего дуешься, брось; пустяки—не важно». При всех наказаниях важно не одно механическое насилие, а и нравственное влияние, которое именно действует угнетающим образом на психическое состояние ребенка, его-то, и следует иметь всегда в виду «....»

В школе должна быть не внешняя, мерами вынужденная. дисциплина, а необходимо развить у ребенка

нравственную дисциплину, умение владеть и управлять собой и подчинять свои действия разумным волевым отправлениям. Наказания должны быть исключены из школы, это — хирургические приемы, которых нельзя допустить при нормальных условиях воспитания. Подобные меры непременно ограничивают и понижают умственную деятельность ребенка. К какой бы деятельности ни готовился *он*, к административной, военной или какой-либо другой, все равно, в школе необходимо придерживаться только одного основания: содействовать развитию человека со всеми присущими ему качествами. Забитый человек может быть только слепым исполнителем, а где нужно действовать самостоятельно и толково, с пониманием дела, там он не будет годен, он будет только дичиться и фыркать, чем, понятно, делу не пособит.

Указания на то, что многих наказывали телесно, а они между тем выросли и сделались замечательными людьми, не имеют смысла, потому что для выяснения причинной связи необходимо знать все нравственные условия, при которых ребенок жил и рос, а кроме того, «замечательные» качества человека могут быть очень односторонни и не всегда разумны. Мнение, что маленького ребенка можно наказывать телесно, а того, который постарше, нельзя, тоже неверно, потому что чем моложе ребенок, тем он нежнее, тем менее стоек его организм и тем легче появляются у него различные страдания «....»

Замечаемые у ребенка злостно-забитого типа апатия и умственная вялость — несомненные последствия сильных возбуждений или постоянных понуканий, которым он подвергается и которые ведут к его угнетению; стоит только удалить эти прибавочные возбуждения, апатия и вялость явятся как неминуемое последствие. Кроме того, при работе с постоянным принуждением обыкновенно почти не выясняется ни значение, ни цель ее.

Нет ничего убийственнее совершенно бесцельной и непонятной для исполнителя работы; она делается совершенно внешней, механической и вовсе не возбуждает к умственной работе.

Предположение, что ребенка необходимо постоянно понукать и принуждать к занятиям, совершенно неверно; напротив, необходимо, чтобы он *сам* приискивал себе занятия, непременно *сам* распределял их и распоряжался своим свободным временем. При привычке спокойно рассуждать над работой труд распределялся между органами умственной и физической жизни, следовательно, увеличивается поверхность отправления, и поэтому деятельность может продолжаться без перерыва, она не скоро утомляет. Кроме того, физический труд под влиянием умственной деятельности постоянно видоизменяется, и вместе с этим самые занятия переводятся от одних мышечных групп к другим, и таким образом мышцы не доводятся до утомления. Если ребенок *сам* распоряжается своими занятиями, то, утомившись умственным трудом, он непременно перейдет к физическому, и обратно. Непосильный умственный или физический труд потребует от него большого напряжения, поэтому он скоро утомится и перейдет к другой работе. Если

ребенок, предоставленный себе, бездействует, то это указывает на его пониженную впечатлительность и апатию, которые составляют последствия бывших сильных возбуждений и раздражений. Лень ребенка будет во всяком случае результатом пониженной впечатлительности, апатии или утомления, следовательно, всегда будет следствием угнетающих его условий; при нормальных условиях проявление лени у ребенка немыслимо. Непомерное количество занятий, несоответствие требований с уровнем развития ребенка — все это требует слишком большого напряжения его сил и приводит к скорому утомлению, а продолжительное утомление — к истощению и изнурению, или к избытку траты вещества сравнительно с накоплением. При обычных занятиях нет нужды хлопотать о том, чтобы вызвать у ребенка интерес и занятиям различными прибавочными возбуждениями; это даже вредно для него, так как приучает его к лишним раздражениям; необходимо только не принуждать его к однородной и продолжительной деятельности, которая утомит, угнетет и усыпит его. Если занятия при нормальных условиях скучны ребенку, то это значит, что они его утомляют. Следовательно, чтобы не забивать ребенка занятиями, необходимо видоизменять его деятельность и постепенно и последовательно увеличивать ее; иначе являются скука, вялость, апатия, лень как неминуемые последствия непомерных или однообразных требований.

В закрытых учебных заведениях весь день ребенка регламентирован; в его распоряжении никогда не остается более одного или полутора часов в продолжение всего дня, все остальное время у него распределено по табели. Даже играть или поговорить с товарищами он должен в определенное время; спокойно рассуждать и обдумывать свои действия и появляющиеся у него вопросы он совершенно не имеет времени. Разве удивительно, что при таких условиях у него являются безобразные и даже дикие поступки, что он привыкает вяло и апатично относиться к своему делу и постоянно уходить и уклоняться от него. Необходимость постоянно усиливать применяемые меры все более и более озлобляет его против его преследователей, а встречающиеся несправедливости и неисполнение данных обещаний делают его подозрительным и недоверчивым (. ..)

Мальчик был отдан в закрытое заведение в городе, в котором у него не было ни одного родственника или знакомого. Родители присылали ему на гостинцы ежемесячно несколько карманных денег, которые выдавались ему по праздникам, при отпуске его для прогулки по городу. Воспитатель вздумал воспользоваться и этим обстоятельством для применения его в виде наказания. За проступки ребенка (12 лет) он лишил его прогулки в воскресный день и не выдавал ему денег; таким образом мальчик лишен был своего единственного удовольствия в продолжение трех недель. Он видел, как товарищи возвращались из отпуска, принося с собою лакомства, и слышал их рассказы о приятно проведенном на свободе времени; все это так подействовало на него, что он выбрал удобный момент, вскрыл ящик, где лежали лакомства одного из товарищей, и присвоил их себе. Он не съел их украдкой, а пошел показывать их другим товарищам,

говоря им, что и он имеет лакомства, чем, конечно, сейчас же себя и выдал. Название «вор» и карцер за «кражу со взломом» были последствиями такого поступка. Выпущенный после недельного сидения в карцере и опять лишенный воскресного отпуска и денег, он вторично вскрыл ящик и взял лакомства своего товарища, принесенные последним из дому. Родителям мальчика было предложено или телесное наказание, или исключение из заведения, или перевод в бездушнейшее исправительное заведение. Можно ли придумать какое-либо более черствое, произвольное и несправедливое отношение к ребенку, чем это было в данном случае? Вся жизнь ребенка испорчена бесчеловечным обращением воспитателя.

Шестилетний деревенский мальчик купался со своим товарищем и, балуясь, сел на него верхом; тот стал барахтаться и тонуть; первый принял это за шутку и потому не сходил с него до тех пор, пока, действительно, не убедился в том, что тот тонет. Спасти его оказалось уже поздно, и с этих пор этот мальчик прослыл в деревне за «убийцу». Это прозвище отделило его от всего юного поколения деревни. Понятно, какое сильное угнетающее влияние должно иметь такое явление, какой глубокий отпечаток оно должно оставить на всю жизнь. Чем сильнее угнетать человека, чем более его преследовать, тем более проявляются все вышеприведенные качества, тем апатичнее, вялее и озлобленнее он становится. Выход из такого положения он находит только либо в грубом и сильном возбуждении наркотическими или другими одуряющими средствами, либо в погоне за сильными- ощущениями. Мнение, что битого необходимо бить, иначе трудно на него подействовать, положительно неверно «...»

Приучившись отвечать только на сильные впечатления, молодой человек злостно-забитого типа выбирает и развлечения, отличающиеся самыми резкими формами. У него ценится тот, кто в состоянии выпить огромное количество крепких напитков, кто может сильнее затянуться табаком, выдержать самые страшные пытки и истязания, съесть огромное количество, в особенности труднопереваримой пищи, обобрать огород, фруктовый сад, кладовую, вообще — выкинуть из ряда выходящую шутку, соединенную с сильным ощущением. Ценность лица увеличивается тем более, чем более поразит сам поступок. Несмотря на то что между товарищами ценятся честность и вообще нравственные качества, тем не менее крайние проявления, совершенно несогласные с этими качествами, не только не отвергаются, но даже засчитываются в заслугу и возвышают совершившего такой поступок в мнении товарищей. Все это указывает на .степень апатии и потребность в сильных ощущениях, которые дали бы возможность встрепенуться и выйти из гнетущего их состояния. Даже религиозность их выражается своеобразно

, в виде бесчисленного множества земных поклонов, словесного поста, т. е. решения во время поста не говорить с товарищами ни единого слова, не произносить ни единого звука, иногда же в виде резких действий противоположного свойства.

Понятно, что нежность и ласки при таких условиях не допускаются. Вернее, по-видимому, и надежнее другой способ — *это справедливое, внимательное и простое отношение*, причем ребенку мало-помалу предоставляется более самостоятельности и свободы. Если сначала и могут являться безобразные действия, то при последовательном возбуждении его к умственной работе эти явления исчезнут скорее, чем при каких-либо других условиях. Не следует ни в каком случае действовать нежными словами и внешней лаской: они вызовут только подозрение со всеми его последствиями. Трудно себе представить такого злостно-забитого человека, на которого не подействовало бы правдивое, простое и справедливое обращение. Наблюдение показывает, что это самое сильное орудие, которое только возможно применять в таких случаях, но к которому, к сожалению, редко прибегают.

У ребенка злостно-забитого типа часто наблюдается своеобразное отношение как к некоторым детям, так и к животным. Это замечается в особенности в отношениях к детям, страдающим какими-нибудь недостатками, уродливостями, служащим посмешищем для других или подвергающимся каким-либо преследованиям или несправедливостям. К ним он особенно внимателен, угождает и исполняет все их желания, делится всем, что имеет, отдавая им всегда лучший кусок, укрывает их от всяких невзгод и защищает, насколько он в силах это сделать. Его предупредительность и внимательность в таких случаях действительно поразительны, он охотно исполняет даже прихоти своих приятелей. То же самое замечается и по отношению к животным: он избирает при этом обыкновенно грязных, кудластых, часто паршивых дворняжек, всеми изгоняемых и преследуемых, делит с ними свою трапезу, никогда ничего не пожалеет, охотно им подстилает даже свою одежду и разделяет с ними свое ложе. Все это только показывает, насколько он знаком с различными страданиями, недостатками и насмешками и насколько у него еще сохранились душевные его качества. Как в приведенных случаях, так точно и тогда, когда признают на деле его человеческие права и достоинства, он совершенно изменяется и настолько привязывается к другому лицу, со стороны которого он встречает такое признание, что становится его покорным слугой и даже полным рабом и исполняет все обращенные к нему требования и желания. Все его стремления и действия направляются тогда к исполнению всех требований его кумира, от которого он все готов перенести и которому готов во всем повиноваться. Эти черты злостно-забитого ребенка очень типичны, они всего рельефнее указывают, насколько такой ребенок дорожит признанием его личности и справедливым к нему отношением; как он умеет оценивать страдания других, терпящих вследствие различных нужд, природных недостатков или произвола окружающих лиц. Между тем часто полагают, что ребенок не понимает значения личных к нему отношений, что у него нет еще понятия о лице и личной его неприкосновенности. Родители обыкновенно думают, что их дети составляют их собственность, что они должны быть безличны и находиться в полной зависимости от их требований и действий. С такими грубыми воззрениями, понятно,

никак нельзя согласиться, потому что чем раньше у ребенка пробуждается понятие о своей личной неприкосновенности и о своих человеческих правах, тем более он приучается дорожить ими и ценить эти права у других; но такие понятия могут у него сложиться не из слов, а исключительно из действий и обращения с ним, они слагаются не по слову, а только по делу(...)

Если раньше, при разборе лицемерного типа, выяснились последствия лжи и отсутствия умственной работы, при разборе честлюбивого типа — значение однородного всеподавляющего чувствования и эгоизма и в добродушном типе — влияние правды, рассуждения, подчинения и сообразования личных требований с нуждами и требованиями других, то при знакомстве с настоящим типом всего сильнее выступает значение несправедливости и произвола при воспитании, связанных с угнетением и оскорблением человеческого достоинства ребенка. Любовь, основанная на идее правды, возвышает человека и заставляет уважать его, без чего немыслимо развитие истинных, человеческих качеств и достоинств; поэтому-то самый главный и существенный агент при воспитании — это искренняя, неподдельная и глубокая любовь, могущество которой во всей его полноте выступает еще резче и яснее при знакомстве со злостно-забитым типом, так как он развивается именно при полном отсутствии любви.

Рассматривая злостно-забитый тип, можно заметить в основании его проявлений одну черту, общую с честлюбивым типом, а именно возбуждение различных чувствований как в одном, так и в другом случае. В первом случае возбуждается чувство оскорбления, в последнем — чувство первенства, превосходства или даже величия. Возбуждение всякого рода чувствований, причем ощущение растет пропорционально логарифму раздражения, неминуемо ведет к соответственной степени угнетения, за которой уже следует апатия.

Однако ж, несмотря на это сходство, они отличаются друг от друга, во-первых, тем, что к чувствованию оскорбления в первом случае часто прибавляется еще и механическое раздражение, увеличивающее эффект, чего в последнем случае нет; во-вторых, в первом случае возбуждение, вызываемое применяемыми мерами, доставляет не удовольствие, а страдание и заставляет, насколько возможно, бежать от него к таким же сильно возбуждающим удовольствиям; в последнем же случае, наоборот, возбуждение действует приятно и потому сильно привлекает к себе; в-третьих, причина, вызывающая возбуждение в первом случае, действует обыкновенно грубо, резко, а потому сильнее влияет; в последнем же случае влияние ее отличается большей мягкостью и большей постепенностью; в-четвертых, возбуждение в последнем случае несколько поддерживается еще воспоминанием и потому понижается постепенно, между тем как в первом случае воспоминание о неприятном возбуждении настойчиво изгоняется, и потому угнетение и апатия наступают резче и сильнее, отчего оставляют более глубокий след; наконец, в-пятых, первый старается всеми силами выйти из апатичного состояния, что и проявляется у него резкими, грубыми движениями и действиями, между

тем как последний стремится только к тому, чтобы преодолеть препятствия к достижению своих честолюбивых замыслов. Сумма всех этих различий приводит к тому, что проявления злостного типа отличаются большей резкостью и грубостью; он чаще ленив, циничен во всех своих действиях и развлечениях. Честолюбец же прилежен, он, скорее, эстетик...

Подобно тому как проявления радости и горя, смех и плач в крайних своих степенях сливаются, совершенно теряя отличительные черты, точно так же исчезают мало-помалу и различия между этими двумя типами в их крайних проявлениях: оба они встречаются на водке и преступлении; в последнем случае один из личной цели стремится покорить весь мир, другой стремится уничтожить его за нанесенные ему оскорбления и страдания.

УГНЕТЕННЫЙ ТИП

Ребенок угнетенного типа появляется в школе обыкновенно бледным, слабым и отличается всегда своим тихим и смирным нравом. Лицо его серьезно, озабочено, как будто он постоянно отыскивает работу или занимается ею. Он во всех отношениях отличается своей замечательной скромностью, что и составляет один из самых характеристических его признаков. Такой ребенок, кроме того, весьма трудолюбив; он постоянно чем-либо занят и всегда вполне сосредоточен над своим делом. Он отдаляется от своих товарищей, отыскивает себе более спокойный уголок, чтобы наедине воспользоваться временем для своих работ. Он никогда не выходит вперед, а всегда остается позади, в последних рядах, и внимательно следит за всеми происходящими в классе занятиями. В играх и развлечениях товарищей он обыкновенно не принимает никакого участия; так же скромно выражает свою радость, как подавляет свое горе; он не легко плачет и не выражает своей скорби различными внешними проявлениями. Всякая похвала и отличие его очень стесняют и заставляют спрятаться, уйти.

При разговоре даже с чужим для него лицом он всегда просто и прямо смотрит в глаза, отличается большой искренностью и откровенностью, всегда везде видит свои недостатки и неумение и во всех неудачах обвиняет себя. Ласки он положительно не терпит и всегда удаляется от нее; внешних проявлений и движений вообще у него очень мало, а украшений — никогда никаких. Себя он ни в каком случае не жалеет; никогда не останавливается перед препятствиями, если только можно преодолеть их трудом. Стойкость и настойчивость его громадны; лишения, бедность, страдание, нужда никогда его не остановят, так как он может ограничить свои требования до самых крайних пределов.

К товарищам и окружающим он всегда относится мягко и нетребовательно, теоретически защищает их перед другими и старается объяснить их действия и поступки в лучшую сторону. Конечно, он надежный товарищ, никогда не

выдает и спокойно подвергается при этом всякому преследованию и несправедливости. От оскорблений он молча уйдет. К страждущим и оскорбленным он относится с участием и готов просиживать около них целые дни и ночи, не жалея себя и забывая о "собственных своих нуждах и лишениях. Все для себя необходимое он в состоянии сделать сам, никогда не унывая в случае неудачи, напротив, стараясь отыскать ее причину и удвоенными усилиями преодолеть ее. За своими занятиями он следит с большим вниманием и всегда исполняет все обращенные к нему требования и старательно выучивает все заданные уроки. Обыкновенно религиозность такого ребенка очень искренна и глубока, а также нравственные его понятия о добре и зле очень тверды и основаны на глубокой вере. Он никогда не жалуется на нужды и лишения; о них он даже избегает говорить, так что часто только болезнь или непосредственное наблюдение может указать на крайне неблагоприятные условия его существования. Боль и страдания он переносит стойко, не выказывая их никакими резкими движениями или жалобами; напротив того, он старается уверить окружающих, что его страдания не сильны и не имеют никакого значения. Выносливость его относительно физических страданий к лишениям так же велика, как его скромность. Все свои растительные потребности он может довести до крайне малых пределов и удовлетворяться, например, очень скромными количествами пищи и питья. Не находя обыкновенно у себя никаких талантов и способностей, он часто отказывается от занятий, требующих инициативы и самостоятельности, не всегда и не скоро решаясь на новое для него дело, в особенности если оно требует некоторой самоуверенности и предприимчивости; но, раз решившись, твердо преследует свою цель и не останавливается перед затруднениями, которые может преодолеть трудом и лишениями.

В школе он всегда очень внимательно следит за объяснениями и рассказами преподавателя и очень тщательно исполняет все требования; однако когда он не вполне уверен в своих знаниях, то прямо заявляет, что не знает, и потому иногда навлекает на себя неудовольствие преподавателя.

Он отличается всегда своей спокойной наблюдательностью и опытностью, которые и служат главными основаниями его действий. Эгоистических проявлений у него не существует; он всегда мягко и внимательно относится к другим, никогда не унижаясь перед ними, но никогда и не оскорбляя их и даже уходя или убегая от оскорби.

Он с благодарностью относится ко всякой оказанной ему услуге и всеми мерами старается отплатить за нее с лихвой. Он всегда очень стесняется при обращении к другим, в особенности если это вызвано личными требованиями или нуждой, причем сам аттестует себя всегда с невыгодной стороны, указывая на свою неспособность и неумелость. Музыкой, пением, живописью и вообще эстетическими занятиями он не так заинтересован; ими он занимается редко, точно так же как и поэтическими произведениями. Скромность, трудолюбие и стойкость его в своих решениях всегда остаются характеристическими его качествами; они у него не изменяются и в школе. Материальный расчет или личная

выгода никогда не ложится в основание его действий; он им всегда чужд, несмотря даже на крайнюю нужду и лишения, которые он часто терпит. Согрешить против этого он может разве только по ошибке, так как им руководит все-таки не отвлеченная идея. Он всегда отличается правдивым и строгим исполнением своих обязанностей, а также простым, откровенным и искренним отношением к другим. Он трудно и не скоро дружится, но в случае дружбы он строго и свято... соблюдает товарищество; он не является, однако ж, внешне сильным, активным защитником интересов своих друзей, точно также как и не бывает открытым и горячим защитником страждущих и оскорбленных; в крайнем случае он скажет грубо и уйдет, потому что его участие всегда мирное, деловое. У него нет достаточно самоуверенности и бойкости, чтобы выступить открыто и внешне горячо, но его участие всегда глубоко в отношении чувствования, постоянно и неизменно. Он твердый друг и товарищ, никогда не оставляет близкого человека и готов добровольно терпеть с ним крайнюю нужду и лишения. Все эти явления могут быть как у девочки, так и у мальчика; в своих основаниях проявления у них будут совершенно одинаковы.

В жизни он не изменяется, а остается верен себе. Он здесь не является слепым исполнителем и немым тружеником, а напротив, наблюдательность и опытность его, развиваясь все более, позволяют ему всегда видоизменить свою деятельность и быть часто опытным творцом. Не доверяя сам добытым им результатам и постоянно умаляя их значение, он не заявляет о них публично и часто дает лицемеру или честолюбцу случай ими воспользоваться. Он вообще низко ценит свой труд и иногда просто ставит его ни во что. Правдивость никогда не позволяет ему быть слепым орудием других и подчиняться их требованиям; такое подчинение может быть только в отношении его личных интересов, но не нравственных качеств, которые у него неподкупны и тверды. Нередко приходится видеть, что молодые люди этого типа, студенты и слушательницы, имея на все свои расходы и нужды по 10—15 руб. в месяц, уже не жалуются на нужду и недостаток, а находят свое положение хорошим. Если средства их случайно увеличиваются, то они не будут улучшать раньше всего свою житейскую обстановку, а непременно приобретут лишнюю книгу, микроскоп или какое-либо вспомогательное средство для своего учения или же поделятся с домашними, к которым они всегда очень привязаны.

Часто непосильный труд и нужда скоро сказываются: жизнь в углах и различных дешевых помещениях, питание впроголодь в различных благотворительных учреждениях, где нередко благотворительствуют во вред пригреваемым и в пользу призревающих,— все это неминуемо приводит к страданию, к медленной, изнурительной болезни, которая заставляет этих людей искать приюта в больнице, где они часто и погибают.

Развитию этого типа в чистом виде содействуют любящая, мягкая трудящаяся мать или другие близкие, живущие в постоянной нужде и недостатках; эти-то лишения и являются здесь угнетающими моментами. Сюда относятся, следовательно, все условия, требующие постоянной борьбы с экономическими затруднениями и приучающие

преодолевать их трудом и настойчивостью. Этот тип развивается в бедной семье, в которой добрые и трудолюбивые родители все делят со своими детьми и всегда отдают им лучшую часть, но эта часть почти никогда не удовлетворяет их самых скромных потребностей. Ребенок привык постоянно видеть перед собою нужду и недостаток своих родителей и лиц, с которыми он близко связан, к которым приучился относиться искренно и с любовью. Он знает и достаточно убедился на деле, что ему дают и уделяют все возможное; он видел, как часто дорогие ему люди остаются сами без всего и как вся- жизнь их проходит в труде и лишениях. Никогда ему не приходилось слышать их жалоб и выражения недовольства своей участью, они терпят молча, весь свой досуг они отдают ребенку, охотно с ним беседуют и внимательно относятся ко всем его требованиям, удовлетворяя их по мере сил и возможности. Он привыкает видеть в труде и лишениях явления обычные, нормальные. Он видел, как дома копили и собирали гроши, чтобы отправить его в школу или дать возможность доехать до места, где он может продолжать свое образование или познакомиться с известным ремеслом или искусством. Он не тревожится о том, как ему там придется жить, хотя и не надеется на гроши, которые могли бы ему прислать из дому; он даже, скорее, не желает их получать, зная, каким лишениям через это подвергаются самые дорогие ему лица. Он надеется только на работу и на свое умение справляться с нуждой. Вот главные условия для развития чистого угнетенного типа.

В этом случае нет применения каких-либо оскорбляющих ребенка мер; он видит во всех неблагоприятных обстоятельствах какую-то неотразимую необходимость, которой и покоряется. Не чистый, а скорее переходный тип появляется в том случае, если отец или мать требует безусловного исполнения всех своих распоряжений и не допускает никакого отступления от своих требований; в этом случае он все-таки находит или в матери, или в отце или в няне, или в ком-либо из окружающих (доброжелательного) любящего человека, с которым иногда даже тайком, как говорится, отводит свою душу. В этом лице он все же находит справедливого оценщика своих действий, с ним он делится своими впечатлениями и проверяет свои наблюдения и чувствования. Но здесь все же существует применение строгих мер со стороны сурового владыки семьи в случае неповиновения его требованиям, и если из ребенка не развивается при этом злостно-забитый тип, то только потому, что силу любящего человека преодолеть нельзя: она смягчает и парализует влияние произвольных мер. Нет нужды, чтобы последние выражались непременно телесным наказанием; достаточно действовать холодной требовательностью, назойливостью и безотчетным произволом. Понятно, что здесь говорится только об условиях, влияющих в семье, так как чем моложе ребенок, тем резче и сильнее влияние окружающих условий, тем сильнее и глубже действует доброе и любящее влияние и тем сильнее оно будет проявляться в течение всей жизни. При одновременном влиянии, следовательно, строгой требовательности и произвола, с одной стороны, и любящего отношения, с другой, с самых первых периодов жизни ребенка может развиваться этот другой вид угнетенного типа: у

него легко являются резкость в действиях и подозрительность — качества, не принадлежащие чистому угнетенному типу, но составляющие уже последствия примененных мер.

Рассмотрим теперь связь между приведенными явлениями угнетенного типа и причинами, содействующими развитию этих явлений. К самым выдающимся из них принадлежат: скромность, трудолюбие и стойкость, развившиеся под влиянием борьбы с угнетающими внешними условиями жизни при благоприятной нравственной обстановке. Если проследить за ходом развития ребенка угнетенного типа, то нельзя не заметить у него отсутствия собственно детского возраста; он как будто рано возмужал под влиянием суровой действительности, которая его окружала. Он является в школу с такой привычкой к труду, что даже избегает здесь развлечений своих товарищей, посвящая все свободное время учебным занятиям или какой-либо другой работе. Привычка к труду, усвоенная первоначально имитационно, потому что кругом все трудятся, становится затем как бы физиологической потребностью. С первого момента своей сознательной жизни ребенок видел, как близкие и любимые им люди без ропота и жалоб заботятся и работают для добывания необходимых средств. Он никогда не слышит от них выражения неудовольствия, а только иногда подмечает заботливое выражение на лице матери; видит, как часто она обделяет себя, чтобы только удовлетворить его потребности и, сколько возможно, избавить от нужды.. Такое отношение заставляет ребенка внимательнее присматриваться ко всем действиям окружающих и больше подмечать то, о чем не говорят, но что бывает на деле. Он замечает, как иногда ему отдают последнее, безропотно оставаясь без необходимого.

При этом он много остается наедине; окружающие его не свободны; они находятся при деле и потому не могут предупредить всех случайностей и не в состоянии всегда устранить их неблагоприятные действия, так что он сам научается избегать их, узнавая из опыта их последствия. Все эти условия содействуют развитию наблюдательности ребенка и увеличивают его опытность, приобретенную им при ранней встрече с суровой действительностью.

Привязанность и любовь окружающих составляют необходимое условие развития этого типа, иначе непременно явится забитый тип. Только при этих условиях ребенок внимательно будет присматриваться и следить за всеми действиями своих близких и воспринимать их, а также замечать те лишения, которые его мать часто безмолвно терпит, отказываясь иногда в его пользу от удовлетворения самых существенных своих потребностей. Подмечая такой именно способ действия матери, ребенок привязывается к ней не внешней лаской и нежностью, а на основании замеченных им действий, указывающих на то внимание и участие, с которым к нему относятся. Все это содействует той внимательности и деликатности в отношениях такого ребенка, которыми он отличается; такое явление замечается еще только у добродушного ребенка, у всех же остальных его нет: все они эгоисты, знают только свою личную выгоду и никогда не заметят нужды и требований другого. Внешние ласки и нежности приводят к ложным и лицемерным отношениям к

матери и вообще к людям, между тем как отсутствие их и правдивое, внимательное и теплое отношение, а главное, преимущество, даваемое на деле интересам любимого лица перед своими, всегда всего сильнее сближают и связывают людей между собой.

Ребенок постоянно видит, сколько труда стоит окружающим добыть необходимое; он на опыте убедился в том участии, с которым к нему относятся; поэтому он непременно постарается помочь и этим по возможности облегчить труд и заботы матери. Он этим как будто отвечает на то внимательное и деликатное отношение, которое раньше подметил и которое уже научился ценить. Уже с ранних лет он таким образом приучается к труду; результат этого труда не велик, да он ему и не придает никакого значения; он вполне счастлив, если заметит, что хоть несколько облегчил труд матери или чем-либо содействовал при исполнении известной работы.

Серьезность, с которой ребенок действует в таких случаях, замечательна: он обыкновенно готов взяться за всякую, подчас даже очень трудную задачу, поэтому он часто терпит неудачи. Это, однако, не останавливает его; он только с большей настойчивостью стремится добиться известной цели и исполнить начатое. Таким образом развиваются его трудолюбие и настойчивость при работе; частые же неудачи делают его неуверенным в своих силах, а незначительный эффект добытого им результата при трудности для него работы и перенесенных неудачах приучает его чрезвычайно скромно относиться к своим силам. Вместе с этим он убеждается, что настойчивым трудом все же можно преодолеть различные препятствия, с которыми приходится встречаться, и часто исправить неудачи. Все эти условия содействуют, следовательно, развитию того трудолюбия, той скромности и деликатности, а также стойкости, какими отличается ребенок угнетенного типа и которые составляют последствия его наблюдательности и опытности...)

Угнетенный тип нам показывает, как первоначально имитационный, затем привычный труд может сделаться физиологической потребностью, но все же он не будет содействовать широкому умственному развитию. Ребенок этого типа не приучается спокойно, без внешнего вмешательства наблюдать за разнообразными явлениями жизни и рассуждать над ними; и тех размышлений, которые появляются у него, он не сменяет веселой игрой, простыми развлечениями и свободными проявлениями своих желаний и действий; напротив, его рано угнетают те сильные, постоянные и неотразимые условия, которые молчаливо переносятся любимыми им людьми и которым он также молча покоряется, не решаясь проявлять своих желаний или предаваться каким-либо развлечениям или играм. У любимых им людей нет времени и возможности решать или содействовать разрешению всех появляющихся у него вопросов; они не могут поддерживать его рассуждений; они отдают ему лучшее из того, что имеют, но только не в состоянии удалить от него все угнетающие условия их жизни и создать такие, которые необходимы для более широкого умственного развития. Условия их жизни могут содействовать развитию трудолюбия, стойкости, скромности и деликатности; они

приучат наблюдать за явлениями и будут содействовать появлению опытности, но не выработают ни анализа, ни понимания явлений на основании отвлечения, ни широты взглядов, ни проявления самостоятельной творческой силы. На основании практического опыта может быть творчество, но только практическое, реальное, или, если так можно выразиться, «штучное», а не отвлеченное, идейное(...) Чем моложе ребенок, тем он подвижнее, тем чаще он должен переходить от одного занятия к другому, от одной работы к другой. Нежный организм его, в котором отдельные части основы еще разъединены прослойками образовательной ткани, богатой сосудами, не может подвергаться продолжительной или усиленной работе; от нее он непременно будет страдать(...) Здесь раньше всего необходима частая перемена в занятиях, постепенность и последовательность их, веселый, непринужденный нрав и отсутствие угнетения; плохие гигиенические условия, главным же образом отсутствие истинного детства, непременно содействуют хилости, частому заболеванию и ранней смертности, которая, сколько приходилось видеть, часто встречается у детей и вообще у людей угнетенного типа(..)

При характеристике ребенка угнетенного типа была уже указана в числе его резких особенностей стойкость в отношении своих решений, выносливость различных лишений, сдержанность в отношении чувствований (...) Ребенок этого типа приучается очень рано задерживать свои желания и реальные потребности, он привыкает удовлетворять этим потребностям в самой ограниченной степени и постоянно покоряться необходимости, не жалея при этом своих трудов и сил. То же самое является потом во всех психических и нравственных его качествах; он скромен во всех своих проявлениях, тратит очень много сил и не допускает, и не находит у себя никаких талантов и способностей; он сильно привязан и может сильно любить, удовлетворяясь при этом только вниманием и простыми отношениями. Он не жалеет сил и труда и терпит различные лишения, лишь бы только преодолеть известное препятствие, не употребляя никаких обходных путей и не облегчая себя при этом ложным действием; он правдив, откровенен и искренен во всех отношениях, никогда не отступает от объективной почвы и не облегчает себе пути пустой фразой, ложным видом, формой, речью или мыслью. Напротив, он обыкновенно тратит свой труд с избытком, между тем как знает его значение, потому что дорого ценит его у других при необходимости пользоваться последним. Он благодарен за малейшее внимание, оказанное лично ему, часто бережлив, но всегда готов поделиться своим достоянием и никогда не рассчитывает извлечь из своих услуг какую-либо выгоду. Он привык и умеет задерживать свои требования на основании своего опыта и наблюдения, которые объективно показывают ему все значение необходимости, так что у него наблюдаются собственно не волевые проявления, основанные на идее и отвлеченных истинах, а проявления, сдерживаемые на основании житейского опыта и знакомства с необходимостью. Вообще, ребенок этого типа отличается своей наблюдательностью и опытностью, но только постоянный труд препятствует ему задумываться над получаемыми

впечатлениями и сознательно переходить от них к отвлеченным понятиям; они усваиваются только памятью и остаются у него как будто в виде одних реальных образов, не освещенных разносторонней критикой. Условия, при которых он живет, заставляют его внимательно относиться к окружающим его влияниям, следить за ними и внешне усваивать их себе; постоянная встреча с действительностью делает его опытным, но недостаточная постепенность этого явления, резкость и случайность его, невозможность всегда выяснить себе причинную связь явлений и проверить свои рассуждения в разумной беседе с другим лицом, наконец, часто необходимость быстрого действия — все это уменьшает у него возможность относиться к своему опыту с достаточным анализом и усвоить себе все его значение.

Самое характерное различие между угнетенным и добродушным типом составляет недостаток отвлечения и привычки к спокойному рассуждению над явлениями у первого; усвоение им знаний, впечатлений и представлений более, чем понятий, а вследствие этого недостаток в инициативе и самостоятельности, в умении обобщать и отвлеченно мыслить. Человек добродушного типа всегда идеалист, во всех своих действиях и рассуждениях, чего нельзя сказать о человеке угнетенного типа; последний, напротив, реалист, вполне владеющий своими чувствованиями и руководящийся в действиях своей наблюдательностью и опытностью. Доброе, мягкое отношение лиц последнего типа к окружающим и товарищам составляет также следствие его опытности: он хорошо знаком с неудачами, всякими лишениями и страданиями; хотя он и переносит все это молча, но, увидав что-либо подобное у другого, он всегда готов, не жалея себя и как бы забывая о себе, отдать все, чтобы только облегчить участь или помочь страждущему и оскорбленному. Объективная, неувлекающаяся натура его заставляет его быть всегда справедливым и правдивым и искать себе утешения в искренней и глубокой вере. Искренно веруя сам, он всегда очень осторожен и терпим в отношении других, стараясь предупредить и избежать всего, что может оскорбить или даже неприятно повлиять на духовные и нравственные убеждения других. Не допуская у себя никаких способностей и талантов, он скромно держится в стороне, иногда даже стесняется других и избегает или уходит от оскорбителей. Зная из опыта, как часто ошибаются в людях, и привыкши быть всегда правдивым, непосредственным, участливым и искренним в своих делах и мыслях, он всегда старается объяснить действия и поступки других в лучшую сторону, опасаясь ошибок и недоразумений или неточности сообщаемых сведений.

При разборе мягко-забитого типа говорилось, что у лиц этого типа, так же как и у лицемеров, замечается самоуверенность, доходящая часто до нахальства, в особенности у последних. Это явление было объяснено легким отношением к делу и незнакомством с трудовой жизнью, с трудностью умственной работы, приводящей к пониманию явлений. При знакомстве с лицами угнетенного типа вполне подтверждается это мнение, или, по крайней мере, наблюдаются явления, согласные с этими объяснениями. Такие лица хорошо знакомы с трудом и терпели немало

неудач; поэтому они твердо знают, как трудно усваиваются знания, которые лежат в основании их действий, постоянно опасаются ошибок и не уверены в основательности своих знаний или в точности и верности предполагаемого или ожидаемого результата. Обыкновенно замечается, что при недостатке отвлечения и опытности чем меньше знаний и в особенности понимания), тем больше самоуверенности и даже нахальства, и наоборот; это вполне подтверждается при изучении лиц мягко-забитого и в особенности лицемерного типа.

Знакомство с угнетенным типом и выяснение причинной связи замечаемых у него явлений показывают все значение непосильного раннего труда как в умственном) так и в физическом отношении. При этом обыкновенно смешивают влияние труда на взрослого со значением его для ребенка, что далеко не одно и то же; влияние это будет настолько различно, насколько различны организация и постройка организма взрослого и ребенка. Как психические, так и механические влияния всегда очень сильно действуют на организм ребенка, и тем сильнее, чем он моложе. Всякое сильное влияние непременно понижает энергию тканей, на которые оно действует, что неминуемо ведет к ослаблению их отправлений, к апатии и раньше всего к понижению самостоятельной деятельности человека. Угнетающее влияние лишений и непосильного труда непременно должно неблагоприятно действовать на молодой, нежный организм и при постоянстве этих влияний неминуемо должно привести к страданиям, что чрезвычайно часто и замечается у лиц этого типа. Мертвенная бледность и все последствия истощения и изнурения часто наблюдаются у них, и только терпение, выносливость и привычка к лишениям заставляют их молчаливо страдать и часто даже отрицать у себя всякие страдания.

Этим заканчивается разбор тех выдающихся типов, которые обыкновенно уже достаточно резко выражены при появлении детей в школе и составляют, стало быть, главным образом, результат семейного воспитания или следствие тех условий, при которых ребенок провел свою дошкольную жизнь. Необходимо твердо помнить, что здесь говорится только о школьном возрасте и что каждый тип составляет только отвлеченный образ, не принадлежащий одному лицу, а появляющийся под влиянием известных, определенных причин и составляющий неминуемое их последствие.

Приведенные типы прямо можно связать со степенью умственного и нравственного развития ребенка в семье. Лицемерный тип отличается, главным образом, внешними своими проявлениями; он видоизменяется и приспособляет свою внешность и все свои действия к условиям, при которых он живет и при которых ему приходится действовать. Проявления его настолько внешни, что, по-видимому, они будут по существу преимущественно рефлекторно-опытные и отчасти подражательные. Внешние проявления, основанные на непосредственном удовлетворении животных потребностей, на материальной выгоде и подражании, указывают, несомненно, на слабое умственное развитие и на недостаток нравственных оснований. Тип ребенка, следовательно, находится в прямой зависимости от степени

умственного и нравственного его развития; это — главная мысль, которая лежит в основании всех приведенных наблюдений и их теоретических объяснений. Поэтому описанные здесь типы не произвольны и не случайны, но соответствуют различным степеням умственного и нравственного развития ребенка, причем первая степень, с малосознательными отраженно-опытными проявлениями, соответствует лицемерному и мягко-забитому типам. Вторая степень, с развитием подражательно-рассудочных проявлений и односторонних чувствований, соответствует честолюбивому и злостно-забитому типам, и наконец, третья степень, с разумно-самостоятельными проявлениями, выраженными либо в виде рассуждений, либо в виде физического труда, соответствует добродушному и угнетенному типам. Правдивость является главным характеристическим признаком ребенка этих последних типов. Эти три степени развития соответствуют степеням развития органов отраженно (рефлекторно)-опытной умственной деятельности, подражательно-рассудочной деятельности, выражаемой желанием или хотением, или органов наглядного восприятия и действия, и органов разумно-самостоятельной, или волевой, деятельности. Органов, промежуточных между ними, нет, поэтому всевозможные видоизменения в их развитии и проявлении могут быть только в этих, а не в каких-либо других промежуточных органах. Ясно, что и основных типов может быть поэтому только три. Условия, задерживающие умственное развитие, а также применение различных мер, понижающих впечатлительность, содействуют появлению типов, описанных под названиями мягко-забитого, или заласканного, злостно-забитого и угнетенного; опять же и здесь нет ни случайности, ни произвола при описании. Здесь могут быть ошибки в наблюдении и в особенности в выяснении, но одно верно: все типичные явления, замечаемые у ребенка в школе, составляют неминуемое и неотразимое последствие условий, при которых он жил в дошкольном периоде... Выясняя себе основную идею постройки человеческого организма и его отправления, твердо и неопровержимо убеждаемся в неминуемости определенных последствий при действии известных причин. Изучение анатомии положительно показывает существующую здесь причинную связь... Описанные типы составляют не что другое, как отвлеченные образы тех частных форм или проявлений, с которыми дети появляются в школе; понятно, какое важное значение для воспитателя получают эти формы и проявления, когда он выяснит себе значение их и ту идею, которая лежит в основании этих форм и проявлений и которую они осуществляют. Рядом приведенных типов желательно только выяснить значение лжи со всеми ее видоизменениями в лицемерном типе, чувствования первенства или величия — в честолюбивом, правды — в добродушном и гнета — во всех остальных типах, а также по возможности проследить за причинами, послужившими основанием для развития этих чувствований и идей. Понятно, что это только антропологический этюд, который может служить основанием для выяснения метода наблюдений за ребенком и установления причинной связи замечаемых у него явлений. Только на основании выяснения этой причинной связи возможно перейти с почвы произвола к собиранию

научных истин и к основанным на них объективным действиям.

Только на идеях и истинах можно сойтись и основать свои действия; их, следовательно, и необходимо раньше всего разработать, а затем уже говорить о науке, о воспитании.

ОСНОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ РЕБЕНКА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

При выяснении нормального типа необходимо изменить метод изложения, которого приходилось держаться при описании «школьных типов». Там было уже нечто готовое, так или иначе сложившееся, так что приходилось только выяснять, по возможности, причины замеченных явлений и приводить их в связь между собой. Нормальный же тип не представляется в виде реального объекта для наблюдения; пока он может быть создан только в идеале. Проявления этого типа, его существенные признаки должны предстать пред нами в виде окончательного вывода из изучения условий, при которых возможно нормальное развитие ребенка, подразумевая под этим полное соответствие между физическим, умственным и нравственным развитием лица во время семейной его жизни. Впоследствии придется коснуться и влияния наследственной передачи, и условий утробной жизни и затем с момента появления ребенка на свет проследить шаг за шагом все анатомо-физиологические изменения, происходящие в его организме, и их отклонение от нормы, чтобы показать, какие явления роста и развития следует считать желательными для того, чтобы ребенок мог появиться в школе в виде цельного нормального типа. Здесь также придется коснуться природы индивидуальных особенностей организации, от которых зависят как физические качества человека, так и все физиологические и душевные его проявления. В настоящем разборе будут, следовательно, изложены те данные, с помощью которых имеется в виду облегчить главную и существенную задачу воспитания: поставить ребенка в условия, при которых он мог бы свободно и гармонически развиваться как физически, так и умственно и нравственно. Намеченная задача, без сомнения, очень трудна, поэтому необходимо сойти здесь с исключительно личной точки зрения и собрать возможно больше материала, чтобы на объективной, научной почве выяснить значение всех условий для роста и развития ребенка.

Раньше всего необходимо выяснить, что называть темпераментом, типом, характером ребенка и какие его свойства могут быть названы наследственными. Термины эти требуют самого строгого определения, иначе трудно справиться с тем хаосом, с которым в этом отношении приходится встречаться в педагогической литературе. Темперамент и характер, например, принимают за одно и то же; так, Ушинский говорит как о желчном темпераменте, так и о желчном

характере¹. Тип от темперамента и характера также не отличают, хотя с научной точки зрения навряд ли это будет выгодно. Разберем все эти термины и выражения по очереди.

ТЕМПЕРАМЕНТ

Темпераментом можно назвать степень действий и чувствований, проявляемых отдельным лицом, и распределение этого проявления по времени, т. е. силу и быстроту проявлений действий и чувствований, а также силу и быстроту развития желаний отдельного лица. Можно еще определить темперамент и таким образом, что это будет степень возбудимости организма от внешних и внутренних стимулов и продолжительность его реакции на последовавшее возбуждение. Темперамент необходимо отличать от характера, зависящего исключительно от отношения волевых отправлений к ощущениям и чувствованиям. Необходимо отличать темперамент и от типа, зависящего от степени умственного развития, и в особенности от его отношения к правде. Например, нельзя говорить о типе или характере новорожденного, а можно определить его темперамент. Ребенок школьного возраста добродушного типа может быть флегматиком, но такой ребенок может быть и всякого другого темперамента. То же самое можно сказать и о лице всякого другого типа. Взрослый может быть твердого и слабого характера независимо от его темперамента.

Если придерживаться данного сейчас определения темперамента, то главными признаками являются сила и быстрота действия и чувствований; эти признаки и должны ложиться в основание разделения, тем более что им будет соответствовать древнее разделение на четыре темперамента, как это видно из деления Вундта. Характеристика этих главных видов темперамента будет основываться только на силе и скорости развития чувствований, их проявлений и действий.

Сангвинический темперамент — с быстрыми, но слабыми чувствованиями и проявлениями; человек такого темперамента быстро на все накидывается и так же легко все бросает и обо всем забывает; он сговорчив, всему сочувствует, легко сближается и дружится, но у него все так же скоро исчезает и расторгается; постоянства и устойчивости мало, все изменчиво и легко забывается.

Меланхолический темперамент — с медленными и сильными проявлениями — отличается как раз противоположными качествами²; человек с таким темпераментом медленно на все решается, везде усматривает

¹ Ушинский К... Д. Человек как предмет воспитания, Т. II. СПб., 1881. G, 327 и 329.

² При этом необходимо помнить, что человек с меланхолическим темпераментом, как это верно замечает Кант, не будет еще меланхоликом, ибо последнее будет уже

препятствия и отыскивает постоянно причины к опасениям. Он несговорчив и сильно придерживается своих привычек и раз принятых обычаев, но все это не из нравственных оснований (на это же указывает Кант) или размышлений, а под влиянием сильно развитых чувствований. Человек меланхолического темперамента медленно дружится, но, раз побеждены им все встретившиеся у него подозрения, он глубоко и сильно привязывается. Медленность в развитии чувствований препятствует у лиц этого темперамента всяким резким проявлениям, а также проявлениям радости.

Холерический темперамент — с быстрыми и сильными проявлениями. Быстро развивающиеся чувствования сопровождаются резкими и порывистыми действиями, усиливающимися от всякого сопротивления. Ребенок холерического темперамента действует быстро и решительно, но он неохотно продолжает более однообразную деятельность; вообще и чувствования такого лица быстры и сильны, ноне продолжительны, если не будут влиять прибавочные моменты раздражения. Холерический темперамент часто смешивают с честолюбивым типом, но это неверно. Холерический темперамент предрасполагает к сильным чувствованиям и к страстным проявлениям, а у лиц честолюбивого типа уже развито определенное чувствование первенства, которое может проявляться в различной степени и с различной силой, так что честолубцем может быть и лицо даже флегматического темперамента.

Флегматический темперамент — с медленными и слабыми чувствованиями и проявлениями. Вялость (флегму) не должно смешивать с ленью: первое явление зависит от слабой возбудимости, а последнее есть понижение деятельности вследствие притупления впечатлительности. При флегматическом темпераменте деятельность проявляется медленно, так сказать, малыми приемами, но может продолжаться очень долго; чувствования развиваются медленно и слабо, но зато так же медленно и исчезают и поэтому всегда отличаются своим постоянством или, вернее сказать, инертностью.

Все это будут главные виды темперамента; норма должна быть между ними. Лицо с нормальным темпераментом должно быть в состоянии соразмерять силу и быстроту своих чувствований и проявлений соответственно со своими умственными и нравственными требованиями. «...»

При посещении больших воспитательных домов и при сравнении здесь новорожденных между собой легко убедиться, что все они различаются между собой не столько чертами лица, сколько силой и быстротой своих жизненных проявлений. Один подвижнее, голос его сильнее, на всякое раздражение он сильнее реагирует, свое неудовольствие выражает довольно резкими движениями; другой, напротив того, вялый, медленнее двигается, голос слабый, медленно и слабо реагирует на раздражение. Дети могут быть различной величины и веса, покровы их могут различаться по своему

цвету, или же величина и вес у них могут быть и сходны, а между тем замечаемые проявления будут резко отличаться между собой и будут даже противоположны. При посещении таких заведений всегда приходилось слышать, что новорожденных очень легко смешать между собой и что главные замечаемые в них различия — это голос большая или меньшая подвижность, вялость или усиленная раздражительность. Здесь, следовательно, темперамент новорожденных, которым они главным образом и различаются, проявляется в более или менее чистом виде (...)

Темперамент составляет замечательно стойкое проявление человека. Быстрота и сила, о которой проявляются действия и желания человека, степень и быстрота проявления умственной его деятельности выражаются тем сильнее и резче, чем менее он в состоянии сознательно направлять свою деятельность и покорять ее волевым отпращиванием. Кровь, протекающая по сосудам, поддерживает жизнедеятельность в той части, куда она проникает, и составляет один из необходимых моментов, возбуждающих эту деятельность. Сила и быстрота течения крови несомненно связаны с силой и быстротой проявления жизнедеятельности, которую кровь возбуждает тепловыми силами, освобождающимися при изменении состава приносимых ею питательных веществ. Форма и строение сердца и всей сосудистой системы вместе с составом питательной жидкости, или крови, имеют, без сомнения, прямое отношение к энергии и быстроте работы, происходящей в тканях, органах и частях всего организма; точно так же все это имеет отношение и к темпераменту человека, и чем более знакомиться с отпращиванием этой системы и с отношением ее к отпращиванию всех остальных органов человеческого тела, тем лучше и яснее можно себе представить все то, что относится к темпераменту человека. Для изучения темперамента необходимо (как это делается в анатомии и физиологии) выделить отпращивания всей сосудистой системы и ее содержимого и выяснить ее значение во всей полноте, чтобы потом так же широко усвоить себе значение темперамента человека.

Всякая деятельность, возбужденная в какой-либо части тела; если она доходит до сознания, будет проявляться здесь в виде ощущения, или чувствования. Ощущение это может быть тесно связано с местом своего возбуждения, но оно может являться также в совершенно неопределенном, глухом виде, как будто не имеющем отношения к деятельности самого организма. Ощущения являются с оттенком удовольствия или страдания в зависимости от соответствия или несоответствия между тратой вещества и его накоплением.

Как удовольствие, так и страдание может быть положительное и отрицательное. Положительное удовольствие является при трате, соответствующей накопившемуся материалу, оно выражается удовлетворением при сильной работе. Отрицательное удовольствие составляет оттенок ощущения, появляющийся при восстановлении траты, связанной с предшествовавшей ему деятельностью, что, например, замечается при отдыхе и вообще при восстановлении. Положительное страдание замечается при трате, не соответствующей накопленному материалу, как,

например, при усталости, истощении и изнурении. Отрицательное страдание сопровождает всякое накопление материала, не соответствующее трате; оно выражается потребностью деятельности или стремлением к работе.

Чувствования, являющиеся под влиянием душевных возбуждений, будут опять же связаны с явлениями со стороны сердца и сосудистой системы. Краснота, бледность, обморок, сердцебиение и т.д.—все это явления, связанные с душевным волнением; и опять же проявления эти различны по своей силе и быстроте, смотря по темпераменту лица{...}

Темперамент устанавливается более определенно, и более разнообразные его формы являются о появлении постоянных зубов, т. е. с семилетнего возраста. Со времени же периода возмужалости, т. е. с пятнадцати-шестнадцатилетнего возраста, темперамент обыкновенно довольно резко определяется и устанавливается. Волевые отправления, умственное развитие и образование могут, без сомнения, повлиять на силу, быстроту и продолжительность действий и проявлений, на степень проявлений чувствований и душевных волнений, но все же чем более неожиданны, случайны и сильны причины возбуждения, тем резче выступают проявления темперамента лица, которые задерживаются только, если действия достаточно разъединены по времени, т. е. если развивающиеся чувствования и действия настолько задержаны, что могут быть вполне направлены волевыми отправлениями. Достигается это нелегко и только при развитии характера лица.

В старческом возрасте опять преобладают медленные и более или менее слабые действия, здесь чаще встречаются флегматический и меланхолический темпераменты, реже наблюдаются холерики и еще реже сангвиники.

Выше уже было сказано, что в течение зрелого возраста сосуды, представляя постепенное нарастание в диаметре, становятся относительно шире и теряют мало-помалу свою упругость, вследствие чего давление крови в них уменьшается, с чем и связаны многие явления старческой дряхлости и худобы. Такое изменение в сосудах опять же согласуется с тем, что наблюдается при жизни и соответствует той медленности и слабости в действиях, которые чаще всего встречаются в старческом возрасте.

Страдания сердца и сосудистой системы, а также симпатической нервной системы, имеющей непосредственное отношение к сосудам, всегда сопровождаются изменениями темперамента лица. Часто в таком случае замечаются совершенно беспричинная грусть, невыносимая тоска, постоянно преследующие таких больных, частые слезы и постоянные мысли о смерти — все это настолько расстраивает больных, что они делаются негодными к какой-либо работе или деятельности. Они только и заняты своими муками, хотя неохотно об этом говорят и вообще избегают людей, потому что более расположены наедине сосредоточиваться над своим состоянием. Такое меланхолическое видоизменение темперамента иногда хорошо наблюдается по мере развития страдания, так что у больного могут совершенно измениться степень и быстрота его возбудимости.

Из всего сказанного видно, что сердце с кровеносной системой (и ее содержимым) имеет большое влияние на степень, быстроту и продолжительность проявлений и действий человека, на развитие его чувствований и душевных волнений; все это и выражается темпераментом. В кровеносной системе, как и во всех остальных системах человеческого тела, форма органа вполне соответствует отправлениям; Изучением значения различных видоизменений формы органов кровообращения выясняется, какие формы должны принадлежать нормальному темпераменту.

Кроме видоизменений в кровеносной системе изменения темперамента сопровождают еще видоизменения в той части нервной системы, которая известна под названием сосудодвигательной или симпатической системы. Она так же значительно разнится индивидуально, как и сосудистая система..) Степень развития сосудо-двигательной системы связана с суммированными оттенками ощущений, появляющихся при деятельности сосудистой системы, и в особенности с явлениями питания и обмена и с сопровождающими эти явления оттенками ощущения положительного или отрицательного удовольствия, а также положительного или отрицательного страдания. Эти оттенки поэтому неодинаковы у лиц различных темпераментов, они глубже и сильнее у меланхоликов и холериков, быстрее появляются и легче сглаживаются у сангвиников и флегматиков. С ними связаны желания и хотения человека, они могут быть направлены и задержаны только волевыми его отправлениями. Оттенки ощущений, связанные с явлениями темперамента, зависят, однако, не только от отправлений сосудистой системы, но также и от центрального органа этой системы, именно сердца; с деятельностью этого органа соединен оттенок ощущения, известный под названием «чувства жизни». Возвышение деятельности сердца связано с большей бодростью, живостью и удовлетворенностью деятельностью, между тем как понижение деятельности этого органа сопровождается таким чувством недовольства жизнью, что вся деятельность человека будет состоять только в погоне за переменной впечатлений, чтобы выйти из гнетущей его апатии.

Понятно, что вполне ясно все это усвоить себе можно только в том случае, если изучить также форму и отправление органов всех остальных систем человеческого тела и по возможности выяснить соотношение и взаимодействие между всеми этими системами. Только в последнем случае может быть хоть отчасти понятно влияние на развитие темперамента еще и различных других сил, проявляющихся в организме и подлежащих более или менее волевым отправлениям. В особенности здесь важно выяснение значения мышечных и упругих, или физических, сил, а также умственных и психических сил лица.

(...)На необходимость при воспитании ребенка принимать во внимание его темперамент указывал еще Дж. Локк в своем замечательном сочинении о воспитании. Он говорит: «Наблюдайте ранее за темпераментом вашего сына, пользуясь в особенности тем временем, когда он предоставлен себе, во время игры, и когда он себя мнит вне всякого

надзора. Заметьте, какие его главные страсти и склонности: бывает ли он суровым или мягким, смелым или трусливым, жестоким или сострадательным, откровенным или сдержанным и т.д. На самом деле, смотря по различию наклонностей, должен рассчитаться и применяемый вами способ, и ваши требования соответственным способом влиять на его ум. Природные его способности и преобладающие предрасположения, в особенности отличающиеся своей робостью и воздержанностью, зависящие обыкновенно от страха, как вида душевной слабости, не поддаются заученным правилам или насилию. Его недостатки необходимо исправлять искусственно и этим направить к добру. Но все же необходимо помнить, что, несмотря на все предпринимаемые меры, мысли ребенка все же будут направлены в ту сторону, в которую ближе склоняется его природа. Если внимательно подметить характер своего ребенка по первым действиям его в жизни, то всегда возможно и впоследствии определить направление его мыслей и желаний, да еще когда он будет уже взрослым, более искусно будет их скрывать и даже применять для этого самые разнообразные способы»³. Локк обратил внимание на значение темперамента при воспитании и на необходимость принимать при этом в расчет индивидуальные качества, находящиеся в связи с организацией. Он тогда уже говорил) что нельзя воспитывать по заученным шаблонам, а необходимо принимать в расчет раньше всего то, что связано с организацией ребенка. Чем более будем изучать организм ребенка и выяснять себе связь, существующую между его строением и отправлениями, тем осторожнее и внимательнее будем относиться к его проявлениям и не будем от него требовать невозможного, несогласного с его организацией. Все это имеет особенное значение по отношению к темпераменту; нельзя требовать от ребенка сангвинического темперамента медленных и стойких действий) это ему очень трудно дается и достигается только очень последовательным трудом, и то отчасти только. Точно так же не появятся вдруг быстрые действия у ребенка флегматического темперамента или игривая веселость у ребенка меланхолического темперамента.

Кант верно говорит, что лицо сангвинического темперамента всегда является веселым собеседником, легко и быстро применяющимся к людям и легко с ними сходящимся; между тем как лица холерического темперамента всего менее «счастливы», быстрые и сильные действия их всегда отличаются резкостью, часто неприятно поражающей других. Точно так же человека флегматического темперамента часто называют философом, принимая во внимание только слабые реакции его организма на влияющего на него возбuditеля, чем в таком случае более всего и руководствуются.

На деле обыкновенно выходит, что слабые проявления деятельности скорее удовлетворяют окружающих и даже могут вызывать их участие, между тем как сильные проявления легко вызывают неудовольствие и лиц с таким

³ О воспитании детей господина Локка/Пер. с фр. на русский язык проф. Московского университета Н. Поповским, Т. 1. 2-е изд. М., 1788, С. 294—295.

темпераментом обыкновенно называют неуживчивыми и беспокойными и от них сторонятся.

Влияние воспитания на темперамент должно выясниться при изучении развития типа и характера человека и из анализа их отношения к темпераменту.

ТИП

В антропологических и педагогических сочинениях обыкновенно смешивают темперамент с характером и с понятием о характере соединяют чрезвычайно часто все, что относится к различным психическим проявлениям человека. Для лучшего наблюдения за ребенком и более точного выяснения всего замечаемого у него будет, по-видимому, выгоднее отличать не только темперамент и характер, но и тип его, который в свою очередь смешивают то с темпераментом, то с характером «...»

Тип ребенка определяется степенью сознательного его отношения к окружающей среде и нравственным его развитием, т. е. отношением его к правде. Здесь, следовательно, главными характеристическими качествами являются сознательность и правдивость ребенка.

Сознательные проявления человека развиваются только воспитанием; для этого необходимы постепенно и последовательно усиливающиеся возбуждения со стороны окружающей среды. При отсутствии возбуждения, а следовательно, и порождаемых ими представлений сознательная деятельность не развивается, ребенок остается в состоянии слабоумия. Правдивость у ребенка выражается полным согласием между мышлением и действием.

По различию развития сознательной деятельности в проявлениях ребенка можно различать три степени: 1) отраженно-опытные действия с отсутствием нравственных проявлений, 2) подражательно-рассудочные действия с внешнеусвоенными нравственными основаниями и 3) разумно-самостоятельные проявления с вполне усвоенными нравственными основаниями. Эти три степени могут проявляться в двух видах: с деятельно-повышенными проявлениями и с инертно-пониженными проявлениями. Соответственно этому можно различать следующие типы:

1. С деятельно-повышенными проявлениями: 1) лицемерный тип — отраженно (рефлекторно)-опытный с повышенной деятельностью, без нравственных проявлений, 2) честолубивый тип — подражательно-рассудочный с повышающимся чувствованием первенства и с внешнеусвоенными нравственными основаниями и 3) добродушный тип — разумно-самостоятельный с преобладанием умственной деятельности и с твердо установленными нравственными основаниями.

2. С инертно-угнетенными проявлениями: 4) мягко-забитый тип — рефлекторно-опытный с инертными

действиями, без нравственных оснований, 5) злостно-забитый тип — подражательно-рассудочный, угнетенный преследованиями и несправедливыми мерами, с внешне- усвоенными нравственными основаниями и 6) угнетенный тип — разумно-исполнительный с преобладанием физической деятельности и твердо выработанными нравственными основаниями.

Ребенок *лицемерного* типа повторяет то, что видит, всегда старается более легким способом достигнуть личных выгод и избежать деятельности более трудной, т. е. связанной с трудом и усердием. Он легко усваивает только то, что сильнее на него влияет, и в особенности все внешние проявления окружающих. Лица этого типа отличаются, следовательно, непосредственно-подражательными (или имитационно-реальными) действиями. Способ их деятельности всегда бывает практически- опытный; они стараются хитростью и лаской обойти все затруднения, не особенно огорчаясь и неудачей. Отношение к истине только внешнее, заучены одни общие нравственные правила и шаблоны.

Тип *честолюбивый* отличается умением усваивать все памятью; при этом не только то, что непосредственно (или реально) воспринимается, но и вся умственная работа у него направлена почти исключительно на усвоение и воспроизведение памятью не только простых формул и идей, но даже самых сложных философских учений. Точно так же могут быть заучены и нравственные положения, которые, однако же, остаются без влияния на его действия, находящиеся главным образом в зависимости от сильно развитых чувствований. Сильно развивающееся чувство превосходства является всегда самым главным возбуждающим моментом, под влиянием которого и в зависимости от которого совершаются все действия ребенка честолюбивого типа. Отсюда гордость, самоуверенность, спесь, напыщенность и постоянное стремление первенствовать и властвовать над другими. Скромные серьезные занятия, не ведущие к отличиям, не привлекают молодых людей этого типа; они их избегают. Для них деятельность возможна только при надежде на внешний успех, являющийся прибавочным возбуждателем.

В *добродушном* типе развита главным образом аналитическая деятельность: ребенок привык рассуждать над каждым новым явлением и при дальнейшем своем развитии приучается мыслить более отвлеченным образом. При недостатке знаний мыслительная деятельность его легко принимает характер фантазии. Умственная деятельность его сосредоточена по преимуществу над выявлением личности человека, над разбором и выяснением собственных проявлений и над отношением этих проявлений к своим действиям и ко всему окружающему. Поэтому деятельность лиц этого типа и отличается всегда большой самостоятельностью и правдивостью. Но деятельность поддерживается, пока существует умственный интерес, пока возможно рассуждение или существует взятое на себя обязательство. Недостаток этого типа — несоответствие между умственным и физическим трудом, а именно преобладание первого; отсюда недостаток возбуждений, или стимулов, со стороны активно-физических (мышечных) органов тела и вследствие этого

известная степень апатии, или, как обыкновенно говорят, лень. Явление это может зависеть и от односторонней деятельности, выражающейся главным образом стремлением заниматься философскими рассуждениями, и от непривычки справляться с техническими приемами или заниматься физической работой. Всякое принуждение к занятиям и несправедливость или произвол неминуемо отталкивают ребенка этого типа от дела и содействуют апатичному и безучастному отношению к работе. Любовь к ближнему, защита слабого, простое и правдивое отношение к окружающим составляют всегда отличительные качества лиц этого типа.

У ребенка *мягко-забитого* типа нет условий, постепенно и последовательно возбуждающих его и тем содействующих его развитию, поэтому в крайней своей степени он является в виде слабоумного. Он отличается поэтому отрицательными качествами как в умственном, так и в нравственном отношении. Делает он так, как указано и что сказано; нет ни наблюдательности, ни знаний, ни нравственных понятий. Это — автомат, который даже плохо повторяет (имитирует) то, что видит и слышит. Без указания и руководства он теряется и совершенно не в состоянии действовать. Появляющееся у него упрямство имеет более характер инертного, пассивного состояния

, из которого он не решается выйти. Дети этого типа всего труднее поддаются развитию, с возрастом у них развивается только узкая, эгоистическая практичность и расчетливость, и они совершенно безучастно и даже бездушно относятся ко всему окружающему.

Тип *злостно-забитый*, всегда ожесточенный, отличается своей подозрительностью, самолюбием и рефлекторными проявлениями, часто очень резкими. Сознательная деятельность более всего сосредоточена над личной защитой. Приученный к сильным впечатлениям мерами, связанными с оскорблением личности, ребенок этого типа постоянно стремится к перемене впечатлений и к сильным возбуждениям. Эти возбуждения выводят его из той апатии, в которую он впал под влиянием принудительных мер. Правдивость его условная, так как он никогда не постесняется сказать и поступить не согласно с правдой, если это будет иметь отношение к лицу ненавистному или даже заподозренному, а таким может быть -каждое незнакомое ему лицо. У лиц этого типа преобладает развитие памяти над рассуждением, развитию последнего препятствует у них сильно развитое чувство озлобления, под влиянием которого они часто сильно рефлектируют. Они недостаточно приучаются к отвлеченному мышлению и отличаются, скорее, своей наблюдательностью и опытностью, если только применяемые меры не ограничили у них и этих способностей.

Тип *угнетенный* отличается от добродушного типа преобладанием у него в силу необходимости физического труда над умственной деятельностью и в особенности недостаточным стремлением к отвлеченному мышлению и философским рассуждениям. Лица этого типа настолько привыкли к труду и лишениям, что сами очень мало ценят свой

труд и всегда отличаются большой скромностью, терпением и терпимостью ко всем окружающим. Они отличаются всегда своей правдивостью, простотой своих проявлений и искренностью.

Нормальный тип (представляемый в идеале) должен отличаться полной гармонией между умственным и физическим развитием. Сохраняя полную впечатлительность ко всему окружающему, ребенок нормального типа приучается рассуждать над полученными впечатлениями и постепенным и последовательным возбуждением постоянно развивает как умственные свои способности, так и физическую деятельность, потому что приучается достигать всего ему необходимого собственными силами и по возможности участием в деятельности той среды, в которой он растет. В состоянии бодрствования он постоянно активно деятелен; чутко присматриваясь к нуждам и требованиям окружающих, он оценивает их по достоинству и не ставит свои личные требования выше требований других, и в особенности товарищества. Умственные его способности должны быть естественным образом направлены к выяснению логической связи между усвоенными знаниями, к развитию аналитической деятельности и отвлеченного мышления. Соответственно умственному развитию должно идти и физическое: постепенное усвоение элементарных приемов всякой простой работы, встречаемой в обыденной жизни, обуславливает усвоение пространственных отношений и распределение по времени как получаемых впечатлений, так и соответственных действий. Во всех его проявлениях должно быть полное соответствие между воспринимаемыми впечатлениями и представлениями, размышлениями и действиями; он всегда должен отличаться простым, правдивым и искренним отношением к другим, проявляя свою любовь вниманием и участием к потребностям и нуждам другого лица. Он не рефлектирует прямо под влиянием внешних возбуждений и чувствований, а возбуждения эти предварительно переходят у него в сознательную, разумную работу. Он никогда не решается прибегать к каким-либо насильственным мерам или произвольным требованиям, а ограничивается в своих обращениях и требованиях к другим только речью, всегда кратко и просто выраженной и обставленной серьезными основаниями. Всякое обращенное к нему разумное слово вполне достигает своей цели. Наряду с отсутствием резкости в проявлениях у него отсутствуют и всякие внешние ласки и заученные приемы вежливости и приличия; правдивый, простой ум его не может допустить какой-либо обманчивой внешности и искусственной напыщенности. Он должен отличаться всегда простотой и изяществом во всех своих проявлениях и действиях. Он эстетик в полном смысле этого слова как в мыслях, так и в действиях. Нормальный тип должен соединить в себе все хорошие качества добродушного и угнетенного типов; вообще в нем должны быть сосредоточены все качества, указывающие на полное гармоническое строение и соответственные ему отправления, как физические, так и умственные и нравственные. Умственная деятельность его должна выражаться преимущественно отвлеченными образами и понятиями, вследствие чего у него должна явиться привычка самостоятельно справляться с встречающимися новыми явлениями и действиями.

Нравственные его проявления должны быть направляемы идеалами, выработанными рассуждением. Только при этих условиях человек в состоянии самостоятельно проявляться, быть менее зависимым от окружающей его среды, т. е. переводить центр тяжести своих действий в собственный организм.

Подобно тому как темперамент можно связать с особенностями в строении и отправлениях сосудистой системы, вообще с явлениями питания, точно так же проявления типа легко связать с развитием мозга и нервной системы, или, как обыкновенно говорят, с умственным развитием и образованием. Тип ребенка представляет прямое и непосредственное следствие условий, в которых он жил и воспитывался, а проявления его видоизменяются по силе и быстроте, смотря по темпераменту и степени развития его характера. «...»

Исследования показывают, что в сознательном акте, в котором впечатление при сосредоточенном внимании воспринимается в виде представления и возбуждает сознательное отправление, можно различать следующие моменты:

- 1) Влияние раздражения и передача последнего в виде впечатления.
- 2) Появление представления в поле сознания (перцепция Вундта).
- 3) Сосредоточение его в фокусе сознания (апперцепция Вундта).
- 4) Время развития желаний или хотений.
- 5) Проявление этих отправлений в виде движения.

Все эти отдельные моменты разъединяются по времени; из них первый и последний моменты признаются за явления физиологические, а три средних — за психические. Чем быстрее и чем сильнее влияние раздражения, тем скорее весь акт является в виде простой рефлекторной передачи раздражения и теряет характер сознательного акта.

Моменты психического акта должны быть непременно разъединены по времени, и чем сильнее действует возбуждение, тем больше требуется времени для того, чтобы отдельные впечатления и возбуждаемые ими представления ясно воспринимались сознанием. Недостаточно разъединенные по времени возбуждения вызывают только рефлекторные движения, которые могут быть и нецелесообразными. Так как сам акт сознания состоит, как полагают, из сравнения соотношения впечатлений между собой, то понятно, что все его моменты должны быть по возможности разъединены в известной последовательности, чтобы быть отчетливо воспринятыми. Чем сложнее психический акт, тем более он требует напряжения для усвоения и тем более получаемое впечатление должно быть разъединяемо по времени.

Представления, т. е. явившиеся в нашем сознании образы предметов, могут быть действительными и мнимыми. Действительные представления, или восприятия, усваиваются сознанием только при непосредственном влиянии самого предмета, если же представление появляется не по действительно существующему предмету, то оно будет мнимым и

явится в виде воображаемого представления, или фантазии. При умственной работе молодого человека понятия и отвлеченная мысль могут сложиться только из ясных представлений; такие представления получаются из действительных представлений, которые возможно больше разъединены по времени и всеми возможными средствами проверены. Чтобы представление было воспринято памятью, требуется всегда меньше времени, чем если оно будет усвоено анализом и послужит основанием отвлеченной идеи.

Наблюдения показывают, что каждый ребенок по мере возбуждения сознательной деятельности (хотя в различной степени, смотря по его темпераменту) останавливается перед всеми окружающими его явлениями и стремится их себе уяснить. При этом он или повторяет, (имитирует) более резкие и новые впечатления, или несколько более сосредоточивает над ними свое внимание и усваивает памятью более сложные явления и образы, или же, наконец, он рассуждает над получаемым впечатлением, выясняет его значение и составляет себе таким образом понятие о нем. В последнем случае он долее всего останавливается над получаемыми им впечатлениями и всего лучше их усваивает. Наблюдение показывает, что чем меньше ребенок приучается рассуждать над получаемыми впечатлениями, тем более он повторяет все то, с чем встречается в окружающей среде. Этот период имитации может продолжаться очень долго, и непременно до тех пор, пока ребенок не приучится рассуждением к более самостоятельной деятельности, к анализу и проверке получаемых им впечатлений. По-видимому, все дети по своей сильной впечатлительности и наблюдательности не оставляют без внимания ни одного из окружающих их явлений; необходимо только, чтобы их стремление не встречало препятствия со стороны окружающих, а, напротив того, поддерживалось ими(...) Если ребенку постоянно навязывать мнения и суждения, то этим устраняется всякое возбуждение к его собственной деятельности, между тем как самостоятельным наблюдением над явлениями он приучался бы к восприятию всех отдельных моментов, из которых они состоят, и составлял бы себе ясное представление о получаемых впечатлениях, приучался бы разъединять по возможности получаемое впечатление по времени; он усваивал бы себе все акты в той последовательности, которая необходима для выяснения значения данного явления, т. е. он привыкал бы логически мыслить. Развитие ребенка и состоит главным образом в умении сосредоточить внимание над получаемым впечатлением и. умственным трудом, преодолевать препятствия к пониманию его. В том же случае, когда суждение дается уже готовым и сообщаются главным образом одни выводы, последние будут усваиваться только памятью, вместо того чтобы готовить и развивать у ребенка точно такую же умственную работу, с помощью которой добыты переданные ему выводы и заключения.

То же самое относится и к играм и физическим занятиям детей: они охотно сами строят и еще охотнее разрушают, чтобы понять, как построена попавшая им в руки вещь. Обыкновенно им дают уже готовые замысловатые игрушки,

снабженные механизмом, пружинами и производящие различные движения, звуки и т. п., или дают приспособленные части и требуют, чтобы они составили из них определенные фигуры или постройки. Дети, понятно, сейчас же разрушают данные им вещи и стремятся отыскать причины замечаемых ими движений или звуков, а постройку или фигуру сделают только тогда, когда они уже подготовлены к этому на более простых формах, иначе требование окажется невыполнимым, оно только утомит их, и они затем всяким способом будут уклоняться от таких занятий. Вообще ребенку доставляет большое удовольствие, если он сам заметил и выяснил себе какое-либо явление и если его рассуждение оказывается действительно верным; точно так же доставляет ему наибольшее удовольствие то, что он сам сделал и чего достиг без указания других. Все это совершенно понятно: он разрешил то, что мог, или сделал то, что отвечало его силам, следовательно, трата, связанная с этой работой, соответствует накопившемуся материалу, работа поэтому должна доставить ему удовольствие. Требования же взрослых, напротив того, могут часто превышать уровень его умения и подготовки и вызывать трату, не соответствующую накопленному материалу; ясно, что для ребенка это будет сопровождаться страданием, отталкивающим его от такой работы. Достигнутый результат уже сам по себе возбуждает ребенка к продолжению работы и к отыскиванию новой, более сложной, и нет никакой нужды еще усиливать эти естественные стимулы похвалой, отличием или какой-либо наградой — это может только повредить ребенку.

На деле оказывается, что если не давать ребенку покоя регламентациями, ограничивать его рассуждения и действия, то получится в результате один из забитых типов, а именно или мягкий, или злостный забитый, смотря по тому, окружали ребенка лаской и бессмысленной предупредительностью или преследовали его, принуждая строгостью и наказаниями делать то, чего от него требовали, причем не принимались в расчет силы и возможность для ребенка исполнить эти требования. В последнем случае впечатлительность ребенка угнетается, и он впадает в апатию, из которой его могут вывести только более сильные возбуждения, а кроме того, он озлобляется, ибо признает применяемые к нему меры несправедливыми, так как он на деле успел убедиться, что у него не хватило бы ни сил, ни умения выполнить то, что от него требовалось. Вследствие этого он всегда очень подозрительно относится ко всякому новому требованию и всегда отказывается или отговаривается от его исполнения, так как из опыта уже знает, что всякая его неудача приведет к насильственным мерам, сильно его угнетающим. Наказание за совершенный произвол ничем не обоснованное и, с точки зрения ребенка, несправедливое насилие. В первом случае только понизится впечатлительность наказанного, а в последнем случае принуждение вызовет у него целую бурю негодования и резких действий, озлобит и оттолкнет от мучителя.

При нормальных условиях не может быть и речи о наказаниях или каких-либо принудительных мерах. Весьма

распространенное мнение, что ребенок врожденно зол, ленив, капризен и вообще дурен, пока не коснулось его воспитание, совершенно неверно и несправедливо. Если наблюдать и изучать детей до пятилетнего возраста

, то даже трудно становится понять, как могло установиться такое мнение. Происходит оно, видимо, оттого, что человек всегда стремится отыскивать вне себя всякую невыгодную или неблагоприятную причину своих действий. Он поступает часто кое-как, наскоро и не думает о последствиях своих действий, а если эти последствия обнаруживаются невыгодным образом, то виноват ребенок, с которого взыскивают и которого за это преследуют. Кант в своей «Антропологии» приводит, что Зульцер, директор школ в Силезии, на вопрос Фридриха 2-го о характере человеческого рода ответил: «С тех пор, как стали придерживаться основного положения (Руссо), что человек по своей природе хорош, дело идет лучше». Собственно говоря, у ребенка нет врожденных типичных качеств и врожденного характера; у него можно заметить только степень и продолжительность его возбудимости; последняя может быть быстрой или медленной, сильной или слабой, и эти проявления его темперамента обыкновенно принимают за выражение типа и характера ребенка. В быстрых и резких движениях ребенка, зависящих от более сильного возбуждения, видят выражение его злости, в медленных и слабых движениях — лень. *Это* совершенно неверно, и эти явления необходимо строго различать, тогда и нельзя будет говорить о врожденной злости, лени и вообще о врожденных дурных качествах ребенка. Они появляются только по мере развития сознательной деятельности ребенка и зависят от неблагоприятных условий, обыкновенно создаваемых взрослыми. Чем мягче и осторожнее обращаются с ребенком, чем большей разумной добротой и любовью он окружен, тем более мягкими любящим человеком он является, тем о большей впечатлительностью он относится ко всему окружающему и тем более он приучается руководствоваться правдой во всех своих помышлениях и действиях. Нравственные качества ребенка составляют действительное наследие среды, в которой он провел первые годы своей жизни; это наследие окружающих прививается по мере развития сознания ребенка, как и его речь, способ выражения, привычки, обычаи и т. д.

Злым ребенок будет только тогда, когда его раздражают и оскорбляют несправедливостью, произволом и неправдой. Лень у него является, когда его насильственно заставляют производить непосильную, не соответствующую его знаниям и подготовке, следовательно, логически непоследовательную работу или работу, сильно угнетающую его однообразными, утомительными действиями. Следовательно, лень явится, когда насильственно требуемая работа сопровождается тратой вещества, не соответствующей предшествовавшему накоплению, и тогда избыток траты сравнительно с накоплением приведет к страданию, к истощению и даже к изнурению. Опять же, следовательно, не врожденное предрасположение вызывает это явление, а неприятное, гнетущее чувство, вызванное требованиями, не соответствующими силам и способностям ребенка, следовательно, несправедливыми, произвольными.

От лени как стремления избежать или уклониться от деятельности, связанной с известными усилиями, необходимо отличать то инертное состояние, которое наблюдается у детей мягко-забитого типа, а также бездеятельность добродушного ребенка и апатию, замечаемую у честолюбивого.

Инертное состояние ребенка заласканного, или мягко-забитого типа зависит от отсутствия инициативы. Здесь все постоянно предусмотрено и предупреждено, все приготовлено и указано, остается только слушаться и исполнять; если, следовательно, нет внешнего стимула, то нет и действия «...»

В школе приходится постоянно встречаться со всеми последствиями неблагоприятных условий семейной жизни ребенка; в школе это чувственное развращение и апатия разовьются еще более, если ребенок не научится здесь более управлять собой и владеть своими чувствованиями. Если же, напротив, в школе дело поставлено как следует и там существует хорошее товарищество, то можно легко проследить, как изменяются качества ребенка и в какой вообще зависимости находятся они от окружающей среды. Правда, что чем раньше начали развиваться типичные проявления и чем резче они обнаруживаются, тем они устойчивее и тем труднее сглаживаются.

Мнение, что при воспитании необходимо применять прибавочные раздражения для поощрения или привлечения к занятиям, сильно распространено; этим создаются только совершенно ненормальные явления. Чрезвычайно трудно и даже невозможно регулировать эти раздражения с необходимой последовательностью и постепенностью, а потому они неизбежно содействуют развитию односторонних чувствований у человека и нарушают гармонию его отправления. Внешний искусственный прибавочный раздражитель не может быть нормальным моментом, возбуждающим к деятельности, так как он обыкновенно недостаточно соразмеряется с потребностями и с индивидуальным расположением. Нормальным возбудителем может быть только постепенно и последовательно усиливающийся раздражитель, тесно связанный и вполне приспособленный к энергии тканей.

При воспитании необходимо предоставить ребенку выбор деятельности, не стеснять его при этом, но вместе с тем и не отказывать ему в своем участии, если он с чем-либо обращается за выяснением или указанием. Насколько ребенок должен свободно расти без всяких препятствий, налагаемых на него с момента рождения на свет, засыпать и спать без всякого прибавочного раздражения и постоянной соски во рту, настолько же он должен быть всегда занят, когда бодрствует, и ему должно быть предоставлено самому отыскивать себе занятия и рассуждать как над своим делом, так и над всеми встречающимися ему явлениями. Необходимо, конечно, чтобы вокруг себя он видел разумно-деятельную жизнь. Единственными моментами, возбуждающими его к деятельности, должны быть: удовольствие, ощущаемое им при занятиях, интерес к делу и стремление усвоить себе знание и понимание наблюдаемых им явлений.

Всякая работа, соответствующая силам и пониманию, или степени развития, ребенка, непременно доставит ему

удовольствие, которое еще увеличивается, если он начинает работу по собственному побуждению и достигает желанного результата. Удовольствие, испытываемое им при этом, так велико, что оно побуждает его к дальнейшей деятельности и является нормальным моментом возбуждения, к которому не следует поэтому прибавлять никаких новых раздражителей в виде похвалы, отличия или награждения. Известно, что ребенок при ознакомлении с окружающим его миром и при отыскании себе занятий постоянно повторяет, или имитирует, взрослых, и чем больше он привязан к последним и чем лучше они к нему относятся, тем более он следует их обычаям, привычкам и деятельности. При этом из подражания ребенок легко может взяться за непосильное дело, которое непременно должно неблагоприятно отозваться на его здоровье и причинить ему страдание. Наблюдения, однако же, показывают, что чем больше ребенок привык останавливаться и рассуждать над встречающимися явлениями, тем менее он имитирует, и наоборот. Следовательно

, привычка рассуждать является опять же лучшим уравниателем его деятельности и всего вернее содействует появлению самостоятельности в его действиях. Обсуждение как активная умственная деятельность способствует, кроме того, более гармоническому развитию ребенка, так как умственная деятельность всегда будет вызывать проверку обсуждаемого и находится в связи с физической его деятельностью. Кроме того, ребенок, привыкший рассуждать над своими действиями и очень чутко относящийся ко всякому получаемому им впечатлению, всегда примет во внимание всякое обращенное к нему слово и объяснение, так что взрослому стоит только объяснить ему несоответствие между его силами и предпринимаемой им работой — и он изменит свое намерение и выберет себе более подходящее своим силам занятие. Необходимо только не ограничиваться запрещением, а объяснять все, требуемое от ребенка (...)

Ребенок, привыкший рассуждать и выяснять себе встречающиеся явления, всегда отличается тем, что действия его соответствуют его размышлениям; у него слово и дело не расходятся, и он мотивирует свои действия правдой. Как раз противоположные явления замечаются у ребенка, не привыкшего к рассуждениям: возбудителями его деятельности будут либо растительные его потребности, как это видно в лицемерном типе, либо внешние влияния, как это бывает у ребенка заласканного. Ребенок лицемерного типа всегда отличается относительно очень быстрыми, как бы непосредственными (отраженными) действиями; они всегда направлены главным образом к достижению ближайшей личной выгоды. Своей цели он достигает хитростью и на основании опыта повторяет такие действия, которые быстрее и легче приводят к удовлетворению его личных, преимущественно - растительных потребностей. Это — опытно-рефлекторная деятельность, мало разъединенная по времени и мало сознательная. Она связана с низшей степенью развития сознательных проявлений, наблюдаемых часто в виде хитрости, и поэтому замечается у животных, даже у низших, и в начальные периоды жизни человека. Если ребенок не будет приучаться размышлять и рассуждать

над явлениями, у него не будет ясно сознанных представлений и понятий, и он только на основании опыта будет повторять лично для него выгодные действия: он берет то, что производит на него более сильное впечатление, делает то, что перед тем его удовлетворяло, говорит то, что скорее и легко вспоминается, что выгоднее относительно ближайших последствий. Неудачи смущают его недолго; он скоро успокаивается и в ближайшем будущем избегает действий, приводящих к такой неудаче. Нигде нет сложного психического акта, нет и понятия о правде, и направляющего ее влияния. Понятие о правде складывается из сравнения впечатлений, получаемых различными органами высших чувств; только то, что ясно создано и строго соответствует характеру образов полученных впечатлений, может ложиться в основание наших понятий об истине. Если затем след этого сознания легко возникает при разных случаях путем ассоциации сходных представлений, то он может явиться руководящим или соразмеряющим моментом для действия. Понятие о правде у ребенка составляет поэтому главное основание его нравственного развития; степени развития этого понятия соответствуют и нравственные проявления, замечаемые у ребенка.

Не приучившись к умственной работе, не будучи в состоянии достаточно разъединять получаемые впечатления по времени, он не в состоянии и выработать *понятия о правде*. Известно, что между глухонемыми встречается всегда большой процент слабоумных и что они вообще очень трудно поддаются умственному развитию. Это объясняется главным образом отсутствием у них слуховых впечатлений, под влиянием которых по преимуществу создаются умственные образы и воображаемые представления, переходящие затем уже при проверке в ясные представления и отвлеченные мысли.

Нравственные правила, усвоенные памятью, а не основанные на понятиях о правде, очень нестойки и обыкновенно не ложатся в основание наших действий, как вообще всякие знания, не усвоенные путем анализа и соответственных проверок в виде отвлеченных мыслей или понятий. Обыкновенно очень трудно устанавливается критерий для определения разумности действий. Самым верным будет, по-видимому, уменьшение имитационных явлений и преобладание отвлеченного мышления и действия, соответствующих выработанным идеям и понятиям.

Деревенский житель хорошо знает и понимает, что значит «жить по правде». Обыкновенно 8—9-летний деревенский мальчик уже имеет ясное понятие о «правде»; понятие это он вынес из соответствия слова с делом, 'из сравнения между полученным им впечатлением и выказанной деятельностью. То, что ему известно) он не выучил и не усвоил только памятью, это — плод его наблюдений и рассуждений. В хорошем доме, где «живут по правде» при хороших, добрых и простых отношениях родителей к детям, ребенок является непосредственным участником в деятельности взрослых. К десятилетнему возрасту он уже познакомился со всякой производимой здесь работой) хорошо понимает весь расчет несложного хозяйства и зорко следит за всякими происходящими здесь явлениями. В деревне, как

уже сказано, редко наблюдается мягко-забитый тип, но там редко встречается и добродушный тип; он тут обыкновенно является в виде угнетенного типа, у которого односторонний физический труд препятствует умственному развитию, преобладающему в добродушном типе. В деревне встречается злостно-забитый тип, а также лицемеры и честолюбцы; угнетенный тип является только, при лучших условиях крестьянской жизни, при любви и согласии членов семьи и добром, мягком и правдивом отношении к детям. Такие дети всегда отличаются своей скромностью и очень хорошим отношением к требованиям и нуждам окружающих. Они привыкли рассуждать над получаемыми впечатлениями и действиями. Однообразие получаемых ими впечатлений не содействует, однако же, постепенности их развития, а усиленное физическое развитие нарушает гармонию отправления. Но и у этих детей ясно видна связь между умственным и нравственным их развитием; по мере усиления умственного их развития у них складываются и понятия о правде; они с большой мягкостью и вниманием относятся к окружающим и отдают себе отчет в своих отношениях к ним. При изучении добродушного типа можно заметить связь, существующую между умственным и нравственным развитием, и убедиться, что при нормальных условиях связь эта неразрывна «...»

Из всего сказанного о типе можно вывести такие заключения:

1. Тип ребенка находится в зависимости от степени умственного и нравственного его развития.
2. Развитие нормального типа ребенка возможно только при условиях, содействующих развитию умственных и физических его способностей.
3. Только постепенно и последовательно увеличивающееся умственное и физическое развитие может привести к гармоническому нормальному развитию.
4. Ничем не стесняемая личная инициатива ребенка в размышлениях и действиях, возможность проверить у близкого и любящего лица свои сомнения и недоразумения и стремление преодолевать препятствия собственными силами, как умственными, так и физическими, должны составлять основные моменты для развития нормального типа.
5. Правдивость, искренность и постоянная деятельность бодрствующего ребенка и по возможности такие же проявления в окружающих его лицах должны быть необходимыми условиями при нормальном развитии ребенка. .
6. Для правильного развития ребенка необходимы еще гигиенические условия, отсутствие всяких понудительных мер, внешних ласк и внешних заученных приемов, не вытекающих из понимания условий развития ребенка; простое и прямое отношение к окружающим, поддерживаемое только словом.
7. Развитие отвлеченной умственной деятельности и в соответствии с ней и нравственных проявлений, основанных на понимании истины и умении ею руководствоваться при своих действиях, должно составлять главное основание умственного образования ребенка. .

8. Умение действовать соответственно своему умственному развитию и исполнять простейшим способом все необходимое под влиянием внутренней потребности, новизны и интереса к делу должно составлять главное основание физического образования ребенка.

9. Типы детей могут быть различаемы между собой только по умственному и нравственному их развитию. Поэтому всего удобнее, по-видимому, различать: тип опытно-рефлекторный, или лицемерный,— отсутствие правды; тип рассудочный, знающий, или честолюбивый, возбуждаемый определенными сильно развитыми чувствованиями, и условно-правдивый; тип разумный, понимающий, или добродушный, правдивый, но с не соответствующим умственному физическим развитием. Угнетенные типы: малосознательный и малоправдивый, или мягко-забитый; более сознательный и условно-правдивый, или злостно-забитый, угнетенный произволом и несправедливыми отношениями; сознательный и правдивый, или угнетенный, тип — физический труд превышает умственный, мало отвлечения. Нормальный тип — разумный и идеально-правдивый; умственное и физическое развитие в полной гармонии между собой.

10. Умственное развитие возможно только при достаточном разъединении по времени отдельных моментов сознательного акта.

11. Нравственные проявления находятся в полной зависимости от умственного развития, а именно от развития отвлеченного мышления. Чем более развито отвлеченное мышление, тем менее подражательных (имитационных) действий, и наоборот.

Различные видоизменения каждого из приведенных типов находятся непременно под влиянием темперамента. Впечатлительность (возбудимость) ребенка находится в прямой зависимости от питания, потому что основные свойства элемента каждой ткани и органов человеческого тела составляют: явления питания, движения и чувствительности; они находятся в такой связи и зависимости друг от друга, что изменение в одном явлении непременно должно вызвать изменение в остальных. Ими руководствуются при определении жизнедеятельности у человека: повышение или понижение одного из них непременно указывает на повышение или понижение жизнедеятельности лица. Но повышение или понижение чувствительности связано с соответственной степенью возбудимости, и этим объясняется связь, существующая между темпераментом и типом. Лицемер-флегматик и лицемер-сангвиник резко различаются между собой; их можно хорошо различить, припоминая, что быстрота и сила возбудимости всегда находятся в зависимости от темперамента. При выяснении характера еще придется остановиться над распознаванием всех этих видоизменений.

Характер

Кант в своей «Антропологии» определяет характер человека следующим образом: «Характером обозначается то качество воли, по которому человек обязуется держаться определенных практических принципов (оснований), предписываемых ему ненарушимо его собственным разумом». Будут ли эти основания справедливы, истинны или ложны, это в общем смысле не имеет отношения к определению характера. Кант говорит, что люди, действующие по твердо установленным основаниям, настолько редко встречаются, что составляют всегда нечто ценное и достойное удивления. Характером проявляется не то, что дано человеку природой, а то, что он сам из себя сделал, так как влияние его природы выражается пассивно его темпераментом. Все хорошие и полезные качества человека имеют, как полагает Кант, свою внешнюю цену, характер же составляет внутреннее достоинство человека, стоящее выше всякой цены.

Всякое повторение, или имитация, даже нравственных качеств исключает характер, ибо последний состоит, как полагает Кант, в оригинальности мышления и зависит от внутренних качеств человека. Мягкость, или так называемая доброта (природная слабость) темперамента без характера, хуже расположения к резкости (быстрое и сильное проявление темперамента) и даже злости, так как при развитии характера последнее предрасположение темперамента может быть сглажено. Косность и неподвижность в предпринятом решении составляют очень выгодное предрасположение к развитию характера со стороны темперамента, но не будут еще проявлениями характера лица, потому что для последнего необходимы принципы, выработанные разумом и имеющие нравственно-практические основания. Поэтому Кант не допускает, чтобы злобность была проявлением характера, так как человек никогда не одобряет в себе злое, и поэтому, говорит он, не может быть злобы по принципу, но только вследствие отступления от последнего, как бессознательное проявление темперамента. Здесь Кант смешивает явление темперамента с типом; первому может принадлежать только резкость (быстрота и сила) действия, а проявление злобы или злостности будет уже явление типичное, которое, без сомнения, может только задерживаться характером. Действительно, нельзя допустить злостности по принципу, выработанному разумом. При злобе всегда будут участвовать чувствования, которые возбуждаются известными условиями и степень быстроты и силы проявления которых будет зависев только от темперамента.

Основания, которыми обуславливается характер, Кант определяет только отрицательным путем; он приводит следующие положения:

1. Не говорить умышленно неправду; вообще выражаться осторожно, чтобы не приходилось потом со срамом сознаваться в своих несообразных действиях.
2. Не лицемерить: казаться наружно в хороших отношениях и действовать враждебно за спиной.

3. Не изменять данному обещанию, а также уважать бывшую дружбу и не злоупотреблять впоследствии бывшей доверенностью и искренностью другого лица.

4. Избегать близкого обхождения с лицами злонамеренными и ограничиваться разве только одним деловым к ним отношением.

5. Не стесняться поверхностными и злостными суждениями других людей, ибо противоположное действие указывало бы на слабость; точно так же следует умерять свой страх погрешности против моды, отличающейся большой легкостью и изменчивостью, и ни в каком случае не распространять ее влияния на нравственность.

Единственным доказательством сознания человеком своего характера, говорит Кант, может служить правдивость в своем самосознании и в своих отношениях к другим, принятая им в основание всех его размышлений и действий.

Герbart в своих педагогических сочинениях говорит, что характером называется способ решимости человека, т. е. то, что человек хочет, в сравнении с тем, чего он не хочет. Герbart обращает уже внимание и на то, что от волевых отправлений, связанных с характером, необходимо отличать желания и хотения, не имеющие ничего общего с характером. Чтобы узнать человека, говорит Герbart, за ним наблюдают и стараются остановиться на нем как на объекте. То же самое замечается и у отдельного человека: чтобы он понимал других, он должен быть в состоянии понимать себя, т. е. должен быть в состоянии следить за собой как за объектом. Поэтому Герbart различает объективную и субъективную части характера человека. Человек наблюдает за собой, направляет свои действия, выясняет их себе, удовлетворяется ими или нет, относится, следовательно, объективно к различным проявлениям сознательной своей деятельности. При воспитании, полагает Герbart, возможно влиять только на объективную часть характера, потому что человек с большим трудом вырабатывает свои основания после того, как у него уже установились известные наклонности и стремления.

Бенеке говорит, что в строгом смысле никакое ощущение и душевное волнение ребенка не остается без влияния на развитие его характера и что этот последний складывается из всех тех временных впечатлений, которым не привыкли придавать какое-либо значение. Педагогика, по его мнению, подвергается таким же переворотам, как химия, в которой в свое время оставляли без внимания все летучее и газообразное. Точно так же впоследствии научатся признавать и при воспитании незначительные, по-видимому, преходящие, а потому малозначащие влияния за истинный зачаток и основание (субстрат) для развития характера.

В древности уже хорошо подметили условия, имеющие влияние на развитие характера человека. Тогда уже было хорошо известно, какое значение имеет на развитие характера умение воздерживаться от удовлетворения различных своих потребностей, связанных с ощущениями и чувствованиями. При воспитании требовалось стойко переносить

голод, жажду, жар, холод и различные лишения. В древней Персии признавали обильные выделения тела за признак праздной и бездеятельной жизни. Там считалось в высшей степени неприличным . не только сморкаться или плевать в обществе, но также иметь большой живот или удаляться из общества для удовлетворения какой-либо растительной потребности. Известно суровое воспитание спартанцев, направленное главным образом на развитие характера молодого человека. Так называемый спартанский суп должен был содержать возможно больше питательных веществ, чтобы небольшим количеством его только восстановить трату организма, но не содействовать развитию в нем чувственных проявлений, в особенности чувства насыщения. Во всех мерах, принимаемых для содействия развитию характера, руководствовались всегда отношением волевых отправлений к ощущениям и чувствованиям; эти отношения признавались всегда за самые существенные моменты для развития характера лица.

Характером можно назвать проявление воли человека, основанное на истинах, выясненных и твердо установленных разумом. С точки зрения нормальных проявлений человека другого определения нормального характера дать нельзя. Во всех враждебных, злостных или внешне- эстетических проявлениях всегда можно заметить влияние чувствований, препятствующее чистому проявлению волевых отправлений под влиянием разума. Точно так же действия с честолюбивой или вообще личной, эгоистической целью или даже для соблюдения материальных выгод известной среды или общества связаны с чувствованиями — все это не допускает проявления того, что у нормального человека можно назвать характером. Это будет стремление, желание или хотение, но не волевое проявление, как это выяснится на основании следующих научных данных.

Изучая организм человека, обыкновенно разделяют его на отдельные системы, состоящие из однородных органов; эти последние состоят из известных тканей, которые в свою очередь состояются из определенных частиц, или элементов. Каждая частица, отдельно взятая, в состоянии при известных условиях продолжать свою жизнедеятельность. Жизнедеятельность в каждом элементе выражается основными качествами, а именно явлениями питания, движения и чувствительности; только при сосуществовании этих явлений проявляется жизнь, ни одно из этих явлений не может обнаружиться без остальных; они все связаны между собой по силе и скорости своего проявления. Процесс питания состоит главным образом в усвоении (ассимиляции) вводимого питательного вещества, причем освобождаются живые силы, которые содействуют поддержанию элемента в известном напряжении и делают его способным как воспринимать внешние раздражения, т. е. содействуют проявлению чувствительности⁴, так и обнаруживать движением происходящую в нем деятельность. Всякое возбуждение, или раздражение, ткани усиливает и ускоряет ее деятельность, которая,

⁴ Чувствительностью называется способность организма воспринимать возбуждение и раздражение извне, для элемента ткани — со стороны окружающих его частей.

суммируясь из отдельных моментов, передается по нервным проводникам и вызывает таким образом рефлекторную деятельность (мышечную или железистую) либо доходит до сознательных центров и здесь проявляется в виде ощущения. Возбуждения, передаваемые центрам, имеющим отношение к сердцу и сосудистой системе, передаются сознательным центрам в виде чувствований и душевных волнений. Во всех этих случаях главным возбудителем являются тепловые силы, связанные с усилением деятельности тех органов, где раздражение действовало. Сила и быстрота деятельности в отдельных элементах, отдельных частях всего организма совместно с индивидуальными особенностями в строении сосудистой системы обуславливают, как сказано выше, темперамент. Всякие проявления, зависящие исключительно от темперамента, будут выражаться в виде растительных или животных проявлений; они обнаруживаются в виде глухих, или так называемых инстинктивных, стремлений. Несколько задержанные или направленные опытом или рассудком, они проявляются в виде хотений или желаний, но это все же исключительно животные отправления. При нормальных условиях они не должны господствовать над человеком, а должны служить возбудителями деятельности разума и вызывать на основании этой деятельности волевые отправления; эти последние будут уже явления, не наблюдаемые у животных, а потому собственно принадлежащие к чисто человеческим отправлениям. Волевые проявления человека, направляемые истиной при всех его действиях и отношениях, всегда высоко ценились людьми. Кант говорит: «Воспитание, пример и поучение не могут постепенно возбудить стойкость и постоянство оснований, необходимых для проявления характера; эти последние вырабатываются редко раньше тридцатилетнего возраста и обыкновенно являются вследствие какого-то вдруг прорывающегося взрыва, когда человек, так сказать, пресытился постоянно изменчивым состоянием своего инстинкта». Утверждается же характер, по его мнению, редко раньше сорокалетнего возраста. С этим нельзя вполне согласиться. У ребенка, конечно, не может быть проявления характера; для этого необходимо развитие его самосознания, без чего и характер немыслим. Ребенок еще не отделяет себя от своего тела, по его понятию: «Я семь тело». Необходимо, чтобы человек привык к отвлеченному мышлению, чтобы он понял изречение Сократа: «Мое тело — только мое, но не я сам», чтобы это «я» приучилось управлять своим телом. Можно, понятно, и весь свой век прожить без того, чтобы дойти до такого отвлеченного мышления и самосознания; но чем раньше человек приучается к рассуждению, к выяснению себе правды и к соответственным действиям, тем скорее он может и без резких взрывов научиться направлять свои волевые отправления соответственно установленным им основаниям или принципам.

Все сказанное относится к проявлению характера в истинном, идеальном его виде в нормальном организме. На практике же встречаются люди, которым приписывают обладание характером, но которые его развивали только под влиянием одних внешних условий. Собственно говоря, волевым проявлением может быть только действие по

внутреннему, собственному начинанию человека, т. е. действие не по знаниям, удержанным памятью, а на основании усвоенных понятий и идей. Нельзя говорить о проявлении воли, если стойко и последовательно исполняется внешним способом привитое действие; это будет уже исполнение чужой воли или действие для удовлетворения своих чувствований, стало быть, с эгоистической целью, а такие действия могут быть проявлением разве только внешнего, или физического, характера. Условием для развития такого явления будет какой-либо извне действующий угнетающий момент и физический труд, производимый не по слову, а по показанным приемам, а также какое-либо сильно развитое чувство. Так называемое спартанское воспитание, военная дисциплина, физические меры и, наконец, даже психические или нравственные меры могут являться тормозом инстинктивных стремлений темперамента и приучить человека строго и даже последовательно исполнять известные действия. Во всех этих случаях не только нет личной (самостоятельной) инициативы, т. е. воли лица, а напротив того, она подавлена, и есть только исполнительность чужой воли. Воля есть активное субъективное проявление, или проявление данного лица; будет логической ошибкой, если допустить пассивную волю. В последнем случае можно говорить только о «хотении» и «желании» как о выражении потребностей, связанных с удовлетворением чувственных отправления лица, быстрота и сила проявления которых будет зависеть от его темперамента.

Различие между истинным характером, обусловленным волей, и физическим, или внешним, характером огромное: в первом главным моментом проявления будут выработанные самим человеком условия, а именно его нравственные качества, во втором же — внешние условия, т. е. или сильно развитые чувствования, при устранении или неудовлетворении которых уже нельзя ожидать дальнейшего совершенствования человека, а напротив того, наступает даже ослабление той деятельности, которую он был вынужден проявлять или которую он вообще проявлял. Какие, спрашивается, существуют научные данные для выяснения проявления характера лица? Известны следующие⁵:

1. Всякое возбуждение, идущее извне или от какой-либо части человеческого тела, будет передаваться по существующим проводникам (нервам) только к мозговым центрам. Элементы, которым оно здесь может передаваться, называются чувствительными (сензитивными) элементами. В центрах это возбуждение может по промежуточным (центральному) проводникам передаваться соседним чувствительным элементам и доходить до элементов, находящихся на поверхности полушарий большого мозга, где сосредоточены центры, с которыми связана сознательная деятельность. От элементов этих центров возбуждение может передаваться как другим подобным центрам, так и элементам, от которых идут проводники к двигательным аппаратам тела. Последние элементы называются двигательными

⁵ См.: Вундт В. Исследование деятельности нервов и нервных центров. Ч. 2. Штутгарт, 1876. С. 133—138.

(моторными) элементами.

2. Два одновременно действующих возбуждения могут оказать двоякий эффект: либо возбуждения встречаются в чувствительных элементах и здесь понижают друг друга, или взаимно ослабляются, т. е. производят задерживающее влияние, или задерживающий эффект; либо они встречаются в двигательных элементах и тогда могут слагаться, или суммироваться, т. е. произвести эффект усиленного движения или действия.

Первая часть второго положения согласна с наблюдениями, что два болевых ощущения) вызванные одновременно, ослабляют друг друга или даже совершенно уничтожаются. То же самое замечается и в отношении волевых отправлений: возбудитель, действующий извне или исходящий из самого тела, может быть понижен, или заторможен, одновременно с ним возбужденными волевыми отправлениями, и этим понизится, или затормозится, могущий быть эффект возбуждения. Такой же может быть результат, если возбудителем пробуждаются следы (память) различных мер, которые применялись, или проявлений известных ощущений или чувствований или следы различных вынужденных хотений и желаний. В первом случае, следовательно, необходимо, чтобы были следы волевых отправлений и чтобы они всегда пробуждались с возбуждением каких-либо ощущений и чувствований. Эти же последние поэтому не должны вызывать отраженных, или рефлекторных, движений, а, напротив, возбуждать деятельность разума, и соответственно этой деятельности волевые проявления, и, как результат— действия, строго распределенные по времени.

Такие следы воли, или, по Гербарту, память волн, оставляются только упражнением, т. е. работой, постепенно и последовательно приучающей человека владеть своими ощущениями и чувствованиями, а также направлять свою деятельность к известной, определенной цели. Поэтому целесообразная, разумная деятельность, не дающая развиваться чувственным проявлениям, труд и работа составляют, по-видимому, главные моменты для развития характера человека, т. е. для развития привычки самостоятельно и с энергией проявлять свою деятельность, как умственную, так и физическую, видоизменяя свои действия на основании усвоенных истин и сознательного знакомства с элементами физического труда. Главной целью работы человека над самим собой должно быть возможно большее проявление индивидуальных творческих сил и нравственное самосовершенствование.

Выше уже было сказано, что воля может быть выработана только деятельностью разума и не может состоять в повторении (имитации) знаний, собранных памятью, воспроизводимых по их ассоциации, не усвоенных анализом и не проверенных опытом. Ясно, что для этого необходимо развитие разума, а это возможно только при строгом разъединении получаемых впечатлений по времени и постепенном и последовательном усилении умственной деятельности, как аналитической, так и синтетической, что будет в зависимости от развития типа человека. В самом деле, невозможно допустить проявление нравственного характера у человека лицемерного типа: ложь, обнаруживаемая

им во всех его действиях, не согласима с прямо противоположными истинами, необходимо.. лежащими в основании характера. Точно так же нельзя ожидать проявления характера у лиц заласканного типа: им недостает собственного опыта и инициативы, действия их мало проверены и проявляются по преимуществу под влиянием случайно действующих причин. Проявление характера может быть у лиц честолюбивого и злостно-забитого типов: один дисциплинируется своим желанием первенствовать, другой — внешними унижающими и оскорбляющими его мерами, вследствие чего у него является стремление (вернее, хотение) не отставать от других и защитить недостаточно, по его мнению, признаваемое за ним личное достоинство (самолюбие). Но это будет физический (реальный) характер: свои желания или хотения люди обоих этих типов могут высказывать в очень сильной степени, если для этого у них будут личные основания; без них же они могут проявлять лишь полную бесхарактерность и действовать только соответственно своим чувствованиям. Если, следовательно,

внешние стимулы для проявления желаний или хотений у них существуют, то они в состоянии настойчиво и энергично действовать, хотя деятельность их будет более рассудочная, чем разумная. Они более повторяют заученное и вообще все усвоенное памятью и отличаются небольшой аналитической деятельностью, соответственно своим типичным проявлениям. Лица добродушного типа с развитой деятельностью разума обыкновенно отличаются недостатком своего физического образования; они мало привыкли к настойчивому труду и так же мало привыкли владеть своими чувствованиями, а потому они не в состоянии достаточно проявить свой нравственный характер. Этот последний сильно проявляется, но имеет более личное, менее широкое (в особенности общественное) применение у лиц угнетенного типа.

Так как проявление истинного характера связано с известной степенью умственного и нравственного развития, то понятно, что тип лица составляет некоторое предрасположение к развитию характера; но так как последний складывается главным образом из отношения волевых отправлений к чувствованиям, из умения действовать на основании понятных общих положений и усвоенных элементов физического труда, чем и оттеняется преобладающий у данного лица способ его размышления и действия, то, хотя бы и существовало предрасположение, характер все же не установится, если не будет умения владеть своими чувствованиями, если действия не будут проявляться с энергией и с индивидуальной особенностью. Поэтому необходимо строго отличать тип от характера, как проявления, резко между собой отличающиеся. Понятно, что наибольшее предрасположение к развитию нормального характера должен представлять нормальный темперамент g нормальным типом. Насколько существует приближение к этому темпераменту и типу, настолько вероятно предрасположение к развитию нормального нравственного характера.

Для развития характера в Древней Греции обращали внимание главным образом на умение владеть своими

ощущениями и чувствованиями. Для этого приучали стойко переносить все те чувствования, которые связаны с отправлениями органов растительной жизни, приучали переносить холод, жару и болевые ощущения. Все эти условия имеют особенное значение при воспитании в семье, и на них нельзя не обращать внимания и не выяснить себе истинного их значения.

(...) Чувствования, связанные с отправлениями органов растительной жизни, имеют несомненное отношение к развитию физического характера человека: чем менее они развиты, тем легче человек может с ними справляться и покорять их своей воле; приучившись же справляться с ними непосредственно, он вместе с тем приучается справляться со всеми являющимися у него аналогичными ощущениями и чувствованиями. Что касается полового чувствования, то можно сказать, что чем позже оно возбуждается, тем легче с ним справиться, в особенности если молодой человек уже приучился хоть не сколько проявлять свои волевые отправления. Все эти чувствования, или растительные ощущения, не должны, следовательно, появляться у ребенка в такой степени, чтобы в виде прибавочных раздражений задерживать или затруднять волевые проявления. Каким же образом следует предупреждать их развитие и появление?

Что касается пищи, то необходимо, чтобы в ней отсутствовало все, что может усиливать раздражение, всякие пряные вещества и вообще излишние вкусовые возбудители. Пища должна служить только материалом, необходимым для развития и роста ребенка и восстановления всех его трат, следовательно, должна отличаться своей питательностью и не содержать веществ, не перевариваемых организмом в известный период его развития и вызывающих своим качеством или количеством прибавочные ощущения. После, в частном отделе, будет разбираться вопрос о более выгодном способе питания ребенка, и поэтому теперь не будем входить в подробности. То же можно сказать и в отношении питья, воздуха, одежды и т. п. При выяснении значения всех этих условий необходимо, кроме того, помнить, что чем более ребенок привязан к известному лицу и чем более его ценит, тем более имитирует его действия, в особенности если он не привык еще рассуждать над получаемыми впечатлениями.

Кроме чувствований, соединенных с отправлениями органов растительной жизни, на развитие физического характера ребенка влияют еще и многие другие, условия, как, например, различные развлечения, рассчитанные на сильное впечатление для взрослого, в которых часто принимают участие и дети (балы, вечера, театры и другие публичные развлечения); они сильным своим впечатлением являются опять же прибавочными раздражителями, с которыми трудно бороться ребенку. Справиться с ними, отнестись сознательно и овладеть возбужденным ими чувствованием он может только тогда, когда уже приучился управлять собой. Точно такое же значение имеет привычка постоянно находиться в возвышенной температуре, причем последняя является также прибавочным раздражителем относительно средней температуры помещения (около 14°C). Постепенно и последовательно приучая ребенка к

деятельности как при пониженной, так и при возвышенной температуре, можно приучить его справляться с температурными влияниями, что невозможно при постоянно однообразной возвышенной температуре. Все эти условия имеют, без сомнения, огромное значение при развитии характера ребенка, и ими, как уже выше было указано, пользовались в древности и достигали несомненных результатов.

Существенным условием для развития характера, кроме того, будет еще труд, последовательная серьезная работа с достижением определенной цели, несмотря ни на какие препятствия. Если школа может влиять на развитие характера ребенка, то это можно ожидать главным образом от систематически направленных занятий, приучающих простейшим путем справляться с препятствиями. Понятно, что эти занятия не могут состоять исключительно только в умственной работе, а непременно должны заключаться также в равной мере и в физическом труде. Последний должен научить молодого человека управлять своим организмом, причем он должен приучиться как к определению пространственных отношений, так и к распределению своей работы по времени и таким образом познакомиться с элементами всякой простой работы. При всякой сознательной, целесообразной работе необходимо настолько владеть собой, чтобы простейшим путем в возможно меньший промежуток времени достигнуть определенной цели. Следовательно, здесь необходимо умение сосредоточивать свое внимание, а также направлять свою деятельность к достижению намеченной цели. Здесь поэтому существуют все условия для того, чтобы научиться управлять своими ощущениями и чувствами, что именно и требуется для развития характера человека.

Физическое образование, обыкновенно называемое гимнастикой, оставлено педагогами совершенно без всякого внимания, что можно объяснить только их незнанием со строением человеческого организма и тесной взаимной связью между всеми его отправлениями. Они полагают обыкновенно, что для умственного образования необходимо возможно большее накопление знаний, что нравственное воспитание можно вести наставлениями и выговорами, а физическое образование—случайными упражнениями на каких-либо гимнастических аппаратах под руководством совершенно не подготовленных к педагогической деятельности лиц. С такими мнениями ни в каком случае согласиться нельзя.

Физическое образование ребенка должно быть направлено к тому, чтобы научить его владеть и управлять проявлением своих сил и своими действиями и подготовить ко всякой элементарной работе настолько, чтобы по слову или по написанному наставлению он был в состоянии сделать все ему необходимое. Задачу физического образования так же, как и задачу умственного образования, можно еще определить следующим образом: оно непременно должно содействовать уменьшению произвола в действиях человека и развитию самостоятельности его проявлений. Ребенок должен приучиться владеть собой настолько, чтобы с наименьшей тратой сил производить наибольшую работу в

возможно меньший промежуток времени. Понятно, что эта цель не может быть достигнута случайными движениями и упражнениями на имеющихся в распоряжении гимнастических аппаратах. Здесь должна быть такая же последовательность, как и при умственном образовании, и с соблюдением тех же педагогических оснований, как и в последнем случае.

При семейном воспитании, где нет той теоретической систематичности, которой отличается школа, все только готовят, чтобы потом уже привести в систематическую последовательность. Если при этом воспитании избегают по возможности всего, что содействует влиянию прибавочных раздражений, а затем предоставляют ребенку самому отыскивать себе занятия, то все же оказывается необходимым требовать, чтобы раз начатое дело было непременно доведено им до конца и ранее не было предпринято ничего другого. Все нужное для ребенка, что может быть исполнено им самим и исполнение чего соответствует его умению, должно быть предоставлено его самостоятельности: такая мелкая работа, по возможности точно исполненная, доставляет обыкновенно ему удовольствие, всего лучше подготавливает к более сложной деятельности и придает ему известную уверенность в своих силах. Чем более он делает себе сам все необходимое, чем раньше являются у него известные обязательства, даже ответственность в действиях, тем внимательнее он будет относиться к своим занятиям и тем точнее он будет их исполнять. При всем этом он должен действовать по возможности не по частным указаниям для каждого отдельного случая, но непременно по собственной инициативе или только по кратко и просто выясненным ему общим положениям. Никогда и ни в каком случае не следует ребенку показывать приемы какой-либо работы, все он должен делать по слову и выяснению. В последнем случае необходимо только начинать свои выяснения с приема, ему уже известного, и затем с последним логически связать неизвестное. Показанный прием перенимается ребенком и может быть повторен им совершенно механически: он мало сосредоточивает на нем внимание и поэтому недостаточно сознательно его воспринимает. Между тем как, прислушиваясь к выяснению этого приема, он должен представить себе сначала все по полученным звуковым впечатлениям, а затем уже действовать соответственно этому сознательному умственному акту, видоизменяя при этом знакомый ему прием, смотря по полученным им новым представлениям. При этом деятельность его гораздо более разъединяется по времени; на ней сосредоточивается большое внимание, и происходит более сознательное направление его действий. Все это будут самые главные условия для того, чтобы лучше управлять своими ощущениями и чувствами и чтобы приучиться к волевым проявлениям.

Обыкновенно слишком опасаются всяких препятствий, которые ребенок может встретить при своей деятельности, и поэтому стараются устранить их и облегчить ему работу. Этим, напротив, совершенно уничтожают то, чего желали достигнуть данной работой, а именно умение преодолевать препятствия. Если ребенку показать какой-либо предмет, то

он при этом может усвоить себе только форму этого предмета, но не может составить понятия об этой форме и понятия о самом предмете. Напротив того, если возможно просто и доступно выяснить ему предмет одними только словами, так что сначала он себе представит этот предмет из выяснения, а затем уже показать ему его для проверки составленного им представления, то тогда он может себе составить понятие о самом предмете и его форме.

В первом случае у ребенка нет акта сознательного представления по слуховым впечатлениям, который именно и является для него главным моментом, требующим всего более напряжения и всего более способствующим проявлению умственных, а также волевых его отправлений; облегчать его или избегать, следовательно, ни в каком случае не следует. Твердость, решительность и последовательность в действиях развиваются главным образом при стойком преодолении встречающихся препятствий, которые поэтому и не следует обходить какими-либо путями. Затруднения, являющиеся при умственной работе, часто обходятся памятью, сильное развитие которой всегда связано с соответственным недостатком аналитической деятельности. Ребенок стремится всегда достигнуть определенной цели возможно легким способом; если поэтому у него какая-либо способность сильно развита, то он всегда и будет пользоваться ею. При сильно развитой памяти он скорее и легче всего может все усвоить ею и поэтому всегда будет избегать более трудного и продолжительного усвоения анализом, требующим большого распределения производимой работы по времени. Точно так же если ему прямо показать какой-либо прием, то он его механически повторит как более легкий способ производства, чем представление себе по слову и действие соответственно этому представлению. Гораздо выгоднее для ребенка, если все предметы своих занятий или развлечений он сам себе приготовит, чем если ему поднести приготовленные и различным образом украшенные игрушки с различными непонятными для него механизмами и превращениями; они только поразят его, и он их сейчас же разломает, чтобы доискаться причины замечаемых им явлений. Разломанная игрушка не выяснит ему тайны замеченных им явлений, и сам предмет потеряет для него всякое значение. Между тем как то, что он сам сделал, известно ему во всех подробностях, и созданное им целое сохраняет для него свое значение как результат собственного труда, вполне выясненного и усвоенного.

Главные препятствия, всего труднее преодолеваемые человеком, это — чувственные его стремления, зависящие, как уже выше сказано, от тепловых сил, растительных ощущений и чувствований и проявляемые смотря по его темпераменту. Умение преодолевать препятствия, порождаемые организмом, именно и состоит в сознательном направлении этих сил и возбуждаемых ими ощущений и чувствований и в дисциплинировании своих действий. Всякая работа, состоящая в преодолении ряда препятствий, приучает поэтому ребенка всего вернее, к управлению собой; необходимо только, чтобы эти препятствия постепенно росли и усложнялись и чтобы в преодолении их принимала участие как умственная, так и физическая его энергия. Если ребенок приучился управлять своими действиями, то

необходимо еще условие, под влиянием которого эти его действия проявлялись бы в определенном направлении: это — понятие о правде, которой он должен руководствоваться во всех своих действиях. Это выработанное им понятие о правде должно у него привычно возбуждаться каждым действующим на него раздражителем и направлять каждое его действие. Все эти привычки должны быть усваиваемы при семейном воспитании ребенка и должны ложиться в основание развития нравственного характера человека (...)

Тип ребенка находится в зависимости от умственного его развития и выяснения им себе понятия о правде. Наконец, характер складывается из отношения волевых проявлений к ощущениям и чувствованиям (т. е. умения размышлять и действовать не по заученным правилам и инструкциям, а по общим положениям и истинам, а также по усвоенным общим способам деятельности) и направления действий по выработанным им нравственным основаниям. Следовательно, темперамент находится в зависимости от гигиенических условий, при которых ребенок зарождается, растет и формируется; тип—от влияния окружающей среды и разнообразия впечатлений, которые он получает и усваивает; характер — от умственной и физической самодеятельности и умения преодолевать препятствия на основании усвоенных общих положений и истин, а также общих способов действий, а нравственный характер — еще от постоянного руководства принципом правды при преодолении этих препятствий.

Характер, говорят обыкновенно, развивается только при борьбе и затруднениях, и часто полагают, что без такой борьбы и не может быть характера. Это верно в том отношении, что первоначально приходится бороться человеку с собственными слабостями, недостатками и привычками, приходится не только не удовлетворять своим ощущениям и чувствованиям, но и превращать их в нормальных возбудителей своей деятельности, затем продолжать эту борьбу в виде умственной и физической работ, проверяющих, дополняющих и направляющих друг друга. Все, что приходится усвоить возможно более самостоятельной работой, всего сильнее влияет на развитие характера, так как при этом наиболее приходится следить за всеми своими действиями и владеть своими ощущениями и чувствованиями. Самостоятельность действий составляет при этом, понятно, очень существенное условие, ибо только в этом случае действию предшествует сознательная умственная работа, которой и направляются волевые отправления {. . .)

Всякое инстинктивное стремление, зависящее от темперамента, отличается своей шаткостью, изменчивостью и случайностью: оно находится в полной зависимости, например, от барометрического давления воздуха, от качества принятой пищи, от неудовлетворения какого-либо возбуждения. Ощущения и чувствования должны являться возбудителями сознательных и волевых отправлений, но они не могут быть непосредственными руководителями действий человека, иначе он оставался бы на уровне растения и разве возвысился бы только до уровня животного, но никогда не дошел бы до уровня человека, умеющего создавать себе идеалы и стремящегося приблизиться к ним. С

первого момента внеутробной жизни необходимо избегать применения внешних прибавочных возбудителей, для чего необходимо понимание природы ребенка и терпеливое к нему отношение.

При первоначальном воспитании всего нагляднее можно видеть все значение серьезно образованной матери. В самом деле, что может быть выше и ценнее умной матери; можно сказать, что уровень развития общества находится всегда в прямой связи и прямой пропорциональности с уровнем развития женщины. Чем выше образование женщины, тем серьезнее может быть направлено семейное воспитание ребенка, имеющее, без сомнения, самое серьезное значение для всей жизни человека. Естественной руководительницей ребенка является прежде всего мать. Разумность и высокое образование женщины всего сильнее будут влиять на развитие и образование нравственного характера ребенка. Только такая женщина, никогда не допуская произвола, лжи или оскорбления ребенка, будет в состоянии содействовать умственному его развитию и установлению его нравственного характера. Она не будет ограничиваться внешностью, а вовремя сказанным словом и разъяснением сумеет поддержать активную деятельность ребенка, а также будет содействовать усвоению им понятия о правде. Она не будет поддерживать его чувственных проявлений, а будет непременно содействовать развитию сознательной его деятельности.

При выяснении условий развития типа было сказано, что необходимо предоставить ребенку самому наталкиваться на окружающие его явления и выяснять себе их значение. Относительно развития характера теперь следует прибавить, что для этого необходимо: поддерживать постоянную активную деятельность ребенка, также с его собственной инициативой, но только чтобы все делаемое было им исполнено по возможности полнее и окончено, т. е. чтобы производимое действие непременно было доведено до конца. Все это должно быть исполнено по усвоенной привычке, без нарушения доброго отношения к ребенку со стороны матери или воспитателя. В сказанном необходимо придерживаться строгой последовательности и не допускать ни малейшего произвола. Необходимо помнить, что содействовать развитию характера ребенка возможно только при умении владеть собой и при вполне сознательном отношении к своим действиям.

Из всего сказанного об условиях развития характера оказывается, что самым существенным моментом будет привычка справляться с встречаемыми препятствиями на основании усвоенных общих истин и положений, а также покорять свои чувствования, которые должны являться нормальным возбудителем сознательной деятельности. Всего более эти условия выполняются при настойчивых упражнениях в самостоятельной деятельности, как умственной, так и физической. Необходимо, чтобы действия были целесообразны, сознательны и составляли результат волевых проявлений. Особенное значение при этом имеет, без сомнения, всякая последовательная физическая работа, и это тем более, чем более она является результатом умственной работы или служит для проверки последней. Всякая подобная

физическая работа требует последовательности действия, настойчивости, умения владеть своими силами и проявлять их соответственно силе препятствия, которое приходится преодолевать. Систематическая подготовка к такой работе принадлежит школе, где физическое образование наряду с умственным должно подготовить занимающегося ко всякой элементарной работе, к умению по слову или написанному правилу приступить ко всякому делу и к исполнению всего необходимого в жизни. В семейной жизни ребенок должен быть постоянно активным: сам должен отыскивать себе занятие, уметь ограничивать свои потребности и по возможности сам исполнять все нужное. Практическая школа, или жизнь, при привычке держаться правды и не опасаться труда всего более содействует развитию характера в борьбе с нуждой и лишениями. Но такие условия действуют угнетающим образом на умственную деятельность и этим нарушают гармонию, последовательность и нормальность отправлений. В ожесточенной борьбе отсутствует постепенность, поэтому развивается крутой, суровый нрав, действия недостаточно распределены по времени, нет умения тонко разъединять (дифференцировать) и эстетически проявлять свои действия; нет той чуткости, предупредительности и внимательности (деликатности), которые характеризуют идейную любовь и привязанность. Систематическая (или теоретическая) школа должна бы содействовать развитию характера полным соответствием между умственным и физическим образованием, приучая серьезно работать и не отступать от усвоенных истин, привычно связываемых со всяким размышлением и действием. Такое соединение задач образования и воспитания, однако, трудно выполнимо в школе; это возможно разве только при почти идеальном понимании и выполнении своих обязанностей со стороны преподавателя, умеющего увлечь слушателей своим предметом и приучить их к самостоятельной проверке своих знаний, при этом необходимо тесное и хорошее товарищество. Все это настолько не выполняется обыкновенной школой, что условия, возбуждающие здесь к деятельности, более влияют на развитие типа, чем характера лица. Энергия, настойчивость и самостоятельность действий, составляющие самые существенные признаки проявления характера, возможны только при вполне сохраненной впечатлительности и умении вполне владеть собой и направлять свою деятельность. Для развития же нравственного характера человека необходимо еще, чтобы всякая его деятельность соединялась (ассоциировалась) с направляющим влиянием вполне усвоенных истин и полной правдивостью как в своих размышлениях, так и в своих действиях. В том и состоит главное отличие типа от характера лица, что в типе видно, преимущественно влияние окружающей среды на умственное и нравственное развитие ребенка, а в характере — самостоятельность, видоизменение и применение к жизни всего усвоенного образованием и стойкое следование твердо установленным основаниям, или принципам, никогда не расходящимся с правдой.

До сих пор еще очень распространено мнение, что всякое следование своим чувствованиям и инстинктивным влечениям всего менее ломает натуру человека и составляет явление естественное. Затем часто приходится слышать

даже от педагогов-практиков, что нравственное воспитание, т. е. воспитание нравственного характера лица, может быть проведено наставлениями, выговорами, советами. Такие мнения очень нетрудно опровергнуть. Растительные чувствования и так называемые инстинктивные влечения являются результатом раздражения, передаваемого со стороны растительных органов центрами сознательной деятельности. Здесь они возбуждают обыкновенно не мыслительную деятельность, а только хотения и желания, которые ведут к животному удовлетворению этих чувствований, т. е. только к растительным или животным проявлениям организма, выражающимся обыкновенно только отраженными (рефлекторными) действиями. Руководствоваться, следовательно, в своих действиях одними растительными чувствованиями, или так называемыми инстинктами,— значит оставаться исключительно в состоянии животного и не возвышаться до разумной жизни, характеризующей человека и действительно содействующей его совершенствованию. При нормальных условиях ощущения и чувствования должны являться возбудителями сознательных отправлений, выразителями которых явятся уже волевые действия. Только в таком случае «я» будет объективно относиться к своему телу, направлять деятельность человека и уменьшать произвол в его размышлениях и действиях; иначе нельзя себе представить человека как сознательного члена общества, нельзя допустить самосовершенствования человеческого общества. Только развитием сознательной деятельности возможно дойти до отвлеченного мышления, до создания идеалов и стремления к их достижению как существенной цели жизни. Чувственные потребности всегда отличаются тем, что при своем удовлетворении они легко доводят до насыщения и даже до пресыщения и отвращения и затем требуют более сильного возбуждения, иначе вызывают апатию, всегда связанную с понижением чувствительности, следовательно, с ослаблением жизнедеятельности человека. Все чувственные возбуждения подлежат поэтому, как уже выше сказано, психофизическому закону: для того чтобы чувствование росло в арифметической прогрессии, раздражение должно усиливаться в геометрической прогрессии. Умственная же деятельность тем и отличается, что она никогда не может дойти до полного своего удовлетворения, следовательно, не может быть ни пресыщения, ни отвращения; напротив того, с постепенным и последовательным возбуждением ее открываются все новые интересы, привлекающие своим разнообразием, логической связью и глубиной мысли. Идеальная жизнь настолько богата внутренним своим содержанием и видоизменениями, что о границе ее, следовательно, о пресыщении ею не может быть и речи. Только она заставляет отыскивать основания своих действий внутри себя, знакомиться с собой, с достоинствами и качествами своего «я»; этим обращением к своим действиям человек и научается ценить идейную жизнь и ее значение выше эгоистической, реальной, животной жизни. Без идейной жизни невозможны волевые проявления, а следовательно, невозможны и проявления истинного характера лица. Направляющим моментом при проявлении такого характера будут определенные положения, или истины, настолько усвоенные человеком, что они привычно связываются

(ассоциируются) с каждым ощущением и чувствованием.

Теперь относительно второго мнения. Понятно, что нравственное воспитание ребенка, при котором у него складывается понятие о правде, не может состоять из наставлений, советов, выговоров, делаемых ребенку. Всего сильнее влияют на ребенка, конечно, примеры из его семейной жизни, а затем и совершенно объективное выяснение общих положений, логически следующих из вполне знакомых ему фактов. Наиболее выгодным оказывается, если такие общие положения выводятся при систематическом преподавании, если они не связаны с частными случаями, допускающими часто сомнения в объективности выводов. При всем этом необходимы еще доверие и уважение воспитанника к преподавателю и умение последнего выводить общие положения просто, понятно и в полной логической связи. Одни же шаблонные указания и советы воспитателей и наставников обыкновенно остаются без всякого влияния, во-первых, вследствие своей случайности и поэтому недостаточной логической связи с фактическими знаниями ребенка; во-вторых, часто от недостаточной своей объективности и убедительности для ребенка, легко поддающегося внушению; в-третьих, вследствие обыкновенно допускаемых выводов, более или менее оскорбительных для ребенка и поэтому уничтожающих всякое на него влияние, и в-четвертых, от частого повторения и однообразия, действующих утомляющим образом. Кроме того, за нравственное воспитание обыкновенно берется всякий, несмотря на собственные свои недостатки и отсутствие требуемого для этого образования и опыта, а часто даже несмотря на недостаток правдивости и искренности в своих отношениях к детям и вообще к делу. Во всех подобных случаях о нравственном влиянии не может быть и речи, а напротив того, высказанные наставления и советы имеют даже неблагоприятное значение, потому что вызывают ряд рефлекторных явлений со стороны ребенка или притупляют его впечатлительность к слову наставника и этим понижают влияние и значение последнего. Во всяком случае, нравственный характер лица складывается всего позже и только при установившемся понятии о правде, когда оно настолько уже утвердилось, что является привычным регулятором при всех размышлениях и действиях человека. Этому необходимо должна предшествовать самостоятельная психическая работа, приучающая человека относиться с полным самосознанием ко всем появляющимся у него ощущениям и чувствованиям и всегда контролирующая его действия сложившимися понятиями о правде. И это самосознание, и эти понятия не могут быть усвоены путем внешних влияний, а могут составлять только результат анализа его собственных проявлений и действий.

Нравственный характер лица может развиваться, без сомнения, и на основании наблюдений, опытности и рассуждений, т. е. практическим путем, но только за счет глубины и широты понимания истины. Такое явление нередко приходится наблюдать и у молодых людей, в особенности страстно увлеченных каким-либо учением, из которого они почерпают основания как для выяснения себе истины, так и для руководства в своей практической деятельности. Но

дело в том, что когда нравственный характер лица развивался под влиянием постоянной активной самостоятельной деятельности, постепенно развивающейся привычки владеть своими ощущениями и чувствованиями и систематического развития отвлеченного мышления и понятия о правде, следовательно, при возможно более широком умственном развитии и наибольшей самостоятельности в своих проявлениях, тогда, понятно, и деятельность такого лица должна быть полнее, шире и настойчивее. Сектанты же или увлеченные каким-либо учением, развивающие свой характер только на основании наблюдения и опыта, следовательно, практическим путем, никогда не будут отличаться той широтой рассуждения и деятельности, как в первом случае; их идеалы уже, они усвоены ими по выяснению или учению других, здесь, следовательно, должно быть менее самостоятельных проявлений, деятельность должна быть уже и основы менее тверды. И в том и в другом случае главным задерживающим и направляющим, или руководящим, моментом при действии лица будут усвоенные истины и понятие о правде, причем слагается объективное отношение личного «я» к нашим ощущениям, чувствованиям и стремлениям.

Таким же задерживающим моментом могут быть личные, или эгоистические, требования лица или же внешнее влияние в виде различных мер и преследований. Честолюбивый ребенок строго следит за своими действиями и в состоянии удерживать и направлять их, смотря по своим требованиям и нуждам, но все это только до тех пор, пока его личные стремления и выгоды побуждают его к этому; как скоро у него таких побудительных причин нет, он становится апатичным и маловпечатлительным. То же самое замечается во всех случаях, где нет идейных руководящих оснований, а есть только личные мотивы, являющиеся прибавочными возбудителями активных действий, даже стойких и последовательных, продолжающихся, однако же, только до удовлетворения этих прибавочных возбудителей или мотивов. Это, следовательно, только относительное проявление характера, нестойкое, ненадежное, всегда изменяющееся вместе с изменением условий деятельности и отсутствием личных реальных выгод. Здесь нельзя говорить об отношении волевых проявлений к чувствованиям, ибо собственно воли, направленной истиной, нет, а есть односторонне развитое чувствование; вся деятельность лица обуславливается желанием поддерживать и удовлетворять это чувствование. Одностороннее сильно нарастающее чувствование является в таком случае возбудителем, направляющим деятельность человека; такой реальный, или чувственный, характер складывается, следовательно, из отношения сильно развитого желания, могущего возрасти до страсти, к остальным ощущениям и чувствованиям. Этот вид мнимого характера встречается всего чаще и может настолько походить на истинный, что всеми обыкновенно и признается за истинный характер. Узнается он только в таких случаях, когда личные, эгоистические стремления не удовлетворены, оскорблены или когда нет благоприятных условий для их возбуждения. Вместо прежней силы и энергии является апатия, погоня за переменой впечатлений, и взамен неудовлетворенного чувствования или развившихся личных потребностей замечается

отыскивание различных прибавочных раздражителей, как карты, вино и тому подобные возбуждающие средства. Нет большей муки, как апатия и отсутствие руководящих моментов для деятельности; понижается вся жизнедеятельность человека, и он сам порой замечает свое разложение и распадение.

Наконец, тормозящими, или задерживающими; условиями могут еще являться и внешние меры, психические или физические. Такие внешние дисциплинирующие меры всегда сводятся к тому, чтобы более сильными ощущениями или чувствованиями затормозить действия ребенка или направить их известным образом. Меры эти могут состоять в сильных слуховых впечатлениях, в наставлениях, выговорах, в болевых ощущениях, вызываемых различными положениями тела наказываемого или телесными наказаниями, в оскорблении словом или действием, в арестах или лишениях и т. п. Во всех этих случаях полагают, что принятыми мерами направляют нравственное развитие ребенка и содействуют развитию его характера, т. е. приучают сдерживать свои рефлекторные действия и владеть своими чувствованиями. Относительно сильных раздражений, или возбуждений, можно сказать, что они понижают или останавливают рефлекторные явления и вообще действуют задерживающим (тормозящим) образом на действия лица; этим объясняется влияние всяких физических и нравственных оскорблений и мер, так часто применяемых для дисциплинирования и даже, как говорят, для направления нравственного развития ребенка. Такими мерами и способами можно только понизить впечатлительность ребенка, а ни в каком случае не содействовать проявлению его самостоятельности и развитию у него нравственных качеств (...)

Если при умственном образовании усваивались не одни только знания, а умственная работа была настолько разъединена по времени, что развилось отвлеченное мышление, усвоились общие понятия и истины, то, несмотря на то что поняты элементы, из которых эти истины слагаются, а также способы, при посредстве которых, руководствуясь этими истинами, возможно выяснить себе частные явления, все же необходимо еще, чтобы они были проверены наблюдением и жизненным опытом, иначе эти истины не будут служить основанием самостоятельных, индивидуальных проявлений человека. Истины, усвоенные памятью и не проверенные опытом, при изучении которых, следовательно, не были проложены пути к тем сознательным центрам, деятельность которых необходима для их самостоятельной выработки и проверки, не могут еще ложиться в основание действий человека и служить основанием волевых его отправления, так как для этого необходимо полное их усвоение, необходима подготовка, которой уясняется все их значение и применяемость.

Характер в отличие от типа должен выражаться индивидуальными, субъективными проявлениями воли, следовательно, не заученным или повторенным (имитированным) действием, а самостоятельным видоизменением понятого и вполне усвоенного. Для развития характера необходимо поэтому усвоение общих положений и истин,

необходима наблюдательность и опытность, умение на основании их действовать и проявлять в своей деятельности свое личное, индивидуальное участие, умение видоизменять свои действия, смотря по волевым своим отправлениям и условиям, при которых приходится их проявлять. Ошибки, неудачи, лишения, а также всякие случайности должны только увеличивать опытность и содействовать совершенствованию человека, ни в каком случае не понижая его деятельности и не вызывая у него бездействия и апатии. Совершенствование возможно только при объективном отношении к требованиям своего организма и ко всем своим действиям. Между тем это именно условие чаще всего отсутствует. Типичные проявления и стадность обыкновенно доходят до того, что человек нуждается в готовых формах и приемах не только для одежды, молитвы, украшений и развлечений, но даже для речи, письма, для своих душевных проявлений и выражений. Мода предписывает часто невозможные и вредные уродования тела; она часто превращает человека в движущуюся вешалку, в потерявший человеческий образ манекен, и обыкновенно даже преследует людей, не следующих моде и отличающихся простотой и непосредственностью своей внешности и своего обращения. Внешность и мишурное приличие, ложь и лицемерие, поддерживаемые типичностью и стадностью, всего вернее уничтожаются развитием нравственного характера лица, индивидуальными, самостоятельными волевыми его проявлениями, руководимыми правдой и личной проверкой усвоенных истин. Образование должно развить у человека способность тонко разъединять (дифференцировать) получаемые им впечатления, выяснять истину и сознательно, просто и целесообразно действовать, чтобы индивидуальным видоизменением своих действий и даже творчеством он всегда мог самостоятельно проявлять свою деятельность, свой характер. Только в последнем случае возможны самосовершенствование и разумная жизнь, исключительно принадлежащая человеку и отличающая его от животного. Самосовершенствование это и будет проявляться в нравственном характере лица, в индивидуальных самостоятельных его действиях, направленных правдой, т. е. правдивостью в своем самосознании и в своих отношениях к другим, принятой в основание всех его размышлений и действий.

На основании всего сказанного об основных проявлениях человека можно прийти к следующим заключениям: 1. Характер лица выражается его умением руководствоваться в своих размышлениях и действиях общими положениями, или истинами, и проявлять на основании их свою индивидуальную, самостоятельную деятельность.

2. Эти общие положения, или истины, вырабатываются либо наблюдением и опытом, либо систематическим образованием, но эти истины должны быть всегда выведены из их элементов и проверены опытом и ни в каком случае не усвоены одной памятью.

3. Для проверки опытом необходимо знакомство с физическим трудом, умение владеть своими действиями и привычка к работе. Сознательно усвоенные общие приемы всякой физической работы должны быть настолько

привычны, чтобы возможно было приступать к проверке известных положений со слов или по писаному наставлению.

4. Сила и быстрота чувствований и действий, проявляемых лицом, суть выражения его темперамента; это проявления бессознательные. От степени умственного и нравственного развития лица зависит его тип, проявления которого общи всем лицам, принадлежащим данному типу, и поэтому отличаются стадностью. Стадность эта тем сильнее будет проявляться, чем более знаний и приемов усвоено только памятью и чем менее они послужили основанием для выработки общих истин и идей для возбуждения отвлеченного мышления.

5. Темперамент, проявляемый бессознательно и находящийся в прямой зависимости от явлений питания и тепловых сил, выражен уже у новорожденного как явление врожденное. Он может со временем измениться от изменений в составе и строении организма, а также направляться характером лица. Тип развивается под влиянием окружающей среды, и проявляемая при этом деятельность (сила) вполне выясняется законами динамики как в умственном, нравственном, так и в физическом отношении. Проявления типа общие (стадные) и соответствуют условиям, при которых ребенок развивался; тип устанавливается во время жизни в семье.

6. Умение проявлять свою волю с личной, эгоистической целью и выгодой, не руководствуясь при этом понятием о правде, выражается физическим, или реальным, характером лица. Умение объективно относиться к своим действиям и отправлениям не связано в данном случае с общими принципами, с отвлеченным идеалом.

7. Индивидуальные, субъективные проявления воли, направленные правдой, выражаются нравственным характером лица. Объективное отношение к действиям и отправлениям своего тела связано при проявлении нравственного характера лица с правдивостью как в самосознании, так и в отношениях к окружающим. Эти качества всегда указывают на выработанный самим лицом отвлеченный идеал и на стремление приблизиться к нему в своих размышлениях и действиях.

8. Характер лица, выражающийся в личной инициативе и самостоятельности, связан с умением объективно относиться к своим чувствованиям и ощущениям и сознательно направлять свои действия. Проявления характера индивидуальны: они могут либо быть направлены к увеличению личного, телесного своего благосостояния (физический характер), либо быть руководимы понятием о правде (нравственный характер). Характер лица развивается всего позже и, по-видимому, только в зрелом возрасте, под конец установления общего образования.

9. Самосовершенствование в строгом смысле возможно только при развитии нравственного характера, ибо только тогда индивидуальные волевые проявления направляются установившимися понятиями о правде как относительно самосознания человека в его размышлениях и действиях, так и в отношениях его к другим.

10. Чем более ребенок во время семейной своей жизни приучился к наблюдению и к самостоятельному труду, тем

более он подготовлен к развитию характера, а привычка его к правде располагает к развитию у него нравственного характера.

II. Ощущения и чувствования должны при нормальных условиях являться естественными возбудителями умственных отправлений и увеличивать энергию их проявления.

12. При воспитании необходимо, чтобы ребенок находился всегда в условиях, при которых он может свободно развиваться: он должен по возможности сам преодолевать встречаемые им препятствия, приучать к постоянной, но не однообразной работе с определенной целью, понимать правду и, кроме прямо к нему обращенного слова, не подвергаться никаким поощрениям или наказаниям.

13. Усваивание и самостоятельное применение общих положений и истин возможны только при постепенном и последовательном выяснении элементов, из которых эти истины выведены, и умении проверять эти истины опытом или существующими научными методами. Истина, усвоенная памятью, никогда не может быть самостоятельно применена на деле. Труд, необходимый для выводов и проверки усвоенных истин, составляет самый главный момент для развития объективного отношения к действиям. Без серьезного труда и работы развитие характера невозможно.

14. Ответственность лица за свои действия должна увеличиваться с развитием способности объективно относиться к своим отправлениям и действиям, а в особенности с развитием нравственного характера лица.

Связь между темпераментом, типом и характером уже выясняется из всего сказанного.

МЕТОД

Необходимо теперь разобрать различные методы воспитания и выяснить, какой метод выгоднее применять в семье и какой — в школе. Главных методов два: один — практический, а другой — теоретический, или систематический.

Практический метод основан, главным образом, на развитии путем наблюдения, размышления над наблюдаемым и получаемой отсюда опытности. При этом необходимо самому наткнуться на явления, самому приискивать толкования их и самому вырабатывать приемы своей деятельности. Опытность при этом вырабатывается неудачами, настойчивостью и усвоением всего добываемого непосредственным наблюдением и проверкой получаемых впечатлений на деле. Способ этот самый трудный, связанный часто со страданиями и лишениями и с большой тратой сил, но при следовании ему развивается способность инициативы в действиях и самостоятельность. Для облегчения затруднений, встречающихся при следовании этому методу, прибегают обыкновенно к наблюдательности и опытности других; но если ограничиваться повторением (имитацией) действий окружающих и тем, что ими проверено, тогда уменьшается

личное понимание, а также самостоятельность проявлений и логическая последовательность деятельности. Это можно, по-видимому, объяснить следующим образом: развитие как умственное, так и физическое состоит, главным образом, в разъединении отдельных представлений и действий и в сравнении их между собой. При стремлении производить эти разъединения собственными силами необходимо знакомиться со всеми отдельными моментами всего акта разъединения, из этих же моментов должно состоять и воспроизведение разъединенного. Сравнениями же подтверждаются верность воспроизведенного, и получаются общие образы и истины; при неполном воспроизведении выводы окажутся неверными или нелогичными, потому что логичность вывода возможна только при полном воспроизведении фактов, находящихся в известной связи между собой. Чем сложнее положение, тем легче заблуждение, ибо тем легче упустить из виду какой-нибудь относящийся к делу факт. Если же знакомиться с результатами наблюдения, с опытностью или работой других в виде уже готовых выводов или произведений, то не будет знания отдельных моментов или приемов их получения или добывания, а потому не будет возможности и видоизменять их, не будет, следовательно, инициативы, самостоятельной и логически последовательной деятельности. Все выводы и положения, которые не связаны в логической последовательности, не могут быть самостоятельно применены или видоизменены, точно так же как невозможно произвести какую-либо работу, отдельные приемы которой незнакомы, если не усвоены элементарные приемы работы, необходимые для подобных или сходных произведений. Поэтому *чем* более усвоены одни только выводы или отдельные приемы, последовательно не связанные между собой, тем меньше наблюдательности и опытности и тем менее возможно ожидать собственной инициативы и последовательного проведения какого-либо дела. Без наблюдательности и опытности возможно только исполнение требований других, точно ими определенных и показанных. Всего выгоднее поэтому может быть применен практический метод развития ребенка таким образом, что ему предоставляют самому преодолевать и справляться со встречаемыми им препятствиями и затруднениями, но не отказывают ему, однако же, в содействии во всех тех случаях, когда ребенок желает проверить свои размышления и действия или же требует указания более простого способа, скорее ведущего к определенной цели. Метод этот выгоден для большего развития личных качеств и способностей ребенка, который при этом при нормальной впечатлительности непременно будет отличаться наблюдательностью и опытностью, т. е. приучится разъединять отдельные получаемые им представления, сравнивать и проверять их впечатлениями, получаемыми различными органами восприятия, а также собственной своей деятельностью.

Систематический, или теоретический, метод развития состоит в последовательном и постепенном переходе от простого к сложному, в разъединении отдельных представлений, сравнении их и в выводе затем общих положений и истин, а также в применении этих положений и истин к выяснению встречающихся явлений. Выработанные и усвоенные

таким образом истины приучают еще проверять, где это только возможно, опытом, или экспериментом, и приложением математических способов проверки. Точно таким же образом систематический метод должен быть применен и при физическом воспитании; именно при разъединении движений на элементарные их формы приучаются соединять простейшие формы движений в более сложные, увеличивая постепенно их силу и быстроту. Затем следует ознакомление с пространственными отношениями и с распределением деятельности по времени, т. е. с элементами всякой простой работы. Теоретический способ должен приучить ребенка к производству как умственной, так и физической работы с наименьшей тратой сил и в наименьший промежуток времени. Этот метод основывается на наблюдениях и опытности всех существовавших до сих пор поколений.

Применение систематического метода при преподавании могло бы указать занимающимся на существование закона однообразия проявлений в природе, а потому и на возможность исследовать и выяснять эти проявления общими способами. Для знакомства с этими способами избираются различные предметы или отрасли знаний, где в систематическом порядке приучаются из получаемых представлений добывать общие положения и истины и применять их к выяснению встречающихся в жизни явлений. Истина должна быть проверена опытом, а по возможности и приложением математических методов. «В опытном знании ум должен доискиваться причины вещей не прежде, чем имеет свидетельство фактов, — не должен отвергать факты потому только, что не может оправдать их умозаключением»

17. Знакомство с этими методами и умение прилагать их дают возможность сравнением получаемых реальных представлений получать отвлеченные понятия более достоверные, потому что проверками они по возможности лишены произвола и случайности. Отвлеченное же мышление составляет, без сомнения, высшую способность человека, отличающую его от животного; только оно дает возможность сосредоточивать внимание на замечаемых отклонениях от данного общего образа, вследствие чего человек точнее знакомится с встречающимися явлениями; только оно дает критерий для их выяснения и для проверки положений и выводов. При отвлеченном мышлении умственная деятельность, действительно, так сосредоточена и широкообъемлюща, что этим путем возможно произвести наибольшую работу в наименьший промежуток времени.

Применением практического метода развития получается меньшая последовательность, а поэтому и меньшая глубина мысли; здесь возможна большая произвольность выводов, потому что они недостаточно проверены и установлены; кроме того, чем меньше при нем пользоваться опытностью других, тем более он потребует времени и все же легко может довести до неточных или даже ложных положений. Практический метод никогда не в состоянии довести до такой глубины мысли и так проверить мысль, следовательно, придать ей такую достоверность, как применение систематического метода. Систематический метод требует для своего применения уже некоторой подготовки, возможно

больше материала, собранного наблюдением; он тогда легче применяется, и этот материал приводится им в цельную систему. Поэтому при семейном воспитании гораздо выгоднее применять исключительно практический метод, не отказывая при этом ребенку в участии и содействии во всех тех случаях, где они, по заявлению ребенка, окажутся необходимыми. Систематический, или теоретический, метод необходимо применять в школе, и полным усвоением его и умением применять его оканчивается общее образование человека, а широкое применение его при решении известных частных вопросов будет уже задачей специального образования.

Школа всегда представляет некоторые невыгодные условия для воспитания, главное, что в ней обыкновенно недостаточно индивидуализируют каждого отдельного ребенка, вследствие чего он повторяет, или имитирует, за товарищами все то, что он не был в состоянии усвоить самостоятельно. Это повторение понижает самостоятельные проявления ребенка и содействует развитию стадности на счет развития личных его способностей. Кроме того, всякая заученная методика, которая буквально применяется в школе при преподавании, есть несомненно мертвый шаблон, не приспособленный к личным качествам ребенка и поэтому положительно вредный. Помимо того, у преподавателей легко является постоянное стремление производить свои занятия более легким путем, а именно передачей занимающимся знаний, а не способа, ведущего к пониманию и к умению применять их к выяснению встречающихся явлений. Все это, вместе взятое, понижает личные проявления занимающегося, понижает его впечатлительность и уменьшает его способность к самостоятельному умственному развитию. Это заставляет не торопиться с помещением ребенка в школу, надлежит же делать это только тогда, когда ребенок уже в семье приучился наблюдать и уже приобрел известную опытность, содействующую установлению его типичных проявлений и выгодно влияющую на развитие его характера.

Попытки систематизировать семейное воспитание, или собирать детей в школу с того момента, как они начинают ходить, как это делается в так называемых детских садах Фребеля, оказываются невыгодными. Впоследствии будет доказано, что вся эта система основана на совершенно произвольных рассуждениях и везде проглядывает недостаточное знакомство с природой ребенка и с условиями психического его развития. При последовательном анализе ребенка придется остановиться еще над этой системой и выяснить ее значение. Оставляя, следовательно, теперь в стороне все применяемые здесь приемы, можно сказать, что преждевременное форсирование развития наблюдательности и опытности детей рутинным способом, путем собирания их в школе, оказывается положительно невыгодным; это содействует развитию в них имитации и стадности и противодействует всяким самостоятельным проявлениям. Обычный способ подготовки лиц, знакомящихся с приемами этого метода, вводит только ряд совершенно неподготовленных и обыкновенно даже малоразвитых молодых людей в такое в высшей степени серьезное и важное по своим последствиям дело, как воспитание малолетних. При этом они бывают снабжены только известными приемами,

которыми они наделяют всякого встречного ребенка, требуя от него повторения их в таком же порядке, как это им самим сказано и показано. Насколько может быть полезно распространение неосмысленных шаблонов, понятно каждому, имеющему какое-либо отношение к воспитанию.

Практический метод, дающий возможность всего лучше и свободнее развивать способности и личные проявления ребенка, содействующий развитию наблюдательности и опытности его, должен, без сомнения, пользоваться преимуществом в семейном воспитании, и это до тех пор, пока не установится тип ребенка и некоторые черты самостоятельных его проявлений, что может быть около восьми- или десятилетнего возраста.

Мнение, что в школе необходимо усвоить возможно больше знаний и фактов, а способ усвоения их может быть оставлен в стороне, совершенно неверно. Умственное и физическое развитие ребенка, развитие его творческих сил идет очень медленно и не легко дается. Однообразные действия скоро его утомляют; это утомление связано с появлением неприятных ощущений и чувствований или страданий, отталкивающих ребенка от продолжения занятий и даже содействующих понижению его деятельности. Между тем при развитой наблюдательности и известной опытности всегда легче усвоить себе аналитический метод и проверку его опытом. Способность же выяснить себе встречающиеся явления на основании усвоенных истин и проверять по возможности свои положения приложением математических методов приучает занимающегося к точности, ясности, основательности, последовательности и строгости мышления (Бенеке) и действий. Развить у человека такие привычки и способности нелегко, здесь нельзя удовлетвориться только указанием или выяснением метода, а необходимо на деле настолько усвоить себе его применение, чтобы постоянно им пользоваться во всех- отношениях к окружающей среде. Это возможно только при упражнении и постепенном и последовательном осложнении при его применении, для чего необходим материал, состоящий из представлений, возбуждаемых извне. Поэтому применение систематического метода как главного предмета преподавания невозможно без соответственного увеличения знаний, без наблюдательности и опытности.

На основании закона однообразия проявлений в природе выработанный до настоящего времени систематический метод должен быть применяем во всех случаях преподавания или изучения какого-либо предмета или явления. Для наипростейшего и кратчайшего выяснения явлений неорганического мира, растительных, животных. и психических проявлений человека, а также всех видов общественных проявлений — везде должны быть положены в основание общие истины и законы, а также должны быть применяемы общие методы их изучения. Достаточно поэтому познакомиться с приложением систематического метода при изучении некоторых предметов, чтобы затем уметь прилагать его к выяснению и других предметов и явлений. Без привычки применять этот метод все усвоенное памятью, даже всякое положение, истина или учение могут быть применяемы только в известном, указанном частном случае;

такие знания останутся без всякого влияния на самостоятельные личные проявления или же на проявления каких-либо творческих сил.

Лица, набравшиеся только различных знаний, выводов и результатов различных учений и не знакомые с методами выработки их, всегда отличаются большой самоуверенностью и даже нахальством: они быстро все решают на словах, все знают и за все берутся без учения и труда, постоянно глубокомысленно не соглашаются с мнениями других и высказывают свои сомнения; сделать же что-либо, серьезно провести или доказать какую-либо мысль они никогда не в состоянии, они совершенно не способны к отвлеченному мышлению, равно как и не в состоянии относиться серьезно и с действительным участием к какому-либо делу, требующему анализа и понимания. Причины таких явлений не трудно выяснить: при усвоении только одних выводов и положений неизвестны отдельные составные части, из которых данное положение получено, поэтому и применение его оказывается невозможным. Кроме того, изучение метода и самостоятельное применение его требуют много настойчивости, труда и времени, усвоение же памятью готовых выводов и учений гораздо легче; отсюда является привычка относиться ко всяким выводам и истинам поверхностно и решать все без подготовительного изучения.

Необходимо помнить, что если сознательная деятельность слабо проявляется, то человек только чувствует и ощущает, как это видно у наркотизованного человека, например у опьяневшего; если же в сознании человека собраны только одни представления в виде знаний, то они могут у него пробуждаться только на основании законов механической и логической ассоциации. Первый из этих законов формулируется так: «Если два представления или более даны в сознании одновременно или в непосредственном преемстве, то вторичное появление в сознании одного из этих представлений способствует воспроизведению другого». Второй: «Представления, сходные между собой по своему содержанию, способствуют вызову друг друга в сознании». Такое восстановление собранных знаний, совершенно не направленное никакими идеями или волевыми отправлениями, наблюдается и у душевнобольных, постоянно переходящих от одной ассоциации к другой, смотря по тому, под влиянием какого представления они находятся в данный момент.

То, что замечается у отдельных лиц по отношению к частным явлениям, является также и у ученых по отношению к науке. В так называемых описательных науках, на первоначальной ступени их развития, только описывали предметы, ограничиваясь при этом, главным образом, видом предметов, их формой, положением и т.д. Это—реальный период науки, собирание разъединенных фактов, нет еще отвлечения, нет общих положений и проверки научными методами, нет истин, которые ложились бы в основание действий и применялись к жизни. При изучении так называемых описательных наук, где собраны только одни факты, последние при их повторении обыкновенно только механически

ассоциируются. Понятно, что также механически ассоциированные факты не могут ложиться в основание наших действий и применяться в жизни, потому что их можно ассоциировать впопад, а иной раз и совершенно невпопад.

Примером такого предмета может служить так называемая описательная анатомия. В этом предмете нет общих положений и истин, здесь только собраны факты, полученные при рассечении мертвого тела и настолько разъединенные между собой, что из них не выходит ничего живого. Если инженер осматривает здание, то он в состоянии определить качество материала, из которого здание построено, а также механическое значение соотношения и расположения отдельных частей. Он в состоянии определить пределы деятельности данной постройки и значение нарушения отдельных частей для всей постройки. Ничего подобного не в состоянии сделать занимающийся описательной анатомией: он с цельной постройкой и живой ее деятельностью не имеет никакого дела, и все собранные им факты могут быть только механически ассоциированы и оставаться такими же мертвыми, как и тот труп, из рассечения которого они взяты. При преподавании таких предметов вошло в обыкновение, что лектор для удержания или привлечения слушателей в аудиторию прибегает к различным анекдотам и рассказам, не имеющим ничего общего с преподаваемым предметом и служащим только для прибавочного раздражения. Понятно, что подобный предмет не может иметь никакого применения к жизни; каждый старается отделаться от него возможно легчайшим способом, чтобы потом совершенно забыть о его существовании. В Германии господствовала в свое время хирургическая школа, которая совершенно отвергала анатомию и говорила, что знание анатомии для хирурга вредно, потому что делает его трусливым; ему необходимо только помнить правило: мягкие части режь, твердые — пили, где кровь идет — перевязывай сосуды, и он может производить все необходимые операции. Хотя в настоящее время так откровенно и не говорят, но в сущности думают и поступают так же, и врачи находят возможным оставлять без применения научные методы и ограничиваться только наблюдением и опытностью. Без понимания строения живого человеческого организма, без применения научных методов для исследования его строения, без понимания отвлеченных идей и истин, лежащих в основании этого строения, невозможен научный анализ больного и применение научных методов к выяснению его страданий. Анатомия как наука вместе с физиологией должна ложиться в основание изучения медицины и педагогики и даже всех социальных наук. Что анатомия может быть исследована научными методами, это уже высказал и доказал Биша под конец XVIII и в начале XIX столетия, но, несмотря на это, и до настоящего времени описательная анатомия преподается большей частью в таком же виде, как и до Биша, оставаясь совершенно безучастной к выяснению постройки живого организма и ее значения.

Как общее явление оказывается: чем менее умственно развит человек, чем менее он научился вырабатывать общие законы и истины и применять их, тем более он ограничивается одной внешностью и мелкими частностями, никогда не

будучи в состоянии смотреть глубже, постигать истины и предвидеть явления. Предвидение есть отличительный и неотъемлемый признак понимания. Когда можно предсказывать известные следствия и они случаются согласно этому предсказанию, то можно быть уверенным, что данное положение верно.

Теория только тогда имеет значение, когда она оправдывается на практике, когда она вполне согласна с практикой и служит руководящей нитью и указанием для практики. Без теории невозможна никакая научная деятельность, точно так же без теории невозможна и истинно человеческая жизнь, и практика отдельного лица должна вполне согласоваться и вытекать из теоретических его понятий (...)

УТРОБНАЯ ЖИЗНЬ РЕБЕНКА

Главные условия, необходимые для нормального развития ребенка со стороны матери, — *чистота, сдержанность, деятельная жизнь как в умственном, так и в физическом отношении.*

Чистота является всегда очень существенным условием нормальных физиологических отправлений человеческого организма, так как поверхность тела, средним числом в 15 000 кв. см, принимает также участие в растительных отправлениях тела; чем тело чище, чем менее оно прикрыто продуктами разложения, а также пылью, копотью, смешанными с потом и саловым веществом, отделяемыми находящимися в коже железами, тем деятельность его правильнее и менее отягощает деятельность органов с такими большими поверхностями обмена, как почки, легкие и кишечный канал. Точно так же не следует обтягивать тело шерстяной тесно прилегающей одеждой: недостаток доступа воздуха к поверхности тела не дает возможности удалиться тем газам, которые здесь образуются как продукты разложения. Шерсть, кроме того, своими спиральными нитями более раздражает поверхность тела и менее всасывает продукты выделения, чем, например, льняные нити полотна, которые менее раздражают и скорее и больше всасывают всякие выделения; необходимо только в последнем случае, т. е. при льняном белье, чаще его менять, так как это белье чаще и быстрее набирает продукты разложения. Кроме того, при доступе воздуха к поверхности тела всасываемые бельем жидкие вещества, как, например, пот, испаряются и этим охлаждают поверхность тела, что также требует, чтобы чаще менять такое белье и не давать ему, как говорится, холодить тело.

Развивающиеся молочные железы требуют особенно тщательного ухода, и именно чистоты, а то выделения, которые здесь бывают, в особенности во второй половине беременности, легко разлагаются и вызывают трещины и изъязвление сосков. На это необходимо обращать особенное внимание, иначе страдание сосков, их оплотнение и

трещины на них помешают правильному кормлению ребенка, а иногда приводят даже к воспалительным процессам в молочной железе и к нарывам.

Особенно тщательно должна поддерживаться чистота наружных половых частей, иначе здесь легко развиваются различные паразиты, грибки и т. д., которые могут во время прохождения младенца задержаться в щелях век и вызвать страдание роговой оболочки глаз и вообще страдания в различных отверстиях и складках на его поверхности. Да и во время беременности они, раздражая, могут вызвать ряд неприятных, очень беспокойных ощущений.

Из сказанного видно, что чистота тела, чистота белья является очень существенным условием правильного развития зародыша во время его утробной жизни и в момент появления его на свет. Для поддержания этой чистоты необходимо брать раз в неделю ванну, температура воды которой должна равняться 27—29° R., и производить ежедневные обмывания всего тела водой температуры не ниже 18°, причем следует тщательно обтирать тело досуха и не оставлять никакой влаги на его поверхности.

Ни в каком случае нельзя допускать, чтобы одежда в виде корсетов, поясов, затяжек и т. д. сжимала стенки грудной и брюшной области. Все сжимающие и сдавливающие части одежды препятствуют процессу дыхания, неблагоприятно действуют на брюшной пресс, который, будучи сдавлен в одном месте, будет растягиваться в другом, чем значительно ослабляется его отправление. Ограничение процесса дыхания понижает производительность организма недостаточной доставкой необходимого ему кислорода и этим нарушает правильность кроветворения у матери, а также влияет на кроветворение зародыша. Растянутый брюшной пресс ослабляется, как всякая растянутая мышца, и поэтому является недостаточной опорой при механизме родов. Силы для родовой работы оказываются недостаточными и приходится прибегать к различным искусственным мерам для выведения младенца наружу. Кроме того, растянутый брюшной пресс недостаточно равномерно сдавливает содержимое брюшной полости, плодохранилище легче растягивается и накапливается больше околоплодной жидкости. При большом накоплении этой жидкости подвижность зародыша увеличивается, удлиняется пупочный канатик, который может при большой подвижности закрутиться вокруг различных частей тела и этим препятствовать их развитию и даже вызвать различные неправильности в развитии конечностей или отдельных их частей.

Сдержанность относительно пищи и питья и вообще всяких увлечений, в каком бы виде они ни являлись, имеет, без сомнения, очень важное значение для развития утробного младенца. В пище и питье не должны содержаться никакие пряные вещества и крепкие напитки; своим раздражающим действием они должны неблагоприятно влиять на нежные ткани зародыша, а всякое раздражение вызывает, как последовательное явление, понижение в энергии питания этих тканей и большую их вялость, что непременно должно отозваться на степени способности молодого организма к

деятельности после появления его на свет. То же самое можно сказать и относительно употребления всех наркотических средств, как табак, опий, крепкий чай, кофе и т. д. Наконец, не следует подвергаться никаким возбуждениям, страстям, они все связаны с сильными потерями и приводят также к понижению энергии в питании и развитии зародыша. Необходимо, чтобы во время беременности мать вела простую живую жизнь, не допуская никаких резких отклонений в каком-либо отношении.

Какое влияние имеет всякое возбуждение матери на зародыш, можно судить по движениям ребенка. С половины беременности начинаются заметные для матери движения ребенка; чем ближе к концу беременности, тем эти движения сильнее; направленные к верхней части плодохранилища, эти движения связаны с менее неприятными ощущениями; они более неприятны, если направлены к нижней части плодохранилища, где более близкие твердые части таза сильнее проводят эти толчки, и поэтому вследствие вызываемых ими сотрясений они связаны с более неприятным ощущением. Чем тверже брюшные стенки, тем резче они передаются, чем мягче эти стенки, тем передача их слабее. Поэтому у первородящих, не носивших корсета, с хорошо развитыми мышечными стенками живота, они яснее ощущаются, чем у многорожавших с растянутыми стенками. При всяком волнении, тревоге, беспокойстве и увлечении матери эти движения сильнее, при ровной, привычной деятельности и покое они слабее. Усиление этих движений зародыша лучше всего указывает на неблагоприятные последствия всякого увлечения матери и насколько необходима сдержанность во время беременности.

Жизнь должна быть деятельной как в физическом, так и в умственном отношении. Организм человека построен таким образом, что он требует постоянной деятельности; как только в каком-либо отношении деятельность уменьшается, так органы ослабевают и начинают подвергаться регрессивному изменению. Наблюдения над взрослым человеком показывают, что утром, после сна, производительность у него меньше, чем вечером, после деятельно проведенного дня. Чтобы убедиться в этом, стоит утром лечь на пол и со сложенными на груди руками подниматься из горизонтального положения — это гораздо труднее, чем вечером, перед тем как ложиться спать; в это время обыкновенно можно свободно подняться до 10 раз подряд, что требует утром гораздо большего напряжения или даже оказывается невозможным сделать такое число движений. Отсюда очень хороший английский обычай утром, до еды и полного туалета, сделать прогулку на воздухе, хотя бы в 5—6 верст, а то и больше. После этого можно гораздо бодрее приступить ко всякой умственной и физической деятельности. При знакомстве с животным организмом постоянно наблюдается, что все, что упражнением постепенно увеличивает свою деятельность, что совершенствуется, что бездействует) то изменяется, распадается и даже исчезает.

На основании приведенного необходимо заключить, что для правильного развития зародыша необходима

постоянная деятельность матери во время беременности. Необходимо, однако, чтобы деятельность эта была как физическая, так и умственная, они должны чередоваться. Чем более разнообразия в деятельности, тем более различия в составе продуктов обмена, а чем больше различия в составе продуктов изменения, выводимых наружу, тем живее обмен, а вместе с этим и энергия питания. При этом следует принять во внимание еще и следующее: в том месте, где существует раздражение, там и прилив питательного вещества; следовательно, если умственная деятельность мало упражняется, и женщина избегает по возможности также и физической работы, которая ее затрудняет, чему обыкновенно сочувствуют и окружающие, поддерживая ее бездействие, то вместе с этим понижается общая ее деятельность, а также и питание и энергия всего ее организма. Вследствие этого поддерживается прилив, главным образом, к тем частям, где существует усиленная деятельность, т. е. к плодохранилищу. Усиление прилива, в особенности при растянутых брюшных стенках, и уменьшение давления со стороны последних содействуют увеличению размеров зародыша и в особенности увеличенному отложению такой инертной ткани, как жир. Младенец родится на свет большого размера, с большим отложением жира на всей его поверхности, вялый, с малой сопротивляемостью и легко погибает. Если средний вес новорожденного 3200 г (8 фунт.), то этот вес для зрелого новорожденного может дойти до 6123 г (15,3 фунт.) и даже до 7200 г (18 фунт.).

Следовательно, при бездействии во время беременности и растянутых брюшных стенках (в особенности вследствие ношения корсета и при повторной беременности) роды должны быть очень трудны как вследствие больших размеров младенца, так и вследствие слабых растянутых брюшных стенок и бездействия физически слабого организма. Ослаблению организма еще в значительной степени содействует ношение корсета. Понижение умственной деятельности приводит к уменьшению содержимого полости черепа (мозга). Костные стенки черепа краями своими при этом сдавливаются, срываются, толщина стенок увеличивается, они разрыхляются, так как кость растет в сторону меньшего сопротивления; даже замечаются костные наслоения на внутренней поверхности стенок полости черепа, со стороны твердой оболочки мозга. Такому утолщению черепа, понятно, еще содействует корсет, так как знакомство с условиями, с которыми связана мозговая деятельность, и отношением дыхательных органов и сердца к органу, лежащему в герметически закупоренной черепной полости, позволяет вывести такое положение: *чем сильнее грудная клетка затягивается, тем более понижается умственная деятельность лица, т. е. умственные отправления человека обратно пропорциональны степени затягивания грудной клетки корсетом.*

Все приведенные данные находятся в такой тесной логической связи между собой, что изменение в одной из приведенных частей организма непременно должно привести к изменению во всех других частях. Гармония отправления нарушения, что должно непременно проявиться в нарушении нормального развития зародыша; большое отложение

инертной ткани должно очень понизить степень энергии (...)

Необходимо обратить внимание на некоторые советы, которые охотно дают врачи-акушеры, и в особенности акушерки. Так, например, подавая совет относительно принимаемой пищи, говорят, что пищу следует принимать легкую, всего лучше молоко, яйца всмятку, но к последнему прибавляют: «Если молоко производит расстройство желудка, следует прибавлять в него рому или коньяку, по чайной ложке на стакан». Ничего подобного допустить нельзя. Тут же рядом говорится относительно лекарственных веществ: «Если они действуют и впопад, то легко может случиться, что, будучи вполне пригодными против той или другой болезни матери, они вредны для плода или для грудного младенца». Как можно советовать матери давать по чайной ложке рому или коньяку? Это значит не принимать во внимание, насколько этим понижается энергия зародыша или младенца и его умственные способности на всю жизнь.

Точно так же невозможно следовать совету брать с 8-го месяца или последние две недели беременности теплые ванны, в 28—29°, по два и даже по три раза в неделю и оставаться в ванне не более четверти часа. Эти советы даются обыкновенно с целью подготовить родовые пути, чтобы места соединений тазовых костей несколько размягчились и кости эти могли бы во время акта родов несколько раздаться. Такие советы указывают на полное незнание с механизмом тазового пояса, а также с деятельностью брюшного пресса и связью между деятельностью этого пресса и тазовым поясом. Все суставы и соединения тазового пояса находятся под влиянием мышц, весь пояс является опорой при сопротивляющейся деятельности брюшного пресса во время акта родов. Чем крепче и тверже пояс, чем более он укреплен, тем большую опору он составляет для брюшного пресса, а чем сильнее сокращается этот пресс, тем большую силу могут проявить мышечные стенки плодохранилища и легче справиться с родовой работой. Следовательно, размягчать здесь ничего нельзя и не следует, это было бы только вредно для роженицы, она не была бы в состоянии собственными силами окончить родовую работу. Между тем такие теплые ванны не выгодны, они ослабляют мышечную силу беременной, раздражая ее своей высокой температурой. Можно только обмываться и брать ванны для чистоты, но ни в каком случае не для каких-то расслаблений суставов и костных соединений: так можно рассуждать только при полном незнании со строением и отправлениями человеческого организма. Двумя строками выше того места, где советуют теплые ванны в 28—29° R., говорится: «Мыться в бане во время беременности можно, но ни в каком случае не следует не только париться, но даже входить в жаркое отделение». Вот какие противоречивые советы дают врачи. Не удивительно, что в среде, где эти советы исполняются, роды так часто оканчиваются искусственными мерами.

Что касается до «прихотей беременных», желания есть вещества, не употребляемые в пищу, как, например, уголь, мука, бумага, карандаш и т.д., то это является последствием праздной жизни; хотя обыкновенно и говорят, «что их природа этого требует», но на самом деле это делается обыкновенно от скуки; они пользуются своим положением, в

котором, полагают, следует выказывать различные странности. Чем больше женщина деятельна, чем серьезнее она занята своим делом, тем реже встречаются такие отступления от нормы. Объясняются такие странности отчасти и рядом новых ощущений, связанных с беременностью, которые при бездействии привлекают внимание беременной и заставляют ее производить ряд несообразных действий, между прочим и есть что случайно попадает на глаза. В таких случаях необходимо объяснить ненормальность такого желания и советовать более деятельной жизнью отвлекаться от таких потребностей.

Из всего сказанного видно, какое большое влияние имеет чистота, сдержанность, умственный и физический труд беременной на развитие зародыша. В деревнях у рабочих женщин акт родов проходит гораздо легче, искусственная помощь требуется реже, новорожденный крепче, относительно меньшего размера и менее прикрыт жировым наслоением. Теперь спрашивается: какие существенные проявления младенца слагаются во время утробной жизни?

Новорожденный является на свет в определенным *темпераментом*, который у него слагается из условий, при которых происходит развитие зародыша во время утробной жизни. Темпераментом выражается степень силы и степень быстроты проявления особи. Какое бы животное ни взять, оно всегда отличается основными своими проявлениями. В природе все сходно, но ничего не равно; это неравенство проявлений особи именно и выражается раньше всего ее темпераментом. Все, что было раньше сказано относительно темперамента и зависимости его от питания особи и от всего, что имеет какое-либо отношение к питанию, все это относится к решению вопроса о влиянии утробной жизни на основные проявления ребенка.

До разбора вопроса о темпераменте новорожденного необходимо остановиться на выяснении терминов, которые здесь придется применять. Необходимо отличать при изучении новорожденного влияние, которое имело на него зачатие, или влияние производителей, которое, как мы раньше видели, выражается раньше всего степенью энергии этих производителей, — это будет *наследие производителей*. После зачатия на развитие зародыша влияют, как это только что было изложено, условия питания и деятельности организма матери — это будет *наследие матери*, которое необходимо резко отличать от наследия производителей. После рождения на свет ребенок подвергается влиянию среды, в которой он растет и развивается, — это будет *наследие среды*. Все это вместе взятое обыкновенно соединяют словом *наследственность* или же говорят о *врожденности*. Спрашивается: что обозначать первым словом и что вторым? Вопросы эти до сих пор так мало подвергались научной проверке и исследованию и не только в русской, но и вообще европейской литературе, что необходимо раньше всего точно определить, что обозначать первым словом и что вторым. Слово *врожденный* как будто указывает на те проявления, которые существуют у младенца при появлении его на свет, но говорят также о врожденных привычках и обычаях и реже соединяют такие привычки и обычаи и е

наследственностью, т. е. с наследием производителей, связанным с оплодотворением и зачатием. В эмбриологии со словом *наследственность* (heredite) связывают только наследие производителей, влияние которых и оканчивается вместе с окончанием процесса оплодотворения. На этом основании в данном разборе со словом *наследственность* будет связано *только* наследие производителей. Этим наследием передается степень энергии; в связи с этой энергией, вызывающей цепь взаимодействующих условий, появляются основные формы, которые и составляют основные формы человеческого зачатка. Слово *наследственность* тем более необходимо связывать с наследием производителей, что с этим словом связывается также все, что связано с передачей имущества, принадлежащего производителям. Не говорят о врожденном имуществе, а непременно о наследственном имуществе. Слово *врожденный* будет здесь связано только с тем, что соединено с утробной жизнью, а следовательно, с влиянием материнского организма на развитие зародыша

, т. е. со степенью силы и степенью быстроты проявлений, которыми отличается новорожденный с его готовыми основными формами. Есть еще слово *природный*, т. е. то, что связано с природой данного человека, природными его свойствами (Naturell — Канта), которые слагаются, главным образом, под влиянием на него среды во время его семейной жизни. Результат этого влияния выражается *типом* ребенка, на который до сих пор совершенно не обращали внимания и всегда смешивали с темпераментом и характером лица.

Задача школы — содействовать развитию отвлеченного мышления, при посредстве которого человек приучается проявлять свою деятельность не по указанному, не по имитации, а проявляет свою волю, действует самостоятельно и даже проявляется творчески. Это выражается *характером* лица. Если же его действия направляются выработанным данным лицом понятием о правде, то из этого уже слагается *нравственный характер* лица.

На основании всего приведенного следует, что необходимо отличать: наследие производителей, явления которого обозначаются словом *наследственность*, наследие матери, которое выражается словом *врожденность*, и наследие среды, из которого слагаются *природные* проявления человека.

Понятно, что все эти разделения чисто теоретические, необходимые для возможно тщательного изучения человека и основных его проявлений. Последующее влияние всегда присоединяется к предыдущему, так что это предыдущее хотя и изменяется, но все же сохраняет некоторое влияние, так как оно связано с первоначальным развитием форм, которые должны изменяться, чтобы изменились отправления. Как все в природе изменчиво, так и первоначальное влияние производит продукты, всего более изменчивые; все развитие состоит в вытачивании из первоначальных намеченных общих человеческих форм индивидуальных форм и индивидуального образа, который постепенно резче очерчивается и получает более резкое выражение, причем отбрасываются изменчивые телесные потребности и заменяются стойкими идейными. Человек настолько тверд и стоек в своих действиях, насколько он идейно образован {...}

Можно заключить, какое большое значение во время утробной жизни имеет организм матери и что для нормального развития необходимы: чистота, сдержанность, отсутствие ненормальных механических влияний, в виде сжатия, давления на грудные и брюшные стенки матери, а также постоянная как умственная, так и физическая деятельность матери. Новорожденный является на свет при нормальных условиях с определенным темпераментом, соответственно которому он и реагирует на влияющий на него окружающий мир. Эта реакция отличается только по степени силы и по степени быстроты его проявлений.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ РЕБЕНКА

Семейная жизнь ребенка занимает семь первых лет после рождения его на свет. Этот отдел в жизни ребенка можно подразделить на следующие периоды: 1) *Первый год* после рождения на свет до *конца первого года*; в это время ребенок из лежачего положения переходит в сидячее, а затем становится и начинает сам ходить; с седьмого месяца у него являются зубы, он начинает различать окружающих и под конец этого периода начинает произносить первые артикулированные звуки, т. е. он начинает разъединять то, что извне на него действует. 2) *От конца первого года до начала третьего года*; во время этого периода выходят все молочные зубы, ребенок свободно передвигается и ясно артикулирует звуки своей речи. Он выделяет себя из окружающей среды и называет себя в первом лице «я», т. е. он начинает *сравнивать* разъединенные им ощущения. 3) *От начала третьего года до конца пятого года* ребенок все повторяет; он сам подмечает, повторяет, называет и справляется о верности и значении произносимых им слов, т. е. он усваивает себе условность появившихся у него ощущений и связывает их со словами своей речи. 4) *От пятого до конца седьмого года*, в это время ребенок наблюдает, повторяет, рассуждает, т. е. старается рассуждением выяснить себе значение наблюдаемых им действий и явлений, а также соотношение людей между собой. Во время семейного периода жизни ребенка складывается его тип, усваиваются им обычаи и привычки данной местности и семьи, и поэтому этот период имеет большое влияние на жизнь человека и оставляет почти неизгладимый след на всем его будущем существовании. Цель воспитания — содействовать развитию человека, отличающегося своей мудростью, самостоятельностью, художественной производительностью и любовью. Необходимо помнить, что нельзя ребенка *сделать человеком*, а можно только этому *содействовать* и не мешать, чтобы он сам в себе выработал человека. Необходимо, чтобы он выработал идейного человека и стремился бы в жизни руководиться этим идеалом.

Главные основания, которых необходимо держаться при воспитании ребенка во время семейной его жизни: 1) *чистота*, 2) *последовательность* в отношении слова и дела при обращении с ребенком, 3) *отсутствие произвола* в

действиях воспитателя или *обусловленность* этих действий и 4) *признание личности ребенка* постоянным обращением с ним, как с человеком, и полным признанием за ним права личной неприкосновенности.

Цель всякого воспитания — содействовать развитию разумного человека, который был бы в состоянии соединять опыт прошедшей жизни с настоящей жизнью и быть в состоянии предвидеть последствия своих действий и отношений к другому лицу, выяснять себе причинную связь наблюдаемых им явлений и творчески предсказывать и проявляться, в чем именно и выражается человеческая мудрость. Понятно, что такие проявления могут быть только в том случае, когда человек в состоянии сам выработать свою мысль и сам ее применять. Необходимо также, чтобы эти проявления, как и вообще все действия человека, были настолько целесообразны и быстры, а вместе с этим просты и точны, что давали бы возможность увеличивать производительность лица и доводить ее до художественного изящества.

Мудрость человека должна доказать ему узость личной жизни и указать на значение общественного проявления, чтобы подсказать ему его долг содействовать совершенствованию общества, в котором он находится; точно так же его идейность должна содействовать возможности идеализировать общество, ближнего и даже дело, которым человек занят, и этим проявлять свою любовь, так как истинная любовь требует непременно идеализации того, к чему она относится. Поэтому мудрость и любовь, как исключительно человеческие проявления и возможные только при наличности образования, должны составлять главную цель воспитания.

Необходимы, однако же, определенные условия для достижения приведенной цели. Требуется большая степень энергии в проявлении существа; такая живая энергия возможна, однако же, только при благоприятных условиях зачатия и утробной жизни, а также и семейной жизни, которая поддерживала бы такую энергию и ни в каком случае не понижала и не ослабляла ее.

1. *Чистота* требуется как необходимое условие правильного питания, а также как необходимое средство для предохранения от всякого заражения. Ранее уже было сказано о чистоте тела матери во время беременности и о влиянии ее на обмен и питание организма. Нечистоплотность грудей, сосков уже может вызвать у ребенка молочницу (Soor), точно так же как нечистоплотность половых органов, в особенности во время родов, может вызвать воспаление глаз новорожденного (ophthalmia neonatorum), которое является причиной слепоты у одной трети всех слепых.

Кожа новорожденного тонкая, мягкая, красная вследствие тонкости слоя, прикрывающего сосуды; она прикрыта смазкой (vernix caseosa), состоящей из покрышечных элементов, жира и пушка. На 4-й или 5-й день, и не позже 2 недель, поверхность кожи начинает шелушиться; вместе с этим выпадает пушок на всей поверхности кожи, а также и волосы на голове. Все это указывает на то, какое большое значение для обмена и питания имеет такая нежная, тонкая и большая поверхность, которая у новорожденного относительно больше, чем у взрослого. Частые выделения мочи, также

содержимого кишечного канала, образование более глубоких паховых складок, а также подколенных и подкрыльцовых впадин — все это требует возможно большей чистоты и удаления продуктов распада. Иначе эта нечистота раздражает кожу и вызывает зуд и различные кожные болезни, которые очень беспокоят младенца и не дают ему спать и восстанавливать во время сна большие потери, происходящие в нем. В помещении, где находится младенец, ни в каком случае нельзя держать снимаемого с него грязного белья, все кругом должно быть чисто и бело, нигде не должно быть даже пятен и ни в каком случае нельзя допустить здесь того специфического запаха, по которому обыкновенно издали можно узнать присутствие детской.

Все так называемые детские заразные болезни, как корь, скарлатина, коклюш, оспа, дифтерит и т. д., являются только последствием неопрятности и при абсолютной чистоте были бы совершенно невыносимы. Когда ребенок умирает от такой болезни, то вина падает непременно на окружающих, которые, оплакивая ребенка, собственно оплакивают свою нечистоплотность.

Большая смертность детей семейного периода всегда больше всего бывает там, где распушенность нравов и неопрятность всего сильнее развиты (...)

2. *Отсутствие произвола в действиях воспитателя или обусловленность его действий* является существенным требованием при воспитании человека. Во время семейной жизни ребенок повторением действий окружающих слагает свои привычки и обычаи. То, чему ребенок сам подвергается в это время, непременно отразится впоследствии в его действиях по отношению к другим. Всякое произвольное действие имеет характер случайности и производится под влиянием чувства и поэтому обыкновенно резко и даже грубо. Чтобы действовать с большим сознанием, необходимо обсуждать и выяснять подмечаемое, приводя по возможности в причинную связь поставленное требование и то, что его вызвало.

Обыкновенно говорят, что ребенок должен слушаться и исполнять, рассуждать он будет после. Здесь, однако же, имеет значение такое психологическое положение: *смотря по тому, как мы приучаемся действовать впервые, так будем действовать и впоследствии*. Как все изучаемое усваивается только упражнением, так и умение рассуждать усваивается также только постепенно. Без рассуждения невозможно отвлеченное мышление, а без отвлеченного мышления невозможны волевые отправления человека. Поэтому необходимо приучить ребенка рассуждать в семейный период его жизни. Во время посещений городских училищ в Лейпциге я присутствовал при уроке одного молодого учителя; он постоянно бил своих учеников то по лицу, то куда попало небольшой тростью, которая была у него приготовлена для этой цели. Когда я вечером встретил этого учителя и спросил его, находил ли он полезными и даже возможными телесные наказания в школе, он твердо ответил, что без них можно хорошо обойтись. На мой вопрос,

почему же он их применяет, он откровенно ответил: «Так скорее». Скорость эта, однако же, обыкновенно связана с произволом, со случайным грубым действием, не соответствующим причине, вызвавшей его, и поэтому часто совершенно несправедливым и оскорбляющим личность ребенка. Напротив того, необходимо приучить ребенка к тому, чтобы он отдавал себе отчет в своих действиях, чтобы постоянно задумывался над тем, что делает, и чтобы постоянно следил и выяснял себе основание своих действий; *только* в таком случае он в состоянии развить в себе человека. Для этого необходимы соответственные же действия со стороны окружающих.

Необходимо отличать желание ребенка выяснить вопрос, который у него является, от простой болтливости и постоянных его вопросов, которые он сам в состоянии уже разрешить; такая болтливость ребенка очень не выгодна, это не будет рассуждение над явлениями, подмечаемыми самим ребенком, а только случайное произношение слов и малосознательное и даже поверхностное отношение к делу. Такой болтливости никогда не следует поддерживать у ребенка. Причина такого явления обыкновенно пустая болтовня взрослых и неумение обращаться и говорить с ребенком. В деятельной и рабочей среде, где постоянно все заняты, и ребенок занят, нет времени для пустой болтовни. Только когда ближайший ребенку человек освобождается от работы, он обращается к нему для выяснения своих сомнений и получает краткий и простой ответ. Соответственно с этим и ребенок ставит свои вопросы, о которых первоначально сам подумает, и потом уже обращается для проверки или для выяснения их к окружающим. Не следует только отталкивать ребенка, зря гонять и относиться случайно, под влиянием минуты, то очень ласково, то сурово, совершенно произвольно, как придется, никогда не выясняя основания своих действий. В последнем случае, понятно, и ребенок также повторит воспринятое им и никогда не приучится рассуждать над тем, что делает и чем занимается.

3. *Последовательность* в отношении слова к делу при обращении с ребенком составляет очень существенное требование при семейном его воспитании. Необходимо помнить, что ребенок является на свет только с известной степенью энергии организма. Органы активной его деятельности только намечены и далеко еще не развиты, они должны постепенно развиваться по мере их возбуждения к работе. Проявления ребенка первоначально исключительно имитационные; вместе с этим он при посредстве своих вопросов узнает условное значение произносимых им звуков, а также условность тех ощущений, которые у него являются и при посредстве которых он приучается отличать влияние на него внешнего мира и то, что происходит в его собственном организме. Из них у ребенка слагаются представления, разъединением и сравнением которых он уже вырабатывает себе критерий для своих действий. Если ребенок подмечает, что никакой последовательности у взрослых нет, то он не в состоянии усвоить себе этого критерия, его действия будут случайны, шатки, никаким серьезным основанием не будут руководимы и направляемы. Если ребенку говорят о чем-либо, как об уже исполненном, а он на деле видит, что это не так, что это не исполнено, то он предполагает, что

можно сказать одно, а сделать другое, не соответствующее слову. Если в присутствии ребенка потребовать, чтобы пришедшему сказали, что нас нет дома, то он первоначально изумленно посмотрит и сейчас же выскажет свое сомнение. Заявление о том, что это не его дело, чтобы он молчал и не рассуждал, ему дела не объясняет, он только сбит с толку и полагает, что может поступать как придется или как захочет. При таких условиях ребенок не усваивает себе критерия правды, у него нет оснований для нравственных его проявлений, он будет руководствоваться только своим ощущением, то, что ему приятно, он будет делать, что неприятно — он будет избегать, т. е. будет руководствоваться тем, чем руководствуется каждое животное. Ребенок, таким образом, будет сбит в основаниях нравственных проявлений человека.

Правдивость не дана человеку готовой, она должна быть приобретена и усваивается первоначально только наблюдением над жизнью окружающих, так же как и речь ребенка. Можно говорить с ребенком, приспособляясь и повторяя те неправильные и малоартикулированные звуки, которые он произносит, тогда он долго не научится говорить правильно, и даже некоторая неправильность в произношении может у него остаться на всю жизнь. Все это заставляет взрослого быть очень последовательным во всех своих действиях, за которыми ребенок постоянно следит, усваивает и соответственно этому действует. Правдивость ребенка складывается только из правдивости среды, его окружающей, или, по крайней мере, того человека, к которому ребенок всего более привязан и который к нему всего проще относится. Стоит только отталкивать ребенка, если он высказывает? подмеченные им явления, и не обращать его внимания на последовательность в действиях, которые у него замечаются, чтобы он стал говорить неправду, что легко войдет у него в привычку, от которой потом он не скоро отделается. Необходимо твердо помнить, что на ребенка *главным образом влияет дело*, а не слово; он настолько реален, что все у него слагается под влиянием поступков, которые видит. Повторяя то, что на деле он кругом себя замечает, он из этого вырабатывает свои привычки и обычаи; под влиянием этого слагается его тип. Все это указывает на то, насколько существенна для ребенка последовательность и правдивость взрослых, в среде которых он живет во время семейного периода своей жизни.

4. *Признание личности ребенка* с самого начала его сознательной жизни тоже очень существенно, а на это обращают обыкновенно слишком мало внимания при воспитании. Обыкновенно родители полагают, что ребенок — их достояние, их собственность, с которой они могут поступать совершенно безотчетно, как с вещью. Только в том случае они склоняются признать за молодым человеком его личную неприкосновенность, когда он в состоянии жить своим трудом. Но такое отношение к ребенку совершенно неправильно и ничего подобного допустить нельзя, раз только родители обязаны содействовать развитию человека. Обязанность эта истекает из их прошедшего, они в свое время пользовались тем же, поэтому отдают только свой нравственный долг своему потомству. Чем более человек образован,

чем более владеет собой, тем с большей любовью он будет относиться к ребенку, идеализируя в нем человека. С образом человека непременно связано признание его личности и его неприкосновенности, но к этому человек приучается опять же только в молодости; как к нему относились и какое отношение он видел к другим, так и он будет относиться к окружающим. С образованием отношение к людям становится, несомненно, более внимательным, но наибольший след оставляет все же то, что усвоено во время семейного периода развития ребенка. Нужно видеть ребенка, которого никогда никто не оскорблял и не касался его личности, чтобы убедиться в том, насколько он чутко относится к людям и как близко он принимает всякое наносимое оскорбление. Такой ребенок всегда очень впечатлителен и более способен к образованию. Это совершенно понятно: к нему всегда относились с полным вниманием, он не знал никаких оскорблений и связанного с ними угнетения, он сохранил такую энергию, при которой должен быть очень впечатлителен ко всему, что на него влияет или возбуждает, он, следовательно, очень наблюдателен, а при посредстве наблюдательности он набирает легко жизненный опыт.

Обыкновенно, по принятому обычаю, на ребенка смотрят как на куклу, существующую для потехи взрослых. Только что младенец явится на свет, акушерка хлопает его по ягодицам, чтобы он сильно вздохнул; его затягивают свивальником, чтобы взрослым было удобно его носить; его сажают и носят на руках, потому что это взрослых потешает; его целуют, причем взрослые раздражают себя; словом, производят с младенцем ряд действий, утешающих или удобных взрослым и, несомненно, вредных для младенца. Всего этого делать не следует и нельзя допустить без вреда для ребенка. Ударом вызывать у новорожденного усиление дыхательных движений нет никакой нужды, он и так будет двигаться под влиянием новой среды, в которую явился, причем произведет и дыхательные движения; если же эти движения недостаточно сильны, то существует достаточно мер, чтобы возбудить его к усиленной деятельности без этих привычных ударов акушерки. Затягивать ребенка, носить, сажать или качать его положительно не следует, ничего другого, кроме вреда, этим ребенку не приносят; все это препятствует его развитию (стягивание), раздражает и тревожит его (ношение) и приучает его к прибавочному раздражителю (качание), без которого ребенок потом кричит. Матери нужно, чтобы ребенок скорее сидел, чтобы у него скорее прорезывались зубы, чтобы он скорее стоял, скорее ходил; ко всему этому его искусственно возбуждают и искусственными мерами поддерживают. Такое ускорение нарушает ту постепенность и последовательность в развитии ребенка, которые только и можно принять за нормальные. Нарушение этой постепенности приводит к болезни и даже смерти. Вместо того чтобы ребенок *сам* научился сидеть, когда будет в состоянии удерживаться в сидячем положении, *сам* научился ползать, вставать, ходить, все это заставляют его делать раньше, чем он это в состоянии сделать сам, но когда этого желают взрослые. Его необходимо оставлять лежать, не трогать и не таскать, до тех пор, пока он этого не будет делать сам. Необходимо, чтобы младенец *сам* усложнял свои

действия. по мере сил и возможности. Фребелевские садовницы заставляют ребенка даже имитировать и этим отнимают у него всякую возможность делать все самому.

Вся тайна семейного воспитания в том и состоит, чтобы дать ребенку возможность самому развертываться, делать все самому; взрослые не должны забегать и ничего не делать для своего личного *удобства* и *удовольствия*, а всегда относиться к ребенку, с первого дня появления его на свет, как к человеку, с полным признанием его личности и неприкосновенности этой личности <...>

ПЕРИОД ВОЗМУЖАЛОСТИ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ. АНАТОМО-ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

До настоящего времени еще слишком мало исследованы изменения форм человеческого организма и их отправления, связанные с периодом возмужалости. Между тем изменения эти тесно соединены с физической и психической жизнью молодого человека, так что это необходимо иметь в виду при оценке действий последнего. Это тем более важно, что данный период совпадает со школьным возрастом ребенка (...)

Наблюдая молодых людей этого возраста, легко можно подметить три главных типа: 1-й тип—с преобладанием отраженных действий, 2-й — чувственный, 3-й — сознательно-мыслящий.

Рассмотрим все эти типы в частности.

1) Тип детей малоразвитых отличается при наступлении у них периода возмужалости самыми разнообразными внешними проявлениями. Послушный, исполнительный ребенок, мало занятый своею внешностью, начинает заниматься собой и заявлять просьбы и даже требования, о которых прежде не было и речи. (...) Недостаточное развитие мысли не дает молодому человеку возможности справиться со значительно усилившимся чувствованием, а также новым ощущением, появляющимся совершенно незаметно, как бы крадучись. У молодого человека не хватает достаточно сил, чтобы сознательно относиться, сознательно задерживать и направлять появляющиеся у него растительные чувствования; поэтому он усиленно рефлектирует и производит ряд несообразных действий. Неумением дисциплинировать свое тело и вообще управлять собой легко объясняются все наблюдаемые у него явления, в особенности если к этому прибавить еще неблагоприятные влияния со стороны окружающих лиц, которых он обыкновенно первоначально имитирует, не рассуждая над тем, что делает. Главное основание, которым он руководствуется, можно формулировать таким образом: все, что ему нравится, он делает и избегает всего того, что в каком-либо отношении связано для него с неприятным ощущением (...) Умственное развитие у него еще настолько недостаточно, что он не может руководствоваться мыслями, он не привык чем-либо сдерживать себя и направлять свои действия общими образами или положениями, им самим

выработанными. Если молодые люди данного периода развития собираются для общих и совместных действий, то это представляет явление стадное, производимое под влиянием одного из них, отличающегося более живым темпераментом; такой коновод обыкновенно мало разборчив в своих действиях и вследствие грубого нрава стремится к сильным впечатлениям и к постоянной их перемене.

2) Тип молодых людей периода возмужалости с чувственными проявлениями.

Тип этот проявляется очень разнообразно; иногда он является глубоко религиозным с явным меланхолическим настроением, а иногда, напротив, с животными чувственными проявлениями <• . > Иногда такой тип переходит в болезненную форму, как-то меланхолию; но такие случаи очень редки, а обыкновенно приходится видеть, что к 16—18-летнему возрасту молодой человек постепенно принимается за какое-нибудь дело и занимается им, если только несоответственное вмешательство со стороны взрослых не подвергает его усиленному возбуждению и этим не ухудшает его состояния.

3) Тип молодого человека с развитой умственной деятельностью.

Период возмужалости у таких детей проявляется очень разнообразно. Часто мы видим, что ребенок зачитывается книгами: он набрасывается на всякую попавшуюся ему книгу ..., он чрезвычайно внимателен, подмечает даже мелкие оттенки и частности, которые иногда настолько глубоко западают в его душу, что оставляют свой след в продолжение всей его жизни <...>. Иногда молодой человек • выбирает себе сам какое-либо дело или искусство, которому он в таком случае посвящает все свое свободное, по его мнению, время, а также все имеющиеся в его распоряжении средства. При этом он избирает какую-либо область техники, увлекаясь занятиями по физике, механике, химии или какой-либо отдельной отрасли названных предметов, или же он занимается музыкой, живописью, пением или же опять каким-либо специальным видом художества. Между такими молодыми людьми встречаются самоучки, которые производят различные аппараты, инструменты или машинки, в которых все ими самими сделано. <. . > Иногда у молодого человека является также желание вести свой дневник, что иногда наблюдается и у второго типа, писать стихи и вообще поэтические и литературные произведения, издавать газету, и в особенности юмористического или карикатурного содержания.

Настоящий тип наблюдается только в тех случаях, когда ребенок приучился наблюдать и рассуждать над тем, что он наблюдает, когда у него находился уже материал, служащий основанием его опытности. В таких случаях необходимо, чтобы молодой человек умел сам избирать свои занятия и имел бы уже некоторый навык при выполнении задач, которые он себе ставит.

Возбуждение, связанное с появлением периода возмужалости, заставляет такого ребенка серьезнее относиться к

своим действиям, останавливаться над каким-либо предметом или вопросом, на которые случайно наталкивается или которые сам себе ставит. Если молодому человеку приходится сталкиваться с различными людьми, рассуждать с ними, знакомиться с их жизнью, то у него является наблюдательность, накапливается материал из таких непосредственных наблюдений и является понимание жизни; в таких случаях он с увлечением зачитывается книгами, в которых выводятся различные типы, описываются различные условия семейной и общественной жизни, вообще выясняется человек в различных его проявлениях. Будучи ребенком, он больше останавливался над различными частными явлениями, наблюдал их, повторял подмеченное, затем рассуждал над значением этих явлений и над причиной, которая их вызывает. Теперь же он начинает замечать общность явлений, захватывая типичные, что уже указывает на развитие у него отвлеченного мышления, на появление у него умственных образов «...»

Следовательно, только в том случае, если ребенок во время семейной жизни приучился сам наблюдать все окружающее его и повторять то, что соответствует его силам и умению, привык сам рассуждать над тем материалом, который набрал своим наблюдением и этим развил свою способность мыслить, если никто не сбивал его в усвоении критерия правды,— только тогда при наступлении периода возмужалости он является более подготовленным, так что в состоянии справиться с тем новым возбудителем, который у него является. Он сам отыскивает себе какое-либо любимое дело и отдается ему всей своей молодой и живой душой. В этом периоде не следует сурово относиться к молодому человеку и подвергать его насильственным действиям и отнимать у него то, что ему лично в это время почему-либо особенно дорого. Будет ли он зачитываться книгами, не отнимать у него эти книги, будет ли он увлекаться тем или другим искусством, техническими работами, не препятствовать ему заниматься этим делом и дать ему возможность развернуть свои силы соответственно его способностям. Точно так же жене следует мешать его попыткам писать, заниматься литературным трудом, поэтическими произведениями, не отнимать у него такие произведения и не преследовать его за это, точно так же не восхищаться его произведениями и не придавать им несоответственного значения. Если же он заинтересуется каким-либо отделом естественных наук и если его занятия не состоят только в бесцельном убивании животных или бессмысленном собирании коллекций наравне с собиранием старых марок, то необходимо не только не препятствовать этому, но, напротив, поддержать его в этом по силе возможности. При этом обыкновенно можно заметить, как уже сказано, что молодой человек не будет заниматься номенклатурой или классификацией, но непременно жизнью животных или растений.

К крайнему сожалению, всегда полагают, что необходимо начинать ребенка книжными знаниями и строго. придерживаться шаблонно составленных программ, причем обыкновенно забывают, что задача школы состоит в образовании человека, т. е. в том, чтобы дать возможность молодому человеку научиться владеть собой и содействовать

тому, чтобы он выработал себе понятие о человеческой личности и о значении этой личности в обществе. Выяснив таким образом цель школьного образования, нельзя допустить, чтобы изучение грамматики, математики, географии, истории и т. п. производилось в школе только с экзаменационной целью, соответственно составленным программам. Ход развития ребенка соответственно вышеприведенной цели должен быть таков, что он сначала наблюдает, из сравнения выделяет общие явления, подмечает типичность, выделяет первоначально тип лица, а затем уже тип общественных проявлений, завершая свое образование философским обсуждением усвоенного материала. Отсюда вытекает способ обучения по слову или по книге, состоящий: 1) в описании и повествовании, 2) в выяснении умственных образов и типичных проявлений лица, 3) в изложении типичных форм общества и 4) в философском обсуждении всего, что касается личности человека и его проявлений.

На самом деле оказывается, что ребенок интересуется первоначально описанием различных явлений из окружающей среды, повествованиями о различных явлениях природы, условиях жизни, зависимости различных форм от условий, при которых они появляются и развиваются. Такие описания увеличивают материал, собранный ребенком собственными наблюдениями. Точно так же при помощи описания он знакомится с количественными и пространственными отношениями. Далее, когда он сравнивает собранный материал, который он своими действиями и рассуждениями приучился разлагать на элементы, изучать свойства и качества последних, он начинает замечать общие явления, а затем типичные формы. Его речь принимает большую стройность, определенность и точность, он научается справляться при посредстве общих методов с количественными и пространственными отношениями. Вместе с этим он всего более заинтересовывается различными образами и типами, подмечаемыми им и выведенными в литературе. Он научается с понятиями им математическими формулами и положениями справляться и проверять те мысли, которые он вывел из прямых наблюдений различных подмеченных им форм и связанных с ними явлений. В это время он при нормальных условиях действительно увлекается всего более такими литературными произведениями, в которых выводятся типы различных людей, а также проявления различных чувствований и страстей, замечаемых у человека.

С дальнейшим ходом развития молодого человека, по мере развития его мысли, он старается знакомиться с различными видами общественного строя, при которых человек живет. Он интересуется не хронологией и отдельными военными событиями, а стремится выяснить себе условия совершенствования общественной жизни человека в связи со степенью его развития, а также типы различных общественных проявлений человека. Молодого человека в этом периоде интересуют всего более исторические сочинения, выяснение различных физических явлений; он охотно знакомится также с общественной жизнью различных животных.

Наконец, общее образование молодого человека должно завершиться выработкой на основании собственных

наблюдений и опыта мысленной связи всего изученного им или разработкой теории изученного. Этим связывается степень образования человека с нравственными его проявлениями. Он все более интересуется философскими сочинениями, на которые он часто набрасывается с большой жадностью. Эти сочинения и вообще философские обсуждения в самом деле развивают его мысль только тогда, когда эта умственная работа вполне соответствует набранному им самим материалу и умению выводить из него свою мысль, свои идеи, свои теории.

Из всего здесь приведенного видно, какое большое значение имеет в жизни молодого человека период возмужалости и с какими глубокими изменениями в его организме он связан. Со всеми этими явлениями необходимо считаться, если мы понимаем свои обязанности содействовать развитию в нем человека, а ни в каком случае не извращать его. Вред, который приносится ему в этом периоде развития несоответственным вмешательством, оставляет свой след на всю его жизнь.

СЛОВО О П. Ф. ЛЕСГАФТЕ

Предлагаемая книга известного русского педагога Петра Францевича Лесгафта «Семейное воспитание ребенка и его значение» необычайно актуальна сегодня. Знакомство с ней поможет родителям в воспитании детей от самого рождения до их зрелости, поможет изучить возрастные и индивидуальные особенности ребенка в семье, научить его самостоятельно мыслить и действовать. «Вся тайна семейного воспитания,— писал Лесгафт,— в том и состоит, чтобы дать ребенку возможность самому развертываться, делать все самому; взрослые не должны забегать и ничего не делать для своего личного удобства и удовольствия, а всегда относиться к ребенку с первого дня появления его на свет как к человеку, с полным признанием его личности. «..».

Эта книга может быть также использована и в современной практике воспитания детей и подростков в школе. Семейное и школьное воспитание здесь органически взаимосвязаны. Основные принципы, утверждаемые автором,— это уважение личности ребенка, развитие самостоятельности и творчества детей. Следование этим принципам поможет учителю относиться к ребенку серьезнее, мягче и добрее, с большим вниманием и любовью, чем это наблюдается сейчас в семье и школе.

Мы надеемся, что «Семейное воспитание ребенка...» по праву станет настольной книгой для родителей, учителей и студентов педагогических учебных заведений.

Выдающийся представитель русской педагогики конца XIX— начала XX в. Петр Францевич Лесгафт в истории

развития педагогической мысли России занимает особое место. Им создана теория семейного воспитания, построенная на самых гуманных принципах и надолго определившая круг основных проблем в отечественной и мировой педагогике. П. Ф. Лесгафт внес огромный вклад в создание системы физического воспитания и образования. Для этого ученый сумел привлечь достижения целого ряда наук, связанных с педагогикой: анатомии, физиологии, гигиены, психологии. Значителен его вклад в развитие женского медицинского и педагогического образования.

П. Ф. Лесгафт родился в Петербурге 21 сентября 1837 г., в семье ювелира. После трех классов гимназии отец отдал его на выучку к аптекарю. Возможно, в какой-то мере это обстоятельство определило интерес мальчика к лечению людей и повлияло на выбор профессии врача. Закончив гимназию с серебряной медалью в 1856 г., Лесгафт поступает в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию. Здесь он занимается химией, анатомией, медициной, увлекается педагогикой. Под влиянием демократического движения 60-х гг. уже в студенческие годы молодой Лесгафт формируется как общественный деятель и ученый-новатор.

По окончании академии П. Ф. Лесгафт много времени уделяет исследовательской работе: в 1865 г. защищает диссертацию на степень доктора медицины, а спустя три года заканчивает вторую диссертацию и становится доктором хирургии. Осенью 1868 г. П. Ф. Лесгафта избирают экстраординарным профессором в Казанском университете. Заведую здесь кафедрой физиологической анатомии, он ведет активную педагогическую деятельность

: блестяще читает лекции, организует практические занятия со студентами.

Педагогическая деятельность Лесгафта в Казанском университете проходила в условиях постоянной борьбы с официальной администрацией. Отношения между реакционной частью преподавателей и прогрессивно настроенными профессорами с каждым годом обострялись. Решительное письмо Лесгафта «Что творится в Казанском университете?», опубликованное 14 сентября 1871 г., явилось отражением существовавшей гнетущей атмосферы в университете. За это выступление Лесгафт был уволен из университета без права заниматься педагогической деятельностью.

Идея всестороннего изучения человеческой личности все больше увлекала П. Ф. Лесгафта. Он приступил к сбору материалов для новой обширной работы «Задачи антропологии и методы ее изучения», в которой подчеркивал, что «познать человека, направить и оценить его действия мы можем только тогда, когда, понимая строение и отправления его организма, мы хорошо будем знать влияние на него всех внешних условий, как физических, так и нравственных».

Работая врачом с 1872 г. в частном гимнастическом учреждении доктора А. Берглинда, он занимается вопросами физического воспитания. Опираясь на данные анатомии и физиологии, он ставит перед собой цель: глубоко и всесторонне разработать проблему физического воспитания, обращая внимание в равной степени на его оздоровительные и образовательные задачи. Он приходит к выводу, что «школа не может существовать без физического

образования; физические упражнения должны быть непременно ежедневными, в полном соотношении с умственными знаниями, потому что всякая однообразная деятельность утомляет, угнетает молодого человека и убивает в нем всякую самостоятельность». В дальнейшем, в период работы в военном ведомстве (1874—1886) Лесгафт создает программы по улучшению физического воспитания, продолжая утверждать, что всестороннее развитие «деятельности человеческого организма» должно составлять общую цель воспитания и образования.

По словам Лесгафта, вся его жизнь была отдана студенческой молодежи. «Запретить мне преподавать, лишить меня общения с молодежью — значит лишить меня самого дорогого, что у меня есть», — писал он.

Поэтому, когда осенью 1886 г. ему предложили читать лекции по анатомии в Петербургском университете, он с радостью согласился. Эта работа вновь дала ему возможность общаться с молодежью, направить все свои силы на изучение «живого человека». Недаром впоследствии один из его учеников писал, что «...анатомия Лесгафта превращалась в познание человека во всех сложных его взаимоотношениях с окружающей жизнью».

Научная деятельность педагога была тесно связана с его общественной работой. В 90-е гг. XIX в. П. Ф. Лесгафт много внимания уделяет разработке и популяризации своей системы физического образования. Через созданные им и его учениками Общества содействия физическому развитию устраивает детские площадки для игр, катки для детей и взрослых в Петербурге и других городах России. На средства, собранные учениками, при поддержке передовой русской общественности Лесгафт основывает ряд научных и учебных заведений. Так, в 1896 г. Лесгафтом были организованы курсы воспитательниц и руководительниц физического образования, которые представляли собой частное высшее учебное заведение. Это было первое в России и в мире высшее женское учебное заведение, готовившее специалистов по физическому воспитанию. Здесь преподавались естественные, математические, а позднее и гуманитарные науки. Эти курсы неоднократно закрывались царскими властями, но вновь возрождались и существовали до последних лет жизни П. Ф. Лесгафта.

Скончался П. Ф. Лесгафт 12 декабря 1909 г. в Египте, где находился на лечении. Похоронен на литературных мостках Волкова кладбища в Петербурге.

Одно из центральных мест в педагогических трудах П. Ф. Лесгафта занимает его учение об «идеально нормальной личности», которую должна формировать вся система воспитания и образования. Наиболее яркое выражение оно находит в книге «Семейное воспитание ребенка и его значение». Долгие годы работая над этой Книгой, Лесгафт стремился ответить на волнующие человека вопросы: чем определяется нормальное физическое и нравственное развитие? Почему так много в жизни отклонений от идеального образа красивого, органично развитого человеческого организма? Он старался определить причины, мешающие каждому человеку достичь духовного совершенствования. Так

он приходит к мысли о том, что полное развитие всех природных задатков способностей, формирование разумной, свободной человеческой личности возможно для каждого здорового человека, детство и юность которого проходят в нормальных человеческих условиях. Какие же это условия?

Первое. Атмосфера любви. Человек должен быть зачат в любви, выношен и рожден в любви и все свое детство провести в атмосфере любви и взаимного уважения людей. Лишенный этого чувства человек не способен уважать своих близких, сограждан, Родину, делать людям добро. При этом Лесгафт предупреждал, что слепая неразумная материнская любовь, «забивая ребенка хуже, чем розги», делает человека безнравственным потребителем или честолюбивым карьеристом.

Второе. Высоконравственный воспитатель, который учит ребенка размышлять, быть правдивым, соблюдать единство слова и дела. Самое лучшее, если эту роль выполняет мать, но может быть и неродной воспитатель, на попечении которого должно быть не более 6—7 детей. (Современные психологи установили, что именно с таким количеством детей воспитатель может одновременно поддерживать эмоциональный контакт).

Третье. Регулярный радостный общественно полезный труд в присутствии ребенка. Постоянно наблюдая за работой взрослых, ребенок начинает имитировать это в игре, а затем и сам включается в процесс труда как помощник, и, наконец, как самостоятельный исполнитель.

Четвертое. Исключение так называемых прибавочных раздражителей из жизни ребенка: роскоши, нищеты, чрезмерных лакомств, беспорядочной еды, табака, алкоголя, азартных игр. У ребенка, привыкшего испытывать удовольствие от воздействия на его мозг «прибавочных раздражителей», не вырабатывается способность к целенаправленной деятельности. А это означает, что еще одна творческая личность похоронена, не успев даже родиться.

Пятое. Гармоническое развитие всех способностей ребенка. Слушание сказок, музыки, песен должно сменяться физическими упражнениями, играми, работой в саду, занятиями сборными игрушками — чтением стихов, игра в шахматы — рисованием, лепкой. Ведь никто не знает, в какой области человеческой деятельности может проявиться особый талант, данный природой только этому ребенку. Значит, он должен соприкасаться с максимумом занятий, чтобы со временем определить свое призвание. И «медвежью услугу» оказывают своему ребенку те родители, которые по своему произволу заранее программируют его жизненный путь.

Шестое. Принцип постепенности и последовательности. Воспитатель должен постоянно следить за тем, чтобы ребенок брался только за те дела, которые в данное время для него посильны. Иначе он потеряет интерес к занятиям, появится лень. По мере роста и развития ребенка занятия должны становиться все более трудными и сложными.

Седьмое. Ограждение ребенка от контактов с безнравственными людьми. Важнейшим методом овладения

знаниями и опытом у ребенка является имитация. Инстинкт имитации заставляет ребенка пытаться воспроизвести все действия и поступки окружающих его людей. Воспроизвел — значит освоил. Только в конце периода семейного воспитания, т. е. примерно в 7 лет, ребенок вырабатывает свои собственные «нравственные основания» и может оценивать поведение и поступки окружающих людей. Поэтому взрослые, которые любят ребенка и желают ему добра, должны строго контролировать каждый свой шаг, чтобы не послужить ему примером безнравственного поведения.

Поступление в школу — чрезвычайно сложный и ответственный перелом в жизни растущего человека. Меняется ритм жизни, окружающая среда, метод изучения мира. Период начальной школы знаменует завершение формирования нравственного типа ребенка. Здесь решается задача: быть или не быть творческой личности. По словам Лесгафта, школа должна дать наиболее полное развитие разуму ребенка, научить его абстрактно мыслить, проверять полученные результаты математическими методами, развить его трудолюбие, волевые качества и воспитать человеком, живущим по правде и для людей. В дальнейшем самовоспитание, самоконтроль и самоанализ помогут человеку управлять своим поведением и поступками, чтобы всегда приближаться к своему идеалу.

Петр Францевич Лесгафт писал свой труд не только для своих современников. Он писал и для нас с вами. И каждый из нас может внести свою лепту в воспитание молодого поколения.

Е. С. Бух

Содержание

Введение	3
Школьные типы (антропологический этюд)	10
Лицемерный тип — Честлюбивый тип	20
Добродушный тип	29
Мягко-забитый тип	45
Злостно-забитый тип	54
Угнетенный тип	73
Основные проявления ребенка и их значение	86
Темперамент	87
Тип	95
Характер	111
Метод	139
Утробная жизнь ребенка	148
Семейная жизнь ребенка	157
Период возмужалости и его проявления	165
Слово о П. Ф. Лесгафте	170

Научно-популярное издание

Лесгафт Петр Францевич

Семейное воспитание ребенка и его значение

Зав. редакцией

Ю. В. Василькова

Редактор

Е. А. Ляпидевская

Художественный редактор

Е. В. Гаврилин

Технические редакторы

Л. А. Зотова, Т. Г. Иванова

Корректор Л. В. Яковлева

ИБ № 1656

Сдано в набор 26.06,90. Подписано в печать

15.11.90. Формат 84X108¹/₃₂,г- Бумага кн.-

журн. Печать высокая. Гарнитура литературная.

Усл. печ. л. 9,24. Уч.-изд. л. 9,91. Усл.

кр.- отт. 9,56. Тираж 100 000 экз. Зак. № 768

Цена 1 руб.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Государственного комитета СССР по печати. Москва, 119034, Смоленский б-р, 4

Набрано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по печати. 113054, Москва, Валуевская, 28

Отпечатано во Владимирской типографии Госкомпечати СССР, 600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, 7